

ЛЕОНИД СМИРНОВ

ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ

*г. Петропавловск-Камчатский
2020 год*

ЛЕОНИД СМИРНОВ

ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ

*г. Петропавловск-Камчатский
2020 год*

СМИРНОВ Леонид Михайлович

Родился 02 января 1937 г. в с. Архыз Зеленчуковского района Ставропольского края. В 1959 году окончил Грозненский Ордена Трудового Красного Знамени нефтяной институт имени Серго Орджоникидзе по специальности «Геология и разведка месторождений нефти и газа», квалификация – «Горный инженер-геолог».

После окончания института был направлен для работы в Камчатское райГРУ. Прошёл трудовой путь от старшего коллектора, инженера-геолога, начальника партии до главного геолога (1969-1990 гг.) и начальника Елизовской геофизической экспедиции (1990-2002 гг.). Уволился 27 июля 2002 г.

Л.М. Смирнов – один из самых активных исследователей стратиграфии Кроноцкого района. В 1960-х годах он разработал тектоническую схему Западной Камчатки, практически полностью отвечающую современным требованиям. Тогда же предложил план нефтепоисковых работ на Западной Камчатке, который стал основой существенного разворота нефтепоисков в этом районе. Соавтор тектонических схем Камчатки и отдельных её районов, автор пяти отчётов и шести научных статей.

Л.М. Смирнов – ветеран труда, ветеран геологической службы Камчатки. Умер 26 февраля 2007 года, похоронен на Камчатке.

Впервые воспоминания Л. М. Смирнова «Зигзаги жизни» были опубликованы в журнале «Горный вестник Камчатки» в 2012-14 гг., № 4(22) – № 4(30).

Фотографии использованы из семейных архивов Е. Смирнова, С. Станкевича, фотоальбома «Летопись камчатской геофизики. Дела и свершения ЕГФЭ» (авторы - Я.Б. Шварц, В.Л. Шмелёв, Ю.Л. Корякин, В.А. Воротников, С.Т. Станкевич).

Книга издана на средства ООО «ГФЭ».

Предисловие

Книгу камчатского геолога Л.М. Смирнова по жанру можно вполне отнести к автобиографической исповеди. В воспоминаниях автор предельно откровенно и беспристрастно описывает свою жизнь, прочно связанную с геологией на протяжении почти 50-ти лет. В них рассказывается не только сугубо о личном: мечте стать геологом, любви к женщине, мужской дружбе, увлечениях, взаимоотношениях с коллегами, сложных перипетиях и трагических страницах жизни. Автор правдиво повествует и об истории камчатской геологии в период с конца 1950-х годов до начала нынешнего столетия, о том, как происходило её становление и бурное развитие, о драматическом крахе в 1990-х годах.

Жизнь автора оказалась тесно переплетённой с судьбой камчатской геологии, о чём он ярко и эмоционально пишет в своих воспоминаниях. И это не случайно. Для Л.М. Смирнова работа в геологии составляла главный смысл жизни. Он был незаурядным и талантливым геологом, умелым организатором производства, требовательным к себе, старался всё делать по максимуму и жил полнокровной, насыщенной самыми различными событиями, жизнью.

Автор воспоминаний – прекрасный рассказчик. Его повествование не перегружено геологической информацией и производственными темами, оно написано простым доступным языком с использованием жаргона привычных словосочетаний. Автор подробно и увлекательно описывает сцены рыбалок и охоты на медведей, бытовые случаи и приключения из полевой геологической жизни, с упоением рассказывает о неповторимой камчатской природе. В воспоминаниях есть также место и житейским рассуждениям, и философским обобщениям.

Уверен, что воспоминания Л.М. Смирнова будут интересно прочитать не только тем, кто знаком с геологической жизнью, но и многим другим, в т. ч. любителям остросюжетных историй.

Б. Шеунов

МЕЧТА

Рок, Предназначение, Судьба – всё это религиозно-мистические измышления. Нами управляет Случай.

Чистой случайностью была моя встреча в 1954 году с двоюродным братом – геологом Жорой Фисенко. Он приехал в отпуск с Камчатки именно в тот момент, когда я, живя в г. Черкесске у тети (его матери), закончил 10-й класс и находился в полном неведении, что делать дальше. Появился он в белом чесучовом костюме с эполетами, похожем на военно-морской (тогда в геологии ещё сохранялась форма), показал фотографии людей с карабинами, выючными лошадьми, собачьими упряжками и таким образом заразил меня вирусом романтики. Возникла мечта попасть на Камчатку.

Средством достижения этого могло быть повторение пути Жоры, а поскольку он окончил Грозненский нефтяной институт, то и я наострился туда же. Так я стал геологом. Мечта, в конце концов, осуществилась, я не только попал на Камчатку, но и прикипел к ней, как оказалось, на всю жизнь.

Но ни одна более или менее стоящая мечта не дается без трудностей.

Они начались уже в самом начале пути. Встреча с Жорой произошла в мае, когда занятия в школе только закончились. А к июню, во время подготовки к выпускным экзаменам, я заболел и как раз в день первого экзамена оказался в больнице с высокой температурой и запущенной формой экссудативного плеврита. Из-за отсутствия в те времена антибиотиков болезнь протекала тяжело, из больницы через полтора месяца я

выписался былинкой.

Аттестат мне дали без экзаменов, но и без золотой медали, на которую рассчитывал. Так что поступление в институт из простой формальности (собеседование) становилось большой проблемой, так как не готовился к выпускным экзаменам, и уже некогда было готовиться к вступительным.

В таком физически ослабленном и морально подавленном (из-за мандража) состоянии я и отправился из отчего дома (лесничество под станицей Мальчевской Ростовской области) в институт.

Поезд, в котором я безбилетно проболтался почти сутки, и большей частью на ногах в тамбуре вагона, прибыл в Грозный перед рассветом.

Растерянный и уставший, я вышел с чемоданом на пустынную плохо освещённую привокзальную площадь. Резкий незнакомый запах ударил в нос так, что закружилась голова. Асфальт площади был мокрый, и я подумал, что это запах от моечной машины. Спросил об этом первого появившегося прохожего, второго, пятого. Все с недоумением пожимали плечами: «Какой запах? Где?». Забились мысли в голове: «Куда я попал? Зачем? Разве можно это терпеть пять лет? Зачем мне этот город, институт, еще и мучиться сдавать экзамены? Назад, домой! Но как показаться родителям? Куда же в таком случае поступать, и успею ли к началу экзаменов в другом месте? Где взять денег на дорогу, например, в Москву в МГУ, где хотела бы меня видеть мама?». И поплёлся сдавать документы, устраиваться жить на полу в школе и терпеть муки абитуриента, преодолевающего конкур в пять человек на место.

Как потом (на лекциях в институте) уже выяснилось, что воздух Грозного и протекающая через него река Сунжа насыщены меркаптанами – отходами переработки нефти. Постепенно я стал жителем города, то есть привык и не стал замечать запахов. Но первый их удар по организму, выросшему в Приэльбрусье и донских степях, где воздух чист и прозрачен, был настолько мощным, что слово нефть, хоть и с приставкой геолог, навсегда потеряло для меня запах романтики.

Студенческие годы притупили Мечту. Учеба в институте все-таки была работой, и не лёгкой. Стипендии и родительской

помощи не хватало, приходилось часто подрабатывать на разгрузке-погрузке вагонов. Все тело ноет, не до лекций и учебников, но потом все равно догонять надо. Пьянки-гулянки тоже надо было компенсировать ударными занятиями. Мы узнавали прозу жизни, и чем глубже, тем эфемернее представлялась поэзия романтики. К четвёртому-пятому курсам почти все переженились, создали семьи и думали больше о том, где жить и сколько получать, а не о запахе костра.

К моему большому огорчению, оказалось, что институт ориентирован на подготовку в основном специалистов – эксплуатационщиков, и большая часть выпускников направляется на нефтепромыслы, в ограниченном числе – в нефтеразведки известных нефтяных районов. Подавляющее большинство выпускников распределялось в Чечню, Дагестан, Туркмению, Астрахань, то есть районы, обустроенные и расположенные близко к местам проживания родителей большинства студентов. Некоторые добирались до Оренбурга, за Урал не попадал практически никто.

Конечно, и я думал уже не о собачьих упряжках и лошадях. Но не допускал и мысли очутиться на промыслах (меркаптань!). Романтизм полностью меня не покидал, наоборот, время от времени получал дополнительную подпитку. Во-первых, я легко поддавался пропаганде и искренне уверовал, что наибольшую пользу Родине и народу принесу в наиболее трудных местах, то есть у чёрта на куличках. Во-вторых, изредка обновлялся образ Камчатки. Например, учившийся со мной переросток, служивший на Камчатке в 1947 году, так описал город Петропавловск: 45-50 деревянных домов по склонам гор, окружающих бухту. Я мысленно рисовал себе эту картинку с буйной фантазией, поскольку никогда не видел ни моря, ни бухт, ни вулканов. Или на лекциях «Геология СССР» профессор Лотиев, упоминая Камчатку, говорил, что её исследованием занимаются выпускники института Евгений Павлович Клёнов и Георгий Алексеевич Фисенко. Поскольку последний был моим братом, то есть земным, легко представляемым человеком, это давало мне повод думать: «Я буду третьим». Но главный заряд романтизма давали мне производственные практики, особенно последняя из них,

преддипломная, в 1958 году, в Сибири.

В заявке Тюменского геологоуправления среди буровиков, геофизиков оказалось и одно место геолога. Оно стало неожиданным и для деканата, поскольку в Сибири не было разрабатываемых месторождений, а дипломы писались именно на промысловые темы – разработка, доразведка. Был риск отсутствия материалов для диплома. Я сразу попросился на это место и, хотя был средним студентом, скорее безалаберным, чем целеустремленным, добился его. Может, ещё и потому, что к тому времени было уже мало конкурентов: место преддипломной практики во многом определяло и будущее место работы, а мало кому улыбалась Сибирь.

До сих пор я ещё так далеко не отрывался от родных мест (предыдущие практики были в Чечне, Краснодарском крае). Впечатлений от одной дороги хватило бы на большой рассказ: более или менее ухоженные деревни и города юга России и Черноземья, шумная Москва, всё ухудшающиеся по мере удаления от Москвы посёлки и деревеньки, вплоть до полной убогости в Татарии, пересадка и небольшое знакомство с городом в Свердловске, и в конце многосуточного пути – Тюмень – сибирский город с ещё многочисленными деревянными тротуарами.

Нефтяная Тюмень тогда ещё только начиналась, в 1958 году было открыто первое, Березовское, месторождение нефти на севере области. Геологоуправление располагалось на окраине города, представляло собой старое двухэтажное деревянное здание. Оно наполовину находилось в ремонте. Среди неразберихи действовали несколько кабинетов, в одном из которых расположились одновременно начальник Управления Эрвье и главный геолог Ровнин (будущие министры Геологии СССР и РСФСР соответственно).

Не знаю, со всеми ли студентами они так поступали, но меня позвали в кабинет, прочитали лекцию, какие грандиозные работы разворачиваются сейчас в Сибири, показали основные районы этих работ, сказали, что им потребуется много специалистов-нефтяников, что будут ждать меня после защиты диплома, спросили, в какой район я хотел бы поехать сейчас. Я

смущенно ответил, что поеду в любое место, куда они считают нужным. Они дали мне записку в общежитие перекантоваться до приобретения билета и велели отправляться в село Кузнецово на находящуюся в поисковом бурении Кузнецовскую площадь, в одноимённую Буровую контору.

Оказалось, что это село расположено немного южнее Ханты-Мансийска и Березовского месторождения. Мои дорожные муки и впечатления продолжились. Путь к деревне занял трое суток: по железной дороге обратно, в сторону Свердловска, на какой-то станции пересадка и опять на северо-восток, до станции Тавда, оттуда катером вверх по р. Тавда (приток Иртыша) до райцентра Таборы, и дальше, уже на барже нефтеразведки, до с. Кузнецово. Наибольшее впечатление произвёл речной путь. Таким видом транспорта я пользовался впервые, тем более на палубе, под открытым небом, без каюты. Поразила сибирская река: вялый широкий поток среди сплошной тайги, по берегам ни деревень, ни избышек – первые ощущения глухомани. Вода в реке коричневая, но прозрачная: был паводок, берега местами затоплены и мы плыли как будто среди леса, цвет воды, очевидно, был от торфа, деревьев, а не от взмученной грязи, как на кавказских реках.

Баржа причалила к берегу Кузнецово к вечеру, после окончания рабочего дня. Шёл мелкий дождик. Шкипер не знал, куда меня деть, и честно посоветовал:

– Ступай в контору, хотя вряд ли там кого-нибудь застанешь.

Иду по деревне и горько размышляю: «В городе приткнулся бы на вокзале, а здесь куда деться?».

Буровая контора располагалась в обычном деревянном доме, видимо, купленном у частных владельцев. В одной из комнат (кабинете) живая душа всё же обнаружилась. Ею оказался начальник планового отдела, щуплый мужик лет тридцати пяти, корпевший над какими-то бумагами.

Неясно, кто больше обрадовался – я или он. Он быстро свернул бумаги и сказал:

– Пошли ко мне.

По пути забежал в магазин, купил бутылку водки. Привёл

в квартиру, состоящую из комнаты и кухни. Растрёпанная женщина занималась стиркой, а на полу копошились трое сопливых ребяташек, мал-мала меньше. Николай радостно сообщил, что вот, Галя, прибыл специалист, у нас переночует, готовь на стол. К моему удивлению, она безропотно исполнила. Я понял к ночи причину его радости: не только радушие характера, а ещё и прекрасный повод выпить, избежав при этом причитаний жены.

Буровая контора ещё только обустривалась. На площади (она пока была единственной), работали два буровых станка. В конторе народу было мало, все молодые, не старше 35-40 лет. С начальником, буровиком по образованию, я общался мало. Он занимался завозом грузов и пропадал то на реке (принимал-отправлял баржи), то в командировках (выбивал эти грузы). Запомнился мне по забавному эпизоду. Как-то спросил меня:

– Ты вроде не дурак, зачем подбрываешь виски?

Я никак не мог поверить в серьёзность его вопроса, а он в искренность моего ответа, что я этого не делаю. В те времена у меня ещё была шикарная шевелюра, но с глубокими залысинами. Он сказал, что многие специально выбривают виски, чтобы лоб был выше и казаться умнее. Я просил:

– И ты тоже?

– Так мне же 36. – Но все же, видимо, поверил, что не он один с мозгами.

Старшим геологом тоже работал молодой мужик, крупный по габаритам и потому, наверное, добродушный. Макаров – его фамилия, имя забыл. Он окончил Казанский университет. Видно было, что Кузнецовская глушь ему смертельно надоела, все его мысли были, как бы выбраться оттуда поближе к цивилизации. Он в меня вцепился и на протяжении всей практики уговаривал приехать после диплома работать сюда. Только найдя себе замену, он имел шанс вырваться. Формально он числился руководителем моей практики, но фактически мало что мог мне дать для диплома. Геологических фондов в конторе не имелось, так что надо было или довольствоваться проектом на поисковое бурение Кузнецовской площади, или возвращаться в Тюмень для сбора материалов. А по навыкам техника-геолога, которым я

был зачислен в штат, у меня минимум был.

Но кое-чему научил, конечно. В мои обязанности входило принимать и описывать керн на буровой, участвовать в контрольных замерах бурового инструмента, копировать каротажные диаграммы, присутствовать на каротаже. Я все это вполне мог делать, а в интерпретации каротажных диаграмм мне не оказалось равных даже среди каротажников, которые эти диаграммы записывали. Дело в том, что я посещал геофизический кружок, который организовал и вёл для студентов-геологов профессор С.С. Итенберг (не уступавший по популярности и количеству учебников московским академиком), там я и овладел специфическими знаниями, вплоть до наиболее сложной количественной интерпретации БКЗ (боковое каротажное зондирование).

Макаров ничего этого не умел, что давало мне повод гордиться своим институтом не только в душе, но и громогласно, ни в грош не ставя университеты, в том числе Казанский, и даже сомневаясь в классности Московского нефтяного института им. академика Губкина.

В ту пору наиболее котировались два института, выпускавшие специалистов нефтяной геологии: Московский им. Губкина и наш Грозненский. Воспитывая в нас патриотизм, преподаватели подчеркивали, что в Губкина дают больше теории, зато у нас лучше практика. Как я потом убедился, так оно и было.

В мою пору у нас и преподаватели были не менее известные, чем московские, авторы учебников. Например, профессора Г.М.Сухарев – гидрогеолог, П.П. Забаринский (в народе – ППЗ) – поиски и разведка месторождений, С.С. Итенберг – промысловая геофизика, Г.К. Лотиев – общая геология, и т. д. А практические занятия, безусловно, сильнее, потому, что не надо было далеко ездить: для геологической съёмки Аргунское ущелье рядом, нефтепромыслы прямо по окраинам города, разведка месторождений бурением в пригородах.

Так что воспитанный патриотизм, а также осознание своего, студента, превосходства хотя бы в чём-то над

сложившимся специалистом-университетчиком наполняло меня гордостью за наш Грозненский Ордена Трудового Красного Знамени Нефтяной Институт имени Серго Орджоникидзе. И давало повод вести себя как заяц во хмелю.

Как Макаров, так и ниже рангом прощали мне мое хвастовство. Буровики тоже не имели претензий, потому что видели, что я честно трубил на буровой, когда требовалось. В общем, на работе я был окружен заботой и вниманием. Видимо, появление даже какого-то студента вносило разнообразие в унылое течение их будней.

На буровую (около 12 км) я ходил обычно пешком, напрямик через тайгу. Это (от тайги) ещё одно мое сильное впечатление. Тропа еле просматривается, местами теряется вовсе, охватывает страх, что из этой могущественной тьмы не выберешься вообще, съедают комары. И в то же время упоительный аромат хвои, мелькнёт то белка, то евражка – страх и красота. А однажды всех погнали на тушение лесного пожара, и я впервые ощутил мощь и необузданность стихии: огонь перемахивал через тракторные просеки, как будто их и не было, воздух горячий, как будто ты уже сидишь на сковородке.

На постой меня определили к Максимовне – 45-летней белозубой вдове с домом на краю вытянутой вдоль реки деревни. Не помню уж, сколько я ей платил, но заботилась она обо мне хорошо: всегда чистая постель, вкусная еда. На противоположной стороне улицы жила ещё одна вдова с тремя дочерьми от 17 до 22 лет, крепкими симпатичными сибирячками. Двух из них, постарше, я вскорости перещупал (или они меня), лазал по очереди на сеновал на их чердаке. Они не ссорились. Может, потому, что в деревне вообще парней было мало и главным поставщиком ребят для девок было какое-то немногочисленное воинское подразделение (связисты?), базировавшееся километрах в шести от деревни.

Но то было далеко, а я рядом. Так что не только на работе, а и в быту я чувствовал себя прекрасно, как сыр в масле.

Но пришла пора уезжать. Обратный путь был не так тяжел, как туда. Во-первых, я не стал заезжать в Тюмень за материалами, во-вторых, у меня уже был опыт пассажира, так что необходимые пересадки осуществлял расторопнее, в-

третьих, у меня впервые были более или менее ощутимые заработанные деньги.

На один день задержался в Москве (ночевал на вокзале), купил там себе костюм и не утерпел выпендриться и зайти в ресторан. Днем, часов в 12, когда там никого не было, а официанты ещё не отошли от вчерашнего. Заказал себе, кроме всего прочего, заливную осетрину, 150 г водки и 150 г ликера, как сейчас помню, «Бенедиктин». Рассуждал так: 150 г водки – необходимый минимум для посещения ресторана, осетрина и ликер – атрибуты аристократического тона (я о них только читал, но никогда не пробовал). Надо ж было продемонстрировать свою независимость и утонченность. На помятом лице официанта отразилось что-то типа почтительного любопытства, я интерпретировал это как знак уважения к себе, однако вскоре понял, что отнюдь: скорее то была ирония к юнцу-невеже, сочетающему несочетаемое. Чтобы как-то поправить реноме, я попросил мороженого, сделав вид, что именно под него заказал ликёр. С отвращением проглотил тягучую, приторную, желтую жидкость и удалился, покачиваясь, с достоинством. С тех пор ликёр на дух не переношу.

Только на подъезде к дому (Белой Калитве) у меня, наконец, проснулась совесть, и я вспомнил о родителях, об Инне, о том, что не сообщил им адреса, куда уехал, и не дал о себе никаких вестей. Стал придумывать легенду о такой дыре, где не было ни почты, ни телеграфа, одна буровая. Стыдно до сих пор вспоминать, как они переживали, разыскивали меня через институт, в то время как я безмятежно «балдел» на своей самой продолжительной практике.

Эта практика дала мне более глубокое представление о профессии, придала уверенности в себе. Я намного повзрослел, но в то же время не потерял, а наоборот, укрепил дух романтики. Только дух этот с мифической Камчатки дал большой крен в сторону конкретной Сибири.

Дожидаюсь распределения, я всё больше склонялся к мысли поехать к Макарову. В Сибири идёт разворот работ, возможно, заменю его в Кузнецовской конторе, там первые

шаги моей судьбы более или менее ясны. Но наряду с письмами в Тюмень и Макарову, запросил всё-таки и Жору, есть ли какие-либо перспективы на Камчатке. К моему удивлению, довольно быстро через Министерство геологии пришёл именно (на меня) вызов с Камчатки, и мне не осталось шансов продолжать осмысливать вариант Сибири.

Меня вызвал директор института Г.М. Сухарев, вручил направление и пожелал донести славу института до восточных рубежей Родины. Беседа директора с конкретным выпускником считалась исключительной редкостью. Видимо, он удивился пришедшему из такого далёка вызову и решил посмотреть, кто и почему его удостоился. А может, он хотел увидеть свою молодость: тётя Паша, уборщица, рассказывала нам, что Гришка Сухарев был плохим студентом, гулякой и двоечником; наверное, была какая-то схожесть со мной.

Большие сомнения и переживания были связаны с Инной. Мы были знакомы с ней уже два года, и я не мог себе представить другой жены. В то время Инна меня любила так, что скажи я слово, она всё бы бросила и поехала со мной. Но я не мог жениться: будет ли квартира, какая зарплата, смогу ли содержать семью, нельзя лишать её образования. И я убедил её потерпеть, окончить институт, а я приеду.

Путь на Камчатку был не менее впечатляющим, чем в Сибирь.

Прибыв поездом в Москву, отправился искать авиакаissy. Испытывал лёгкую приподнятость от того, что вот сейчас впервые в жизни сяду в самолет, что самолет этот будет ТУ-104, самый современный, который только стали выпускать, что это будет полёт на одном из первых рейсов на Камчатку, куда линия для ТУ-104 открыта лишь недавно, и что окажусь там всего через несколько часов.

У авиакаissy меня не только вернули на землю, но ввергли в настоящую панику. Мне сказали, что Камчатка пограничная зона и для проезда туда моего вызова недостаточно, надо иметь пропуск, а он оформляется в милиции по месту жительства. Посоветовали обратиться в ближайшее Управление милиции в Москве. Нашёл это управление. Майор сказал:

– Приходите через 10 дней.

Я чуть не сел. Видимо, это было настолько убедительно, что он пошёл куда-то с кем-то проконсультроваться. Вернувшись, заверил, что всё равно раньше трех дней не получается. Хорошо, что отец дал мне адрес своего знакомого (Македония), у которого в коридоре я перекаптался несколько ночей. Оказалось, что и с билетами не так просто. И это добавило ещё пару суток отсрочки.

Наконец, взлетели. *(И я повис в той точке пространства и времени, когда душа плачет по остающемуся позади и в смятении от того, что ждёт впереди. И провисел так долго).*

Рейс был с посадками в Челябинске, Омске, Иркутске, Хабаровске. В Челябинске и Омске сидели по 3 часа, в Иркутске ночевали. Пассажиры поэтому перезнакомились или, по меньшей мере, узнавали друг друга. Выяснилось, кстати, что с нами летит на гастроли в Хабаровск звёздный в ту пору джаз – оркестр Эдди Рознера. Я исподтишка разглядывал помятые похмельные физиономии музыкантов и удивлялся, до чего земными оказываются боги.

В Хабаровске застряли на двое суток. Причём, в отличие от Иркутска, где на ночь обеспечивали раскладушками, здесь пассажиров оставили на автономное выживание. Конечно, все, у кого ещё хоть что-то осталось после Иркутска, к вечеру сидели в ресторане аэровокзала. Я оказался за одним столиком с тремя молодыми офицерами-подводниками, возвращавшимися из отпуска. Двое были женатиками. Они то ли с уважением, то ли с сочувствием относились к третьему, который, как шепнули мне, обслуживал на лодке непосредственно реактор и в свои 30 лет уже облысел. Это был старлей Саша Гладиков, которого я запомнил потому, что в дальнейшей жизни и встречался с ним, и слышал о нём.

Он рассказал мне за столом, что вот возвращается из отпуска, во время которого на пляже Сочи встретил девушку, тоже геолога, только что закончившую Ленинградский горный институт. После трёхдневного знакомства предложил ей руку и сердце, она их взяла, и он будет ждать её приезда на Камчатку, но мучают сомнения, может ли столь скороспелая жена быть хорошей. Его сомнения имели основания. Девушкой оказалась

Валя Кулатова, которая приехала в Камчатское РайГРУ немного позже меня. Она была полновата, но симпатичная, с раскосыми блудливыми глазами. По этой причине или из-за Сашиных плаваний и импотенции (слухи), но года через три они развелись.

Общим за столом было обсуждение проблем ночлега. Один из офицеров отлучился и минут через десять сообщил, что проблема решена, он закадрил трёх девочек, едем на хату. Сбросились (и я наравне), сели в автобус, проехали, вышли, купили выпивки, прошли через овраг и оказались в частном доме. Сообща налепили пельменей и устроили пьянку. Девушки прекрасно пели и играли на гитаре, одна из них даже оказалась актрисой театра музкомедии.

К пьянке, как таковой, мне уже было не привыкать, но необычным были и незнакомая компания, и присутствие вроде как доступных женщин и мой самый юный среди всех возраст. Свое равноправие я стремился доказать количеством выпитого и, конечно, перестарался: с девушками оказались офицеры: Саша и Володя в одной комнате, а Коля в той, что и я, но я один и на полу, на матрасе, хотя и чисто застеленном, а он с Людой-актрисой. Обрывки гаснущего сознания сохранили в памяти крайнюю обиду на Люду, которая весь вечер тёрлась об меня, а кровать раскачивала с Николаем.

Отметившись утром в аэропорту и услышав отбой до вечера, поехали побродить по городу, где распознали, кто куда. Вечером узнали, что отбой продолжается до утра. Подводники мои скинули, так как обнаружили, что ещё на одну пьянку денег не наскребём, даже если вспомним дорогу к дому, а приходится в гости в роли бичей ниже чести офицера и инженера. Ночь провели в аэровокзале – смурную.

На следующий день продолжили полет. Перелёт был довольно быстрым, но почти столько же проторчали в самолете, проходя пограничный контроль. Наконец, рекламные несколько часов, а фактически – трое суток полёта остались позади. С учётом пути из дома в Москву, пребывания в ней, в дороге я был уже 9 дней. Поэтому находился не в лучшей форме, когда 28 июля 1959 года ступил на Камчатскую землю.

С. Апрелков. Чайёвка у озера. 1969 г. (бумага, тушь)

СЕЗОНЫ

Нога ступила, Мечта сбылась, но не было даже намека на пафос. Мир, в который я ступил, соответствовал состоянию моей утомлённой души. Над пустынным лётным полем висела свинцовая пелена, на краю поля вместо аэропорта стояла избушка, автобусов не было, сказали, и не будет. Редкие такси встречаются и захватывают далеко на подъезде к «аэропорту».

Шла мжичка. Я впервые услышал это слово и прочувствовал, что оно обозначает: мельчайшая морось, что-то среднее между дождиком и туманом, на материке такого не бывает. Одним словом, гадостно на душе, гадостно вокруг.

Я был как бы в одной компании с подводниками. Вывернули карманы, и оказалось, что только у меня обнаружилось 50 рублей, так что мой первый шаг на Камчатке – нищий студент спасает богатых подводников. Дождались такси, из окон которого я тоскливо смотрел на убогие домики, облепляющие 30-километровую дорогу от аэропорта до города. Приехали на морвокзал, из которого ребятам надо было добираться катером в Тарью (нынешний г. Вилючинск) на другую сторону бухты.

Катер ходил через два часа и я, оставив для присмотра чемодан ребятам, пошёл искать свою контору. Прохожие на слово «РайГРУ» не реагировали, и лишь при слове «геология» кто кивал в сторону ул. Советской, 50, а кто в сторону

Сероглазки. Так, с расспросами, я прошёл более 4 км, добрался до двухэтажного деревянного здания в Сероглазке, узнал адрес Жоры, заскочил к нему, сказал Кате (Жора был в поле), что вот он я и пошёл за чемоданом.

Мжичка продолжалась, костюм мой напитался влагой до геля. Зал ожидания был переполнен людьми, в основном моряками, но моих не было (я бродил дольше двух часов). Для полного помрачения души не хватало только лишиться ещё и имущества.

– Слушай, студент, – подошёл ко мне капитан 3 ранга. – Ты не этот чемодан ищешь? Так мы уже третьи, кому его передают из рук в руки.

Наконец-то Камчатка одарила меня первым положительным впечатлением.

По мжичке, по знакомой дороге, весь в геле отправился в третий раз, теперь уже с чемоданом на плече. Автобусов тогда почти не было, во всяком случае, 4-х километровую дорогу от центра до Сероглазки быстрее преодолевали пешком. На Театральной площади зашёл в одну из многочисленных забегаловок, впервые в жизни съел бутерброд с икрой (продавалась по 4 руб. за килограмм) и выпил 50 грамм спирта. Душа немного оттаяла как от притока сил, так и от атмосферы как будто бы портовых таверн.

Катя встретила меня не очень радушно. Впоследствии, когда я с ней поближе познакомился, я понял, что она вообще такая по характеру: не очень доброжелательная, в оценках людей чересчур критичная, в семье крикливая, жадноватая. Но я был рад любому крову.

Наутро отправился в отдел кадров, где меня встретил лучезарный Петр Антонович Головин¹. *(Это заметная фигура в*

¹ *От редакции:* Головин Петр Антонович родился 05 мая 1927 г. в селе Сцепное Орловской области. В 1956 году окончил Вечерний университет марксизма-ленинизма. В геологической службе Камчатки (Камчатское геологическое управление, Камчатское РАЙРУ, Камчатское ТГУ, ПГО «Камчатгеология») работал в 1951-1983 гг. Трудился начальником спецчасти, инспектором по кадрам и спецработе, начальником Первого отдела, старшим инженером по кадрам, начальником отдела кадров, заместителем генерального директора по кадрам.

камчатской геологии, через него прошло не одно поколение специалистов. Как мне кажется, он был начальником отдела кадров всю жизнь. При всех реорганизациях геологической службы и при всех её начальниках.

Это был типичный кадровик советской школы: преданный действующему начальнику, подобострастно выполняющий любое его желание, но легко оплеывавший его, когда он становился недействующим. Внешне доброжелательный со всеми сотрудниками, с постоянной улыбкой на устах, как будто только твоей судьбой и озабочен, но имеющий на всех компромат и готовый в любой момент эту судьбу изгадить. Своего рода серый кардинал, которого больше сторонились, чем уважали).

Петр Антонович сказал мне, что всех молодых специалистов назначают техниками-геологами (позже я узнал, что было не совсем так, назначали и геологами, и даже начальниками отрядов) и предложил выбирать: или в съёмочную партию на Западной Камчатке, или в Богачевскую нефтеразведку.

Я даже удивился вопросу: конечно, в разведку, любому ясно, что это более серьёзное дело, чем съёмка. Он тоже обрадовался: именно туда он меня и хотел засунуть, потому что Богачевка считалась местом ссылки, а не желания. Так что родство с известным уже на Камчатке геологом Г.А. Фисенко мне никак не помогло при первоначальном назначении. Да я и не стремился к должности, наоборот, переживал про себя, справлюсь ли.

(Это чувство я прежде всего испытывал и при всех своих последующих назначениях. И всю жизнь удивлялся, когда с течением времени, чем дальше, тем наглее становились прибывающие молодые специалисты, которые начинали разговор не с того, что ему предстоит делать, а с того, какая у него будет должность, зарплата, квартира. И чем он настойчивее об этом толковал, тем худшим специалистом, как правило, оказывался).

Дали мне аванс и отправили добираться в Богачевку. Из Халактырки на АН-2 надо было долететь до п. Жупаново, там дожидаться катера и доплыть до Богачевки.

На Халактырку ездил дня три. Мжичка постепенно прекратилась и небо местами, а потом и всё поголубело. Нервы мои понемногу успокаивались, и я открывался для восприятия положительных эмоций.

За дни поездок на Халактырку я увидел и Корякский, Авачинский вулканы, и Авачинскую бухту. И то и другое было очень красиво, совершенно необычно для меня.

На Халактырке завязались и первые знакомства. Самое первое – с Карлом Вяльяном². Передо мной был огромный белокурый парень мощного телосложения и с почти детским голосом. Он что-то лопотал, вроде как и по-русски, но я не понимал и половины. Разобрал всё-таки, что он эстонец, работает на Камчатке уже год, землеустроитель, летит куда-то в командировку. Работа землеустроителя ему не нравится и он собирается перебраться в геологию, хочет выяснить у меня, что там и как. Что вот недавно в Елизово познакомился с девушкой Аллой, хочет жениться. Меня удивило его отношение ко мне как более бывалому и знающему, хотя я ему объяснил, что только что прилетел, не знаю даже, что существует Елизово, и что логичнее было бы нам поменяться ролями.

Там же ко мне прибились трое демобилизованных моряков, отслуживших на Камчатке, не пожелавших с нею расстаться и направленных на работу в Богачевку – Степан Тренин, Боря Школин и Николай Брылин. Они от меня не отходили, обращались ко мне как к начальнику, и мне это было удивительно.

Полет на «кукурузнике» тоже был впервые. Он летел неровно, проваливаясь и подсакивая на воздушных ухабах, дребезжал, грохотал, вполне напоминая подержанный грузовик на раздолбанной дороге. Показался поэтому роднее, чем лайнер ТУ-104.

² *От редакции:* **Вялян Карл Рихардович** окончил Эстонскую сельскохозяйственную академию. На Камчатку приехал в 1958 году, работал в Камчатском землеустроительном отряде. В Геофизической экспедиции трудился с 1959 года геодезистом, старшим геодезистом, начальником отряда. В 1962-68 гг. - начальником гравиметрической партии. Трагически погиб в июне 1968 г.

После 40–минутного полёта приземлились на высокой морской террасе. Летуны показали вниз – вон Жупаново. Я там ничего не увидел, кроме полоски берега океана вдалеке. Тогда они показали вверх по долине, и там просматривался палаточный городок. Я слышал, конечно, что в июне 1959 года на Камчатке произошло землетрясение, но, будучи в городе, следов от него, кроме трещин на здании облбольницы, не увидел, поэтому слушал о нём как о чём-то постороннем, не трогающем душу. А тут вдруг узнал и увидел, что посёлок Жупаново полностью разрушен, и в палатках спасаются от цунами оставшиеся жители. Камчатка продолжала впечатлять.

Пошли на берег, к видневшимся пароходам. Я уже чувствовал ответственность за моряков, это придавало мне уверенности. На берегу стали расспрашивать, как добраться в Богачевку. Нам показали на маячивший невдалеке катер. Команда его состояла из трех человек, все навеселе, а капитан самый «веселый».

– Хорошо, что успели, а то мы отчаливаем.

Эти шесть часов хода на катере я помню до сих пор, значит, не забуду до смерти. Какие там красоты океана! Единственной мыслью было, как дотерпеть до конца мучений. Команда спустилась в кубрик и там резалась в карты и квасила. Мои моряки тоже отправились туда и там поочередно были то зрителями, то участниками. А я лёг на палубе у кормы и пытался удержать взглядом кончик мачты или хотя бы нос катера. Волна была в несколько метров, и на таких качелях мне это трудно удавалось. А как только терял ориентир, мне становилось ещё хуже. Из меня выполоскало всё до зелени. Все отнеслись сочувственно, подносили кто стакан, кто совет. Морячки тоже, наконец, увидели во мне не начальника, а как буквально смертного. Катер на сибирской Тавде был такой же по размерам, но как отличаются: казалось бы, вода – океан и речка.

В бухту Ольга подошли к концу дня. Смутно помню, как меня спускали в лодку и доставляли на берег. Когда лодка воткнулась в песок, у меня хватило сил лишь отползти от воды и лечь рядом с валявшимся на берегу бревном. Меня продолжало

качать, как будто я не сходил с катера.

Началась мжичка, она освежала, и я потихоньку приходил в себя.

По берегу сновал народ: шум, гам. На меня, славу богу, никто не обращал внимания. Шла разгрузка теплохода, наш катер подошёл, оказывается, для этой цели. Я уже начал замерзать, когда ко мне, наконец, подошёл Жора. Первыми его словами были:

- Ты что-нибудь привёз?

Я сказал, что Катя передала бутылку коньяка и бутылку «Каберне». Он был явно разочарован такой малостью: в Богачевке стоял сухой закон, а разгружающийся теплоход не привёз ничего спиртного. Пошли искать мой чемодан, в нём бутылки. Жора спрятал их под плащ и повёл в избу.

Подобной «пьянки» у меня не случилось никогда ни до, ни после этого. В комнате вдоль стен на лавках устроились человек пятнадцать здоровых мужиков вокруг стола из грубой доски. На столе несколько свечек. В сенцах топится железная печь, на ней на огромном противне шкворчит мясо. Жора ставит бутылки на стол. Вид их и запах мяса всё больше распаляет собравшихся, терпение их на пределе.

Наконец, Воротников (так звали шеф-повара) вносит противень, ставит его на стол, открывает бутылку коньяка и разливает её по пятнадцати железным полулитровым кружкам, вымеряя каждую каплю. Это уже мучительно, но ещё и произносит тост. В нём хвала: и системе образования, которая готовит молодых специалистов, и советской власти, осваивающей бескрайние территории страны, и богу, посылающему нужного специалиста в нужное место, и жёнам, которые помнят о мужьях. Руки тянутся вверх, но не успевают край кружки коснуться губ, как следует новый поворот в тосте. Так он издевался минут десять, пока увидел, что больше не сдержать, и все выпили.

Заговорили, повеселели, пошли анекдоты и небылицы (или были) – общее оживление, как будто выпили не по 20 грамм, а по стакану. Воротников ставит следующую порцию мяса и через 10 минут оно готово. Всё повторяется с бутылкой

«Каберне» – разлив, речь, утоление жажды, галдѣж. На этот раз тост посвящён мясу: благородному горному барану, охотнику, его добывшему, шефу, который его изготовил. Тост такой же длинный, как и первый, так же подстрекает нетерпение и доводит его до крайности. С таким же удовольствием отмаковали и этот напиток, уклонились в интересные охотничьи рассказы.

В конце выяснилось, что мы съели барана, который ещё утром был собачкой по имени Шарик. Я выдержал это известие совершенно спокойно и почувствовал рост уважения к себе: видно, не все из присутствующих были даже сейчас, не говоря уже о юности, такими же непривередливыми.

Как я жалел тогда, что не привёз ящик спиртного! Но откуда ж мне было знать про сухой закон, «пустой» пароход. Катя виновата.

Застолье скрасило ожидание отлива, который мы, оказывается, ждали, чтобы дорогу в Богачевку проскочить по обнажившемуся дну океана, а не буксовать в песках прибойки.

Ехали на тракторе с санями – ещё один новый для меня вид транспорта. Сани оборудованы высокими бортами из неструганной доски, чтобы никто не вывалился. По прибойке ехали первые 20 км. Картина однообразная, но впечатляет: слева ревет и бушует океан, справа жухлая полоса косы, ощущаешь мощь стихии. Затем дорога поворачивает и входит в долину р. Богачевки. Ехали ночью, и красот ландшафта я тогда не оценил, но ошарашивание новыми впечатлениями продолжилось.

Вскоре после поворота народ стал шуметь, орать, а трактор максимально реветь: в свете фар трактора бежал медведь. Я был поражён и видом зверя и, главное, тем, что мечта увидеть медведя сбылась так быстро, в первый же день (ночь) моего поля. Не успел затихнуть разговор про медведей, как трактор остановился, хлопнул выстрел, и в сани шмякнулась небрежно брошенная кем-то тушка лисицы. «Ну и ну, вот это край!» – думал я. Глубокой ночью подъехали к дому, где жил Жора, и мы улеглись спать.

А наутро я увидел знаменитую Богачёвку, сыгравшую большую роль в истории камчатской геологии и в моей жизни.

Это был компактный посёлок из каркасно-засыпных домов, разных по размерам, с завалинками, но без фундамента. Скелет посёлка составляли две улицы буквой Т. Одна, основание буквы, являлась продолжением дороги, ведущей к Богачёвке, вторая, перпендикулярная к ней, считалась главной – «Бродвеем». От них были разветвления в виде коротких тупиков. В центре посёлка, на стыке улиц, располагалась контора, к западу от нее по «Бродвею» – столовая и магазин, по перпендикулярной улице – красный уголок (место пристанища командировочных), клуб с пустырём перед ним, мехмастерские.

На северо-западной окраине посёлка, на возвышенности стоял дом связи (радиостанция, почта) и оборудована вертолётная площадка. Всё остальное – жилые дома и домики, от однокомнатных с сенцами до двух, редко трёхкомнатных. Всего три-четыре куркулистных семьи жили в двухкомнатных домах. Нормой же считалась комната с сенцами на семью независимо от её численности, будь это отдельный дом или один на две семьи (с разделяющей стенкой). Редкостью были кирпичные печи, в большинстве домов – буржуйки.

Это был геологический посёлок и все его жители так или иначе связаны с геологией. Но номинально самостоятельными числились отделение рыбокооп (магазин, столовая), школа (одна учительница), почта (две дамы) и егерь-лесник, представлявший в одном лице и лесхоз, и Кроноцкий государственный заповедник. Всего тогда там проживали человек 500, позже (в 1963-64 г. г.) население возросло до 700-800 человек.

Место расположения посёлка живописнейшее: на плоской площадке долины р. Богачевки, заключенной между её руслом и руслом впадающей в неё под прямым углом речушки Трухинки. Левый, противоположный от посёлка берег р. Богачевки представляет собой отвесные, высотой в 800 метров, обрывы плато, носящего имя Железнодорожного хребта, в простонародье – Стол. К западу от посёлка начинались более пологие, залесённые отроги вулкана Гамчен. Севернее поселка долина реки сужается до ущелья.

Экзотичность посёлка я, конечно, оценил, но сразу понял, что для души в такие места лучше попадать кратковременно, а

не на постоянное проживание. Сибирское село Кузнецово, где томился Макаров, и куда чуть было не уехал томиться я, представилось мне в сравнении с Богачевкой как большой город. Защемило сердце: Инна сюда, конечно, не поедет.

Жора сказал, что он здесь в качестве начальника тематической партии по разработке стратиграфии Кроноцкого района. У него в штате есть техник-геолог – приехавший на месяц раньше меня молодой специалист, закончивший институт им. Губкина, два рабочих. Нужен ещё геолог, так что он берёт меня, вопросы с Головиным решит сам. Я не перечил новому назначению, стал работать и знакомиться с ситуацией, в которую попал.

Первые мои знакомства были, естественно, с коллективом тематической партии: коллегой Супруненко Олегом Ивановичем³ и двумя бичами – Васей Медведевым и Гришей Шараповым.

Олег был щуплым юношей, чуть ниже меня ростом, с

³ *От редакции:* **Супруненко Олег Иванович** – ведущий специалист страны в области нефтяной геологии континентального шельфа. При его непосредственном участии подготовлен ряд общероссийских карт, выполнены оценки перспектив нефтегазоносности континентального шельфа России, разработаны концепции и планы морских геологоразведочных работ на нефть и газ в арктических морях России. В течение 24 лет руководил отделом нефтегазоносности Арктики и Мирового океана ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И.С. Грамберга», был заместителем директора по научной работе.

О.И. Супруненко родился 30 мая 1937 г. В 1959 году окончил с отличием Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина. После окончания института распределился на Камчатку, где работал в должностях от старшего коллектора, начальника партии до главного геолога геофизической экспедиции.

В 1965-1967 гг. обучался в аспирантуре ВСЕГЕИ. В 1968-1991 гг. работал в ВНИГРИ научным сотрудником, зав. сектором. С 1991 г. работает в ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И.С. Грамберга» – зав. сектором, зав. отделом, зам. директора по научной работе.

По совместительству с 1992 по 2007 гг. – профессор, в 1998-2003 гг. – заведующий кафедрой литологии и морской геологии Санкт-Петербургского университета. Доктор геолого-минералогических наук. Автор более 300 печатных научных работ.

голосом пацана. Казалось, перед тобой подросток, что невольно вызывало покровительственное отношение к нему. Он сразу сказал мне, что приехал на Камчатку на три года, соберёт материал, поступит в аспирантуру и ещё через три года защитит кандидатскую, а потом, лет через пять-семь, и докторскую диссертацию и будет работать в науке.

Причём говорил это так, будто и для меня такой путь сам собой разумеся, и вообще все молодые специалисты едут на Камчатку для этого. Я ответил, что приехал работать, никаких карьерных планов не строю, а его планы – детский лепет.

(Но ошибался я. Олег действительно осуществил свои планы, с небольшими отклонениями в сроках. Уехал с Камчатки через пять лет, в 1964 году, в 1968 году стал кандидатом, в начале 80-х – доктором.

Это единственный из знакомых мне людей, кто свою жизнь спланировал и по плану прожил. Основная его черта характера – крайнее тщеславие. Даже войдя, казалось бы, в философский возраст, когда осознаешь, что всё суета, он напоминает мне о себе тем, что присылает визитку, когда на ней появляется новое слово: доктор, заведующий сектором, профессор, заместитель директора института. Думаю, что и членкор, и академик последуют).

Бич Вася Медведев только что вышел из тюрьмы, куда попал на три года за драку – коренастый жилистый мужик лет 35. Он многому научил меня в жизни и стал своего рода другом. Бич Гриша Шарапов – здоровый, добродушный – пока не выпьет, телёнок, не умеющий сказать двух слов кряду без связующего «бля».

Работа оказалась знакомой по сибирской практике. Вася с Гришей растаскивали ящики с керном, мы с Олегом по ним ползали и тщательно описывали керн. Породы, в отличие от сибирских, оказались более монотонными, массивными, почти без признаков слоистости, так что однообразие и огромный объём делали работу чрезвычайно нудной.

Жора, конечно, в такой тяготе не участвовал. Он пропадал в конторе, в мехмастерских, возле тракторов. Казалось (впоследствии я понял, что так и есть), геология его мало

интересует, так что ореол исследователя Камчатки, который о нём существовал в моём воображении, быстро растаял. Он оставил нас с Олегом на полную самостоятельность, не контролировал ни то, что и как мы пишем в полевых книжках, ни как оформляем пробы, ни сколько сделали.

Таким образом, первый мой полевой сезон с профессиональной точки зрения ничего интересного мне не дал, никаких открытий не принёс. Но в бытовой и духовной жизни впечатления от Камчатки продолжали накапливаться.

Мы работали добросовестно, гораздо дольше продолжительности рабочего дня, но всё равно наступало время отдыха, которое нечем было занять. С Олегом мне было неинтересно, так как он совсем другой человек – правильный, целеустремленный, непьющий, институт закончил с красным дипломом, был там комсомольским вожакom факультета.

Я же искал удовлетворения своим «порокам»: выпить, сыграть в преферанс, поговорить на житейские темы. Выпить было нечего, в Богачёвке продолжался сухой закон. Вася притащил как-то одеколон «Шипр», я попробовал, чтобы «познавать жизнь» – не понравилось, так что организация застолья под одеколон отпадала.

Олег сказал, что насчёт преферанса может помочь Боря Шапиро⁴ – ещё один молодой специалист-геофизик (из Свердловского политеха). Он приехал месяца на полтора

⁴ *От редакции:* Шапиро Борис Айзикович родился 22.11.1935 г. в г. Свердловске. В 1958 году окончил Свердловский горный институт, горный инженер-геофизик. Б.А. Шапиро вырос в геологической семье. Отец был кандидатом геолого-минералогических наук, погиб в Великую Отечественную войну. Мать тоже была геологом, преподавала в вузе. Два его брата были геологами.

На Камчатке Борис Айзикович начал работать после окончания института, сначала интерпретатором Богачёвской сейсмопартии, потом перешел на Западную Камчатку, где руководил отрядом в Хайрюзово, партией в Ичинском прогибе.

Трагически погиб 25.01.1968 г. во время пробивки трассы для сейсмопрофилей. Площадь, на которой он работал, назвали структурой Шапиро.

раньше меня и работал в Богачёвке на физсвойствах. Я попросил: «Познакомь».

И встретился с человеком, который стал моим первым на Камчатке другом. Я думаю, настоящих друзей в жизни человека не так много, у меня их было три (остальные – приятели, товарищи, знакомые), так вот Боря стал первым из них.

Первая встреча произвела отталкивающее впечатление. Мы с Олегом сидели на ящиках. Мимо проходил высокий русский парень с голубыми до синевы глазами, девичьими пушистыми ресницами и высоко задранным носом. Олег сказал ему:

– Боря, вот Лёша хотел бы расписать пулюку.

На что тот высокомерно ответил:

– Могём, – и проследовал дальше.

«Ах ты, пижон недоделанный», – подумал я. Вместо того, чтобы как относительный абориген выступить хозяином, познакомиться со мной, сказать, где и с кем это можно организовать, он оставил мне суетиться, если уж так хочется. И я потерял интерес к нему.

Через недели две-три после этого подошёл теплоход, и мы все оказались на разгрузке. И там я убедился в родственности наших душ. Я понял, что его высокомерие кажущееся, что это, как и у меня, форма защиты, на самом деле он довольно застенчивый человек с близким мне мироощущением. С разгрузки мы возвращались уже друзьями.

Кроме более тесного знакомства с Борей, эта поездка обогатила меня новыми знаниями и эмоциями. Я узнал и прочувствовал на себе основные пути обеспечения жизнедеятельности Богачёвки. Грузы поступали морским путем в пос. Кроноки, в Богачёвку транспортировались по дороге тракторами и автомашинами. С 1961 года был открыт также аэродром, но он использовался для перевозки пассажиров и только самых срочных мелких грузов (летали АН-2).

Посёлок Кроноки расположен на береговой полосе бухты Ольги, ограниченной со стороны суши террасой высотой до 150-200 метров. Полоса подвержена действию цунами. Цунами 1955 года, например, смыл всё бывшее на берегу имущество, в частности, новую сейсмостанцию.

В посёлке были два больших склада, один из них рыбокооповский, магазин, четыре дома, метрах в 300 в стороне ещё несколько строений – погранзаезда. Имелось два плашкоута, две лодки, трактор. Присматривал за всем так называемый начальник берега.

Теплоход становился на рейде километрах в пяти-семи от берега. К нему катером буксировался плашкоут, загружался, буксировался к берегу, там ставился под разгрузку, а второй плашкоут в это время буксировали к теплоходу. Только при подаче грузов с теплохода на плашкоут использовался корабельный кран.

В остальных местах этого конвейера работы велись вручную, так что требовалось много людей, и на разгрузки привлекалось обычно все здоровое мужское население Богачёвки (кроме занятого в данный момент на бурении). Разгрузка велась круглосуточно. Наиболее ценные грузы заносились в склад. Лесоматериалы, оборудование и т.д. складировались под открытым небом.

Из Кронок в Богачёвку (60 км) грузы транспортировались по мере необходимости по «дороге жизни», которой я уже однажды проследовал, но ночью. 20 км этой дороги проходило по прибойке, остальные 40 км более экзотичны: сначала низменная, тундровая часть (около 15 км), в ближней к Богачёвке стороне которой позже был оборудован примитивный аэродром, дальше залесённая долина р. Богачевки, ограниченная справа обрывами Железнодорожного хребта, слева – более пологими отрогами вулкана Гамчен. На всем протяжении дорога пересекает много ручьев – притоков р. Богачёвки, через некоторые построены мосты. Самыми опасными считались мосты через самую реку Богачёвку, р. Вороновку и р. Трухинку.

Я много раз ездил по этой дороге, досконально изучил её традиции и особенности: на каком ручье чаёвка, на каком выпивка, где слетим с моста, где застрянем, где ударимся о дерево, и каждый раз она, тем не менее, преподносила сюрпризы, каждый раз случалось что-то новое.

В тот раз по пути туда (на разгрузку) изюминкой для меня была встреча с Воротниковым. Мы ехали уже по прибойке, когда увидели идущего в попутном направлении охотника.

Остановились. Все в кузове оживились, предлагая подвезти.

Я узнал в охотнике того веселого толстячка, который был тамадой и угощал нас собачатиной в мой первый полевой день. На плече у охотника висела полтораставка. Он красочно объяснил, что половина ствола отлетела только что: стволы запыхивал от влаги (шла мжичка), летел кулик, забыл, бабахнул, кулик полетел туда, а полствола туда, хорошо, что не в глаз.

От Воротникова⁵ исходили оптимизм, лёгкость, веселье, добродушие. Мне он нравился, но уважительно, как человек старшего поколения. Я и подумать тогда не мог, что, несмотря на разницу в возрасте (13 лет) он станет моим вторым другом. Он пообещал подойти с вязанкой куликов и продолжил свой путь пешком.

Работа грузчика мне была знакома по институту, так что я вполне вписался в бригаду бывалых. Бригады менялись и по времени, и по месту работы – корабль, плашкоут, берег. В первый вечер наша бригада попала на плашкоут. Теплоход привёз рыбокооповский груз, среди которого наиболее вожаделенными были ящики со спиртным. Законным путём это спиртное можно было приобрести через магазин, только когда оно попадёт на берег или в Богачёвку.

Но кто же может выдержать такую пытку – носить спиртное и не попробовать его. Особенно после многомесячного сухого закона, и когда каждый мускул уставшего грузчика требует допинга.

Мы не договаривались, но разыграли изъятие одного ящика как по нотам. Мозг и руки каждого работали по интуиции, как один механизм, режиссёр не поставил бы лучше даже с двадцатого дубля. Как и все грузчики, мы носили свой

⁵ *От редакции:* **Воротников Валентин Андреевич** родился в 1923 г. Участник Великой Отечественной войны. На Камчатке начал работать в 1953 году, являлся одним из старейших работников геофизической экспедиции. Трудился в должностях начальника гравиметрической партии, старшего геодезиста ГФЭ. Внес большой вклад в геофизические исследования на Камчатке. Умер в декабре 1976 года.

груз гуськом, один за другим. Боря Шапиро сделал вид, что качнулся от качки плашкоута, подтолкнул Васю Чеснокова (взрывника-сейсмика), тот упал, но так, чтобы ящик оказался сверху него и не очень пострадал. Мы этот ящик быстро, передавая друг другу, спрятали за штабелями уже уложенного груза.

Бутылки три всё-таки разбились, мы их показали капитану и представителю рыбокооп, наблюдавшим в свете прожекторов за нами с теплохода, чтобы у них были доказательства для списание ящика. К тайнику забегали по очереди после двух-трёх рейсов. Но вскоре плашкоут потащили к берегу, и тут-то и начался наш кайф и моё тесное знакомство с Борей и другими.

Что ни говори, но при выпивке души расслабляются, раскрываются, рождаются. За два дня разгрузки и весёлую дорогу назад я познакомился и сдружился с гораздо большим кругом людей, чем за месяц работы.

Кстати, о весёлой дороге. Я был восхищён ответственностью суровых покорителей Севера, показавших, что опыт не пропьёшь: шофёр (тогда это был Фёдоров) останавливал машину перед каждым мостом, все послушно сползали с кузова, он переезжал, грузились и ехали дальше. Последним был мост через Трухинку. Переехав через него, шофёр вывалился из кабины без чувств, а мы в таком же или чуть лучшем состоянии вынуждены были в темноте брести – ползти в поисках своих домов.

Почти сразу после разгрузки я попал на охоту на куликов. Группа охотников состояла из конторских и приближённых к ним людей. И по положению, и по возрасту это совершенно другая компания, чем моя молодёжная бригада на разгрузке, хотя все они тоже были там, и я с ними уже здоровался. В эту элитную группу я попал только благодаря Жоре.

Выезжали на Кроноцкую низменность, в устье р. Кроноцкой. Расстояние примерно как до Кронок, но по выезду из долины р. Богачёвки не налево, а направо. Готовились с вечера, Жора показал, как заряжать патроны.

Выезжали на рассвете. Как всегда, в бортовой машине со скамейками. Охотников собралось около 20 человек. Ехали

трезвыми. Если у кого и срабатывал рефлекс на ручей, остальные дружно отвергали, боясь не справиться с собственным рефлексом в случае обсуждения. На каждом традиционном ручье у кого-нибудь не выдерживали нервы. Я понял, что едут люди серьезные, зубры, знающие цель. Лично я готов был откликнуться на призывы каждого.

Но ехали весело. Охотничьи байки сыпались как из рога изобилия. Фигурировали в основном медведь, олень, баран. Я все рассказы принимал всерьёз. Думал: «Куда я попал, вот это люди, столько видели!». Особенно усердствовал плановик Чернов. Он говорил так убеждённо и артистично, что я поверил даже такому невероятному событию, как однажды на охоте, на Колыме, он с товарищами вынужден был спастись на деревьях от полчищ зайцев, которые по неизвестной причине бежали лавиной, сметая всё на своем пути. Попытки кого-либо усомниться Чернов пресекал гневным взглядом из-под косматых бровей, делавшим его похожим на надзирателя каторжан, которым он в прошлом, оказывается, и был.

Ранним утром мы подъехали к устью р. Кроноцкой, быстро развернули «стол», выпили за удачу, и всех как корова языком слизнула. Я тоже пошёл по тундре. Вскоре началась пальба, но охотников я не видел. Трижды надо мною пролетали стаи куликов, я трижды стрельнул, и каждый раз упал кулик.

В назначенное время собрались на обед. Все пришли с трофеями, и лишь Чернов не принёс ничего. Он недоумевал, как это могло случиться, остальные подсмеивались:

– Вон даже студент трёх штук добыл, это тебе не от зайцев убежать. А ну, попади в трубу.

Он бабахнул, от трубы никакого звука. Взял его ружьё Жора – тот же результат. Начали проверять патроны. Оказалось, что он забыл в них насыпать дробь: клал порох и пыжевал.

После обеда все так же быстро разбежались. Но теперь азарт владел мной. Я не мог допустить, что стреляю хуже других (в институте у меня был 3 разряд по стрельбе), и решил проследить за наиболее удачливыми, узнать секрет охоты. На мои вопросы об этом за столом отвечали: «Уметь надо».

Я выяснил, что все, оказывается, ушли на прибойку и

спрятались в скрадках, сооружённых из прибойного мусора. Я быстро собрал скрадок и вскоре освоил основной принцип охоты: стрелять влёт при заходе стаи на посадку к урезу воды. На вечернем подсчёте мой результат оказался уже средним – 18 штук. Чернов и с заменёнными патронами пришёл пустым, показав тем самым, что умение рассказывать байки про охоту не всегда соответствует умению охотиться.

Но сам я постоянно рассказываю эту быль, прибавляя, что куликов крупнее кроноцких не бывает, все уважительно кивают, хотя никогда не были на Кроноцкой низменности, а я других, не кроноцких, куликов почти и не видел.

В октябре полевой сезон закончился, и мы прибыли в Петропавловск. За три месяца я пережил массу стремительно сменяющих друг друга впечатлений и действительно перенёсся из одной жизни в другую. Жизнь-то предстояла новая, но привычки уже сложились, и проявлялись они по-старому.

Главным делом теперь стала работа, и я старался делать её как можно лучше, авторитет же в массах зарабатывал по-прежнему далеко не примерным поведением.

Что касается работы, то ситуация вырисовывалась такой. До 1957 года геологические работы на Камчатке выполнялись организациями, подчинявшимися разным ведомствам, и потому плохо координировались. В 1957 году было организовано Камчатское РайГРУ (районное геологоразведочное управление) с подчинением Магадану. В него вошли нефтяная, геологосъёмочная экспедиции и несколько поисковых партий, подчинявшихся непосредственно аппарату.

Первым начальником РайГРУ был Бубнов Дмитрий Алексеевич, но за месяц до моего приезда на Камчатку, в июне 1959 г., он умер от инфаркта. Его обязанности стал исполнять главный инженер Чернов Михаил Дмитриевич.

Геологическая изученность Камчатки оставалась очень слабой. Не была закончена даже «миллионка» (съёмка 1:1000000 масштаба), «двухсотки» только начинались, на нескольких локальных площадях велись поисковые работы на уголь, гидротермы, россыпное золото. Нефтепоисковые работы велись в двух районах – Кроноцком (вокруг Богачёвки) на

востоке и Тигильском (вокруг Воямполки) на западе Камчатки. Но к моему приезду буровые работы на Воямполке были прекращены и на западной Камчатке только-только начинались региональные геолого-геофизические работы.

Основные же объёмы и деньги тратились на Богачёвку. Здесь почти все работы сосредоточились в долине реки. В её верховьях, вблизи случайно открытого охотниками ещё в 1920 году источника нефти, на площадке, доступной для размещения буровых станков, с 1949 года велось бурение. К 1959 году было пробурено пять глубоких скважин, ни одна из которых не достигла по техническим причинам проектной глубины.

Для поисков структур здесь же и ниже по долине были пробурены сотни мелких колонковых скважин, и проводилась сейсморазведка. За пределы долины выходили только гравиметрическая съёмка (её выполняла партия В.А. Воротникова) да общегеологические маршрутные исследования.

Практических результатов было мало. С одной стороны, из расчищенного штольной источника получали до 16 литров в сутки легкой парафинистой нефти, при испытании скважины Р-2 откачали две тонны нефти, в керне многих скважин отмечались примазки нефти по трещинам пород, то есть были явные (прямые) признаки присутствия нефти в районе, вроде бы доказывающие перспективность нефтепоисковых работ.

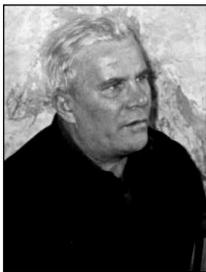
Но ни сейсмика, ни колонковое бурение не давали уверенных данных о структуре пород, общее строение также не было ясно, так что дальнейшие поиски заходили в тупик.

Для решения этой задачи и была организована тематическая партия, в которую я попал. Предполагалось в первый год (1959) изучить разрез по керну скважин, в последующие (60-63 гг.) – маршрутами по всему Кроноцкому району (10 000 км²). В конечном итоге планировалось разработать стратиграфическую схему, которая служила бы основой и для двухсоттысячной геологической съёмки, и для всех других геологоразведочных работ.

Все подразделения РайГРУ размещались в двух зданиях: деревянном двухэтажном с полуподвалом и таком же – каменном. В первом находились камеральщики, в основном

съёмщики, во втором – администрация и не поместившиеся в первом камеральщики – нефтяники, «гидрики», геофизики, поисковики. Мы сначала сидели в первом, а потом во втором здании.

Теснота была большой, вводили даже две смены: одни работали до 3 часов дня, другие с 3 до 11 вечера. Это осложняло работу, но зато способствовало общению, «за геологию» говорили и в камералках, и в коридорах, и в «кабаках». Кроме того, в подвале первого дома (клубе) часто проводились конференции, где обсуждались и узкие вопросы геологии конкретных площадей, и общие проблемы геологического строения Камчатки в целом. Всё это помогало нам, молодым специалистам, развивать эрудицию, быстрее входить в курс дела, расти профессионально.

Главным моим учителем стал Владимир Владимирович Крылов⁶ – главный геолог нефтяной экспедиции. Он являлся идеологом нефтепоисковых работ, отличался чёткой логикой мышления, убедительностью и грамотностью речи. Несмотря на седую голову и 55 лет прожитой жизни, вёл себя скромно, направлял нашу работу над отчётом неназойливыми советами и подсказками.

Над отчётом мы работали вдвоём с Олегом, Жора

⁶ *От редакции:* **Крылов Владимир Владимирович** родился 01 мая 1918 г. в Нижегородской области. В 1940 году окончил Московский институт нефти и газа им. Губкина. После института работал в Якутии в тресте «Якутскнефтегеология» на поисках нефтегазоносных структур, ставших основой для открытия Вилуйского месторождения газа. Затем работал в Сибири.

В 1951 году по приглашению прибыл на Камчатку, работал главным геологом Богачёвской нефтеразведочной экспедиции. В 1954-70 гг. руководил геологическими работами на нефть и газ на Камчатке (в т. ч. в должности начальника отдела нефти и газа Камчатского ТГУ). Являлся убеждённым сторонником наличия месторождений нефти и газа на полуострове. Соавтор монографии «Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности Камчатки». В 1954 году награждён орденом Трудового Красного знамени.

Умер на полевых работах (на Иче) 21 декабря 1970 г. Похоронен на старом кладбище около микрорайона «Геологи».

самоустранился и неизвестно чем занимался, а в начале 1960 года он был назначен начальником Богачевской нефтеразведки.

С Олегом мы фактически были во всём равны, но официальный статус его был выше. По увольнению Жоры он стал старшим геологом, а я геологом, а по окончании отчёта он – начальником партии, а я – старшим геологом.

Такой стремительный рост карьеры в то время был характерен для многих молодых специалистов (далеко не все, правда, его выдерживали). Но мы с Олегом отличались тем, что стали ответственными исполнителями тематических работ, на которые обычно ставили наиболее опытных, с научным уклоном геологов. Поручить их молодым специалистам было большим риском Владимира Владимировича. Он это объяснял тем, что, мол, нужен свежий, не зашоренный никакими представлениями взгляд на вещи.

Бытовая жизнь складывалась куда менее радужно. Первая зарплата моя равнялась 110 рублям, вместе с северным коэффициентом. Часть её уходила на оплату жилья, которое я снимал у частников-колхозников, оставшуюся часть довольно быстро спускал в кабаке, и тянул до следующей зарплаты – примерно, как и в студенчестве.

Кабак располагался в двух километрах от конторы, назывался «Вулкан», и был родным домом для моряков и геологов (в 70-х годах он сгорел, был восстановлен, но уже не деревянным, а каменным, стал не таким уютным, как прежде).

Я приходил один, но там обычно кто-нибудь из геологов уже присутствовал, и мы объединялись.

Довольно скоро ко мне пришла первая слава. В один из понедельников с утра всех позвали на собрание в кабинет начальника РайГРУ. Народ стоял плечом к плечу, как в автобусе.

На повестке один вопрос – дисциплина. Речь начальника была короткой – дисциплину надо бы соблюдать, и – список сотрудников, попавших в вытрезвитель за последнее время.

Список был длинный, гораздо длиннее самой речи, и выглядел примерно так: «Перевозчиков – старший техник

такой-то партии, Вошинский⁷ Александр Лазаревич – начальник Тигильской гравиметрической партии, Березин⁸ Михаил Александрович – главный геофизик, Воротников Валентин Андреевич – начальник гравиметрической партии, такой-то – радист, такой-то – старший геолог, Смирнов Леонид Михайлович – молодой специалист, техник-геолог Кроноцкой партии и так далее».

При упоминании моей фамилии стоявшая рядом со мной экономист-плановик Ирина Петровна Казакова громко зашептала: «Ой, бедненький мальчик, а кто это, где он?»

Рядом стоящие пожимали плечами, в том числе и я. Когда её взгляд обратился ко мне, то я сгорал от стыда, и на моём несчастном лице ответ она, думаю, прочла.

Позже, ближе познакомившись, я узнал, что Воротников, Березин и Вошинский попали в вытрезвитель вполне осознанно, добровольно. Закончив ужин в ресторане, навеселе, но не в «дупель», они вышли на улицу. Было темно, холодно, ветрено, идти никак не хотелось. Решили остановить первую попавшуюся машину, перегордив дорогу, и уговорить отвезти в Сероглазку. Перегородили, остановили, сели и узнали, что первой попалась... милицейская машина. Вылезать не захотели, сказали: «Вези». И их привезли...

Тогда я этой истины не знал и пользовался их именами и

⁷ *От редакции:* **Вошинский Александр Лазаревич** родился 12.01.1924 г. в г. Смела Киевской области. В 1953 г окончил Московский нефтяной институт им. И.М. Губкина, горный инженер-геофизик. Участник Великой Отечественной войны. После окончания института был направлен на Камчатку, работал инженером-оператором, начальником гравиметрической партии, тематической партии. Первый начальник Елизовской геофизической экспедиции (1964-68 гг.).

⁸ *От редакции:* **Березин Михаил Александрович** родился 04.11.1911 г. в г. Мариинский Посад Чувашской АССР. В 1934 году окончил Казанский государственный университет, инженер-геофизик. До Камчатки работал в Коми АССР старшим инженером-геофизиком, главным инженером, управляющим Ухтинской геофизической экспедиции (треста). В 1953-54 гг. работал начальником и главным инженером Березовской геофизической экспедиции. В 1955-69 гг. трудился главным инженером, главным геофизиком, старшим геофизиком экспедиции.

именами других уважаемых людей для самоуспокоения. Один голос во мне клялся, что всё, завязал, никогда этого не повторится. Второй, словно предчувствуя невыполнимость клятвы, шептал: «Ну, успокойся, что ты так убиваешься, вон ведь даже с какими людьми случается». Что со мной случилось, не знаю, но наутро в милиции заверили, что сняли меня с двухметрового бетонного забора завода «Фреза». До сих пор не верю, что мог туда попасть.

В тот день Олег пришпандорил к стенке календарь и со скорбной миной отметил дату жирной чёрной кляксой, поздравив с первым выговором.

В русле клятвы я продержался недолго. Прилетел в командировку Боря, а с ним и вторая, и третья мои «медные трубы». Денег у Бори было гораздо больше, так как, во-первых, он круглогодично получал полевые, а во-вторых, в Богачёвке их некуда было тратить – то сухой закон, то нет компании, да и вообще жизнь дешевле. Поэтому денег нам хватало ходить в «Вулкан» каждый день в обед (пообедать) и вечером (посидеть). Занимали всегда один и тот же стол, и вскоре стали любимыми клиентами у официанток.

Однажды ночью возвращались из «кабака», дошли уже до родного Управления и стали спускаться вниз в Сероглазку по улице, на которой я жил. Навстречу шла горланящая песни компания из шести человек: четырёх мужчин и двух женщин. Шли цепью, взявшись под руки, перегораживая всю дорогу. Боря сказал:

– Прорвёмся?

Я сказал:

– Конечно. – И мы врезались в середину цепи.

Уже на первой минуте одна из женщин ударила Борю сзади по голове трёхлитровой банкой с огурцами, он упал вниз лицом и получал удары ногой одного из мужиков. С остальными сражался я. Не знаю, сколько это длилось, казалось – вечность. Уже и четвёртый бросил Борю и навалился на меня. Женщины пытались нас разнять. Им удавалось оттащить то одного, то другого. Но два-три бойца оставались постоянно. Наконец, силы и эмоции иссякли, компания ушла, и я стал

поднимать Борю. Пришли домой. Я увидел испуганное лицо хозяйки и пошёл к зеркалу. И чуть не заплакал от обиды: на месте лица была синяя бесформенная масса, в которой едва просматривались щёлки там, где должны быть глаза, а с чистого, как у херувима, Бориного лица смотрели бездонные голубые глаза.

– Засранец, ты специально упал, – сказал я.

– Да нет, что ты! – и взялся за бок, изображая боль.

Утром опять сравнил наши лица, и на душе стало ещё гаже: синева перешла в фиолетовость. Идти куда-нибудь в таком виде было нельзя, и Боря послал хозяина за бутылкой.

Саша (капитан колхозного катера) долго не возвращался, мы устали ждать. Наконец, вбегает. Возбужденный, суетливый. И говорит, что бутылку у него отняли мужики, когда он возвращался через их двор и огород. Волна справедливого гнева, наложенная на гадость души, подняла нас и понесла в указанный двор. Дверь в дом перед нашим носом успела захлопнуться. Ударом ноги Боря вышиб филенку, откинул засов, и мы ворвались. Первого мужика Боря сбил с ног и стал реабилитировать себя за вчерашнюю пассивность. Я влетел в другую комнату. Она была чистой, опрятной, никак не «бичевской». От меня в ужасе попятился мужичок, упал на кровать, закрылся руками и не собирался оказывать никакого сопротивления. Такой «морды» испугался бы, наверное, и Майк Тайсон. Гнев мой улетучился.

– Где бутылка?

– Какая бутылка?

Выяснилось, короче, что мужики никакого отношения к грабежу не имеют, а бутылку коньяка Саша выпил со своими «корешами» ещё возле магазина. Видя нашу крутость, он исчез заглаживать вину.

Наступил понедельник, мне надо было идти на работу. И как мне хотелось поменяться с Борей лицами (ему, как командировочному, появляться в конторе было не обязательно).

В тот день я работал во вторую смену. Поднимаюсь на второй этаж, на лестничной площадке курят ребята-съёмщики.

– Что с лицом?

– Да вот, колол дрова, полено срикошетило.

Дружный хохот прервал изложение легенды:

– Сегодня ты уже пятый колешь дрова, вы не из одной бригады?

По синякам, рассечённым бровям я вычислил своих субботних противников. Ими оказались не какие-то бичи, как мы предполагали, а коллеги – геологи Марк Воробьев, Слава Илечко, Эркен Хусаинов, Валя Бондаренко и жёны двух из них: Надя Райкова и Эмма Пичий. Результатами осмотра остался доволен, на душе чуть полегчало: их лица, каждое в отдельности, выглядели, конечно, лучше моего, но это были четыре лица и каждое обязано моему кулаку, и если сложить их вместе в одно лицо, еще неизвестно, чьё окажется лучше – оно или моё.

Олег изобразил сочувствие и поставил в календаре второй чёрный кружок.

Не прошло и трёх дней, как меня вызывает тройка: секретарь парторганизации (Марья Борисовна Белова), председатель профкома (Шиш) и Петр Антонович Головин. Объявляют, что в городской суд поступило исковое заявление от граждан таких-то о том, что два геолога, один проживает там-то, выбили дверь их дома, ворвались внутрь и избili их ни за что, ни про что. По Кодексу это квалифицируется как разбойное нападение, и «светит» минимум три года. Требуют рассказать, что произошло.

– Да что вы, какой разбой? Просто драка из-за бутылки. Посмотрите на моё лицо, это меня избili, а не я. – Как я обрадовался тогда, что синяки остались при мне, только они могли спасти.

«Трибунал» мне, видимо, поверил. Невероятно же было предположить, что за сутки – двое я мог участвовать в двух, не связанных друг с другом, «мордобоях». Сказали, что на Шапиро телегу передадут в Богачёвку, пусть разбираются, а моё дело постараются переквалифицировать в хулиганство и заменить тюрьму 15 сутками.

Оказалось, что один из жалобщиков работал тоже в геологии: в мехцехе. Жора уговорил его забрать иск, и всё

закончилось благополучно: на очередном собрании меня вновь зачитали в списке штрафников, да Олег поставил еще один чёрный кружок, как официальную дату выговора. Сейчас, конечно, легко вспоминать об этом с улыбкой, но тогда я действительно прочувствовал реальность тюрьмы, не мог себя представить на нарах и страшно переживал. Тем более что чувствовал несправедливость распределения кары: в первый раз я получал синяки, а Боря отлёживался, а во второй – он крушил дверь и бил, а в тюрьму – меня.

Деньги таяли, даже Борины, ресторан надо было ограничивать. Кроме того, нам хотелось ближе познакомиться с «массаами» – такими же, как мы, молодыми «спецами», которых в том году приехало особенно много, и которые тоже находились в процессе обживаемости–приживаемости на новом месте. В коридорах конторы познакомились с двумя девушками-геофизинями из Ленинградского Горного – Линой Горбадей и Элей Трабер, и напросились к ним в гости, надеясь на закуску и приключения.

Скудную закуску получили, но у девушек были слишком серьёзные намерения, чтобы получить и приключения. Однако мы стали возможными объектами серьёзных намерений, и они пригласили нас вскоре на расширенную вечеринку.

Там, в квартире Светы Зиман на Советской, 50, собрались представители всех направлений: съёмщики – Воробьев, Байков и др., геофизики – Боря, Эля, Лина; гидрики – Бездетный, нефтяники – я, и т. д. Многие знакомились друг с другом впервые.

Выпили, закусили, попели, стали танцевать. И тут Марк Воробьев дошёл до стадии выяснения отношений и стал допытываться у меня и Бори, не мы ли разбили ему очки на дороге. Мы с Толей Байковым несколько раз уводили его на кухню, пытались уговорить не ворошить старое, независимо от того, мы это были или нет. Марк успокаивался, шёл в комнату, видел там Борю, танцующего с Элей (Марк за ней ухаживал), и начинал снова.

Наконец, Боря не выдерживает, и одной рукой держась за талию Эли, другой (левой) наносит молниеносный удар Марку

по очкам (очки «сыпятся» на пол), Марк истекает кровью, а он продолжает танцевать.

Вечер продолжался. На кухне сидел и горько плакал Марк. Остальные старались, как бы не заметить происшедшего, но холодок к себе мы сразу почувствовали. Алла Медведкова засобиралась домой, мы с Борей вызвались её проводить. Она жила недалеко, но в гору от ул. Советской. У неё мы немного посидели и отправились обратно.

Пурга, начавшаяся вечером, разыгралась вовсю. Улица круто спускалась по склону горы, что ещё больше осложняло передвижение. Возле уличной водоразборной колонки я поскользнулся на наледи, упал и ... не мог стать на ногу – то ли растяжение, то ли перелом.

Добрались до квартиры. На стук дверь приоткрылась, из неё выглянул Толя Бездетный, а из-за его плеча – Лина. Боря объяснил, что, вот Лёша сломал ногу, пустите переночевать. Те замахали руками, шёпотом растолковали, что все уже спят, не шумите, отвалите. Кто там ночевал ещё, не знаю. Скорее всего, почти вся компания, но нам не поверили, решили, что мы вернулись «куролесить». Страх был в глазах и у Толи, и у Лины, в итоге нас не пустили.

Наш 4-километровый путь домой, в Сероглазку, можно сравнить с подвигами героев Джека Лондона на Аляске. Я пытался повиснуть на плече у Бори. Он говорил, что так мы никогда не дойдём, и не давал к себе приблизиться ближе трех шагов. Штормовой ветер бил в лицо снегом с песком, обдирая кожу до крови. Но всё же добрались.

К утру нога распухла, посинела. Теперь и Борис поверил, что дело серьёзно, и потащил меня на плечах по сугробам в поликлинику. Там определили перелом, наложили гипс.

В понедельник (опять понедельник!) появляюсь на работе на костылях. Олег идёт к календарю с тушью, сочувствие на лице ещё сохраняется, но видно, что это дело становится для него не только привычным, но и приятным: в нашей служебной характеристике его репутация выигрывает. Все субботние компаньоны прячутся от меня, им ужасно стыдно, что не пустили калеку в дом в пургу.

Боря улетел. Стреноженный, в гипсе, я пробыл два месяца,

а хромал до самого лета. Ограниченность в движении сократила круг общения. Нас перевели в каменный дом, оторвав от массы геологов, а на костылях я приползал только в камералку и редко выходил за её пределы.

За два-три месяца моего бездвиженья вышли замуж Лина (за Толю Бездетного), Алла Медведкова (за Володю Ёркина), к тому шло у Эли с Марком, и т.д. Народ (особенно, девки), спешил исправить промах, допущенный в институтах (перезрели). Словом, кто устраивал семейную судьбу, кто укреплял разгульные связи, лишь я валялся в убогой халупе, на железной койке, с костылями у изголовья, слушал вой пурги за стеной, а из репродуктора – скребущий за душу голос Трошина: «Снова за окном метель-метель, белый незнакомый снег, ты живёшь за тридевять земель и не вспоминаешь обо мне» – адресовал его Инне, слеза наворачивалась, сердце щемило от жалости к себе. Так я расплачивался за бурное начало новой жизни. Пурги тогда были мощными и частыми, а из-за отсутствия снегоочистительной техники – с длительными последствиями в виде сугробов, по которым мне приходилось карабкаться на своих костылях. Так что мучения продолжались не только на кровати.

Так, в страданиях и трудах праведных над отчётом (который мы защитили успешно), я и дожил до следующего полевого сезона.

Второй сезон был не менее первого богат на впечатления, а по выполняемой работе намного интереснее. В Кроноки добирались собственным (геологическим) теплоходом «Губкин». Помня свое прошлогоднее плавание, я со страхом поднимался на его борт и сразу же стал придумывать способы самосохранения. Остановился на рецепте команды катера: выявил среди пассажиров геологов-преферансистов, затащил их в балок, стоявший на палубе, и там под пульку, водку и селёдку вполне терпимо доплыл. Да и теплоход не катер, его меньше болтает.

Пару недель провели в Кроноках и Богачёвке в подготовительных делах и ожидании катера для заброски на

площадь. Наиболее радостной, конечно, была встреча с Борей. Мы взяли ящик коньяка (КВВК), ящик ананасов в банках, запёрлись у него в доме и двое суток не выходили. Что интересно – не опьянели. Делились прожитыми друг без друга месяцами, взглядами на духовную жизнь (литература и т.п.), на жизнь вообще, читали, дремали.

Интересной также оказалась первая встреча с начальником РайГРУ Павлом Тимофеевичем Усковым⁹, только что присланным из Магадана.

Начальника ждали давно и мы с интересом наблюдали, каков он. Он приплыл на теплоходе, разгружать который пригнали нас. Это был огромный, пузатый, страшный дядька, с большими навывкате глазами, мохнатыми чёрными бровями, и если приделать бороду – типичный Карабас Барабас. Но был чисто выбрит. Ступив на берег, он повёл свою свиту к крутому склону террасы, привлекая и всех попадавших на пути и давая Жоре указания обеспечить топоры, лопаты. Наиболее здоровым велел рубить ольхач, остальным – оттаскивать нарубленное. Прошёл несколько метров впереди всех, задав направление, потом дело пошло и без него. Мы с Борей стояли в сторонке и говорили друг другу: «Дешевое варенье, показуха...».

И тайно радовались, что не оказались на его пути.

Дело в том, что уже муссировался вопрос о выходе с работами за пределы Богачёвской долины и необходимости

⁹ *От редакции:* **Усков Павел Тимофеевич** родился 14 февраля 1915 г. Окончил Харьковский госуниверситет, инженер-геолог. В 1960 году назначен начальником Камчатского райГРУ.

В 1964 году после организации КТГУ (Камчатского территориального геологического управления) стал его первым начальником. В состав КТГУ кроме Камчатского РайГРУ вошла Пенжинская экспедиция, район работ которой находился на севере Камчатки. В том же 1964 году в КТГУ был создан ТГФ (территориальный геологический фонд), а в 1965 году – Центральная лаборатория, Южно-Камчатская экспедиция для проведения поисков и разведки россыпного золота.

В 1966 году П.Т. Усков решением Камчатского обкома КПСС был освобождён от должности и откомандирован в распоряжение Министерства геологии РСФСР.

строить дорогу для выезда на террасу. Но все мямлили, что нужен топограф для того, чтобы проложить трассу серпантина и бульдозер для расчистки.

Где и как Павел Тимофеевич успел ознакомиться с проблемами Богачёвки – не знаю, но одну из них он решил в прямом смысле с ходу. По прорубленной тогда визирке стали всё-таки гонять трактора. В дальнейшем я убедился, что стиль личного примера вообще был характерен для Ускова.

Подошёл и уже знакомый мне катер, на котором добрались до места работ. Плыли туда вдоль берега Кроноцкого полуострова. Небо было свинцовым, вода – стальной, волна – большой, береговые обрывы из столбчатых базальтов – черными, к тому же был ветер. От этой величественной, мрачной картины в душе нарастала тревога и в то же время гордое чувство, как бы причастности к экспедициям Беринга.

Нам предстояло изучить геологический разрез береговых обрывов, мне – от мыса Козлова до мыса Кроноцкого (около 50 км), Олегу – примерно столько же севернее от бухты Каменистой до устья р. Большой Чажмы. Работали автономно друг от друга, сойдясь только в конце сезона.

Если на территории самого полуострова имелись хотя бы редкие маршрутные исследования, то здесь ещё не ступала нога геолога. На моём участке обрывы имели высоту от 200 до 300 метров и тянулись непрерывно, образуя сплошное обнажение. Породы оказались большей частью магматическими, мне, осадочнику, мало знакомые – базальты, туфолавы, туфобрекчии, туффиты, пироксениты.

Я постоянно заглядывал в «Минералогию и петрографию» Лучицкого, стараясь определить точное название пород. Я описывал обрывы подробно, тщательно замеряя элементы залегания, мощности всех слоёв и прослоек, тектонических нарушений. Старался подняться до самого верха обрывов, ничего не пропустить – я учился на этих обрывах, мне было интересно. Более опытный геолог вряд ли поступал бы так же. В результате в моих полевых книжках осталась как бы геологическая фотография обрывов, более полного описания быть не может.

Летом ко мне прилетел на «воротниковском» вертолёт В.В. Крылов – направить нас, вчерашних студентов, на путь истинный. Приходил Олег.

Крылов посмотрел наши полевые книжки, прошёлся немного вдоль обрывов. Убедившись, что мы вполне на уровне, пару недель (в ожидании вертолёта) просто отдыхал.

Яркими остались впечатления от природы. Прежде всего, от самих береговых обрывов. Я ползал по ним, прикикая к стенке всем телом, выискивая малейшие трещины и выступы, чтобы зацепиться, испытывая одновременно страх и любопытство. При этом надо было находить позу делать записи. Однажды всё-таки сорвался и пропахал метров восемь, сильно ударившись коленом.

Передвижение под обрывами местами тоже затруднено. Береговая полоса очень узкая, иногда едва хватает места поставить палатку, чтобы её не зацепило приливом. Она пересекается довольно многочисленными речками и ручьями, не все из которых можно перейти, не вымокнув. Ручьи и речки стекают с Кронуцкого ледника. Протяженность их 10-15 км, а высота ледника – 1300 м, и ясно, что при таких перепадах вода не течёт, а низвергается. Несколько ручьев заканчиваются водопадами прямо на обрывах, у других – каскад начинается буквально в нескольких десятках метров от устья. Зайдёшь в такое ущелье, упрёшься в водопад, под ногами бушует поток воды, дневной свет едва пробивается где-то высоко над головой – страх божий.

В одном месте в береговой полосе образуется так называемый непропуск: скала выступает в океан, внизу его волной выбило грот. Во время отлива уровень воды в гроте падает до пояса и его можно пройти по воде. Но мы проходили над гротом по выступу–трещине шириной 2-3 сантиметра. Сначала я проползал по трещине с дрожащими ногами, потом приловчился «пробегать» даже с полным рюкзаком. Когда мы дошли до Кронуцкого маяка, нам рассказали, что на этом непропуске в разные годы погибли два пограничника, были впечатаны в стену грота волной.

Случай спас наши с Васей жизни. Закончив дневной

маршрут, мы с ним долго обсуждали, перетащить палатку на следующую стоянку сейчас или отложить это дело на завтра. Решили всё-таки не откладывать, хотя и устали. А ночью земля под нами закачалась, и послышался грохот падающих с обрыва камней, – мы поняли, что произошло землетрясение. Утром сходили на прежнюю стоянку и на её месте увидели груды камней. Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня – и спасёшь себе жизнь.

Прибегал Олег – «живы ли?» – и рассказал, что они с Гришей ночью пулей взлетели на склон и там стучали зубами в ожидании цунами. Я сказал, что если б мы и захотели спастись, то было некуда: на наши скалы и днём не заберёшься.

Животный мир нас не особенно баловал: по косе ничего не ходило, в водопадах ничего не плавало, лишь далеко на камнях в океане ревели сивучи да на скалах галдели птичьи базары. Вася сказал, что бакланы, как будто, тоже съедобны, я снял одного из карабина, варили его всю ночь, но сапог сапогом так и остался, еле сжевали.

Но однажды мы проходили участок, напротив которого в километре от берега виднелась каменная глыба. Мы обнаружили, что во время отлива она соединяется с берегом полосой скального грунта, полностью выходящим из воды или чуть-чуть притапливаемым. Вася сходил на Камень и принёс оттуда несколько рыбин, котлеты из которых оказались божественными. Мы бегали на Камень часто, пока отработывали тот участок (в том числе и Владимир Владимирович), и испытывали неопишуемый восторг от рыбалки: к короткой палке привязываешь грубую леску, на неё ржавый крючок (с мясом или без), садишься на Камень, бросаешь в волну и тащишь окуня от полутора до трёх килограммов. Синего, зеленого, красного, жёлтого. Жор был бешеным, успевали набивать по рюкзаку.

К концу сезона, когда мы вышли за мыс Кронцкий, где берег стал ниже, а реки и их долины шире, рацион наш стал значительно богаче: в мелких протоках мы ловили кижуча прямо руками, потом появилась медвежатина.

Моя первая встреча с медведем была неожиданная. Я

описывал обнажение, поднялся уже почти до его верха (это был склон, а не скалы), поднял голову и метрах в пяти от себя увидел медведя, стоявшего на кромке склона. Карабин я с собой не носил, привык, что коса «мертвая». Я постучал молотком по камню, медведь медленно повернулся и пошёл прочь. Никакого чувства страха не возникло ни сразу, ни потом.

Работа закончилась, мы с Олегом сошлись и ждали вертолёт. Рации у нас не было, выяснить, почему он не летит к назначенному сроку, не могли, далеко от лагеря отойти не решились (вдруг прилетит). Наконец, я не выдержал, взял карабин, сказал, что поброжу поблизости.

Местность над террасой была заросшей ольхачом, с небольшими проталинами и ложбинками. Километрах в семи от лагеря увидел медведя, определил курс, по которому он идёт, пошёл наперерез и засел в ольхаче, наблюдая за распадком, где он должен был появиться. Не дышу. Наконец, показывается. Проталина распадка была небольшой, и я понимал, что если промажу, он сразу скроется. До него было метров 30, тщательно целюсь под лопатку, нажимаю курок. Рёв, и он скрывается в ольхаче. От азарта я дрожу и бегу к проталине, по следу крови лезу в ольхач, продираюсь по нему и метров через 70 вижу лежащего медведя.

Только тогда пугаюсь и вспоминаю рассказы, каким опасным может быть раненный зверь. Медленно подползаю к туше, тыкаю в неё карабином, она неподвижна. Когда, наконец, биение сердца успокоилось, начал разделявать. Обнаружил, что пуля попала в сердце, прошив его насквозь. Какая же нужна сила, чтобы с пробитым сердцем пробежать по ольхачу 70 м (я продирался по нему минут 10-15).

Это была моя первая добыча медведя. Я забрал шкуру и сколько мог мяса, потом с Васей принесли остальное. Мясо оказалось вкусным, без запаха, и мы баловали себя мослами, котлетами, пельменями.

Про нас всё-таки вспомнили и привезли в Богачёвку.

Из новостей для меня наиболее любопытным оказался рассказ из многих уст о том, как Жора усмирал бабский бунт. Его флирт с бухгалтершей Земфирой дошёл до откровенного

сожительства. Сожительство укреплялось, и уже было похоже на семью. Катя бомбила своих воямпольских подруг письмами насчёт сучки, которая уводит папу от детей.

Катины подруги, наконец, собираются в толпу и идут на рассвете вытаскивать из Жориной постели эту бесстыдницу. Стучат в дверь всё громче, распалются всё больше, нехорошие слова в адрес «шлюхи» становятся всё более нехорошими.

Дверь всё-таки открывается, на пороге появляется Жора при полном параде и говорит:

– Ну что вы, родные, кипятитесь, ну не ваше же это собачье дело, не шумите, идите домой, мы сами разберемся.

Толпа звереет и вопит ещё сильнее. Тогда Жора достает из кобуры свой ГТ, стреляет в воздух и рывкает: «Разойдись!». И площадь моментально пустеет. Если б это сделал любой другой человек, неизвестно, чем бы кончилось.

Но от Жоры такого никто не ждал, это добродушнейший мягкий человек, муху не обидит, голос не повысит. Я сам не мог себе представить его в такой роли.

Земфира, кстати, была неплохой женщиной – симпатичной, и заботливой, и умелой, и послушной. Я обнаружил всё это, когда «наклюкался» по поводу окончания сезона, затосковал, распустил сопли и пришёл к Жоре их утирать. Она успокоила. Как раз то, чего не хватало Жоре от его крикливой, властной Кати, не пожелавшей приехать к нему в Богачёвку, хотя бы на лето.

В ожидании транспорта на город я с Борей и Воротниковым часто расписывал пульку. Играли не на деньги, а на шлепки. Как-то Воротников здорово продулся, спустил штаны, лёг на топчан. Я уж собирался простить, но Боря с большим энтузиазмом и с оттяжкой отхлопал свои висты, заразил меня. Представляю, как горели его ягодицы, если у нас болели ладони. Но он стойчески выдержал, и с тех пор стал для нас не Валентином Андреевичем, а Валей.

Тогда же я пережил ещё две сильные эмоции.

Для «гравиков» нужно было знать плотность пород Железнодорожного хребта, а отобрать образцы некому. Владимир Владимирович и Березин бомбили Жору

радиограммами с просьбой заставить это сделать богачёвских геологов Кима Павлова и Юру Драгана, но выпихнуть этих «конторских крыс» не удавалось. Я сказал:

– Подумаешь, нашли проблему!

И с неделю лазал на Стол. Поднимался на него напротив Богачёвки, а спускался каждый раз по новому распадку, который выбирал при осмотре снизу так, чтобы встретить в нём новые обнажающиеся слои и получить в конечном итоге сплошной разрез. При этом удалялся от Богачёвки вверх по реке, в общей сложности, километров на 10-12.

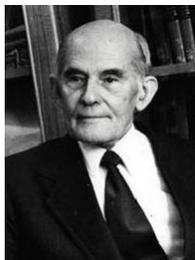
Так вот однажды при спуске я упёрся в обрыв агломератов и стал обходить его по кромке, цепляясь за кусты ольхача. Очередной куст не выдержал, вывернулся с корнем, и я полетел с ним и сыпящимися вдогонку камнями вниз метров на шесть. Успел вспомнить и маму родную, и «п...ц» про себя произнести. И не верил, что цел и невредим. Куст несколько погасил скорость падения и защитил от камней, а приземлился я не плашмя, а по касательной к поверхности, так как склон под обрывом был так же крут, как и над ним.

А в другой день, возвращаясь после спуска со Стола, столкнулся лоб в лоб в шеломайнике с медведем. Мы шли навстречу друг другу тихо, бесшумно, каждый думал о своём и когда столкнулись, ошеломились. Он первый развернулся и убежал.

Тогда я поверил в миролюбивость камчатского медведя к человеку, хотя в последующем узнавал случаи «лёгкого потрёпывания» медведем в подобных ситуациях: так П.И. Ширейко он разорвал бедро, геологу Льву Лапшину – пожевал сапог и т.п. *(И только сейчас, в последние годы, когда человек окончательно обнаглел и не даёт медведю вздохнуть, тот начал его есть: то японца-исследователя зажевал, то их «лучшего друга» Виталия Николаенко – в Долине Гейзеров в 2006 году, то грибницу – в лесу, то на дачах покажется. И правильно: война, так война).*

Второй камеральный зимне-весенний период проходил по сценарию первого. В то время готовился к изданию тридцать первый том «Геология СССР» (Камчатка и Курильские острова).

Главным редактором был доктор наук Георгий Михайлович Власов¹⁰, он же контролировал сбор и отбор геологических материалов и пропускал через себя почти все полевые партии, выискивая стоящие новые сведения. Том был издан в 1964 году, но последние по времени материалы, которые в него попали, относятся к 1960 году.

Составленный нами с Олегом разрез кроноцких береговых обрывов не только вошёл в этот том, но явился в тот сезон одним из наиболее интересных материалов, как по новизне, детальности описания, так и по выводам – благодаря находкам фораминифер мы определили верхнемеловой возраст части разреза, кроме того, выделили интрузии гипербазитов – признаки океанической коры. И то, и другое впервые не только для Кроноцкого района, но и для всей Восточной Камчатки – раньше там пород древнее палеогеновых не предполагалось.

С этими новостями мы выступили на внутренних геологических конференциях и стали более известными как

¹⁰ *От редакции:* **Власов Георгий Михайлович** (1912-2006 гг.), доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1975-2006 гг. – заведующий лабораторией, главный научный сотрудник ИТиГ ДВО РАН.

После окончания в 1931 году Владивостокского промышленно-экономического техникума работал прорабом и начальником геологических партий. Затем окончил ДВПИ (г. Владивосток) и с 1939 года занимался геологическими изысканиями в должностях начальника геологических и тематических партий, главного инженера и начальника экспедиции.

Г.М. Власов – пионер исследований многих в то время слабо освоенных районов Камчатки, Курильских островов, Приморья и Приамурья.

С 1956 года полностью переключился на научную работу, семь лет работал старшим научным сотрудником ВСЕГЕИ, затем заведующим лабораторией вулканогенных формаций, созданной в г. Хабаровске при ДВГИ. В 1975 г. лаборатория в полном составе вошла во вновь созданный ИТиГ ДВНЦ АН СССР.

Г.М. Власову, как одному из крупнейших знатоков Камчатки, было поручено составление тома «Геология СССР», посвященного геологическому строению и полезным ископаемым Камчатки, Геологической карты Камчатки и Курильских островов.

специалисты.

Известность, во всяком случае, моя, росла и за границами работы. Благодаря «алкогольной» коммуникабельности я в той или иной мере контактировал практически со всеми слоями геологического общества, кроме, может быть, самой верхушки управленческого аппарата. Теснее всего – с наименее устроенной холостяцкой его частью, но и с представителями более солидных и элитных слоев не раз встречался за их праздничными либо на кухне столами.

Чёрные кружки в календаре появлялись с приездами Бори. Во время первого из них, зимой, мы, выйдя из «Вулкана», сцепились с какими-то двумя парнями. Своего я сбил с ног, навалился на него и бил, пока не почувствовал резкую боль в боку. Оказывается, он в это время доставал нож и ударил им. Хорошо, что я был в пальто, и рана оказалась неглубокой, до лёгкого не дошла. Но шов наложили.

Второй приезд отметился более весёлым случаем. Наш полуподвальный клуб эксплуатировался нещадно: собрания, конференции, игры в пинг-понг и шахматы, всякого рода учебные занятия, а во время перерыва – столовая. Мероприятия, бывало, сталкивались, и одно вытесняло другое. Однажды дежурными по доставке обеда (его привозили из ресторана «Вулкан» в огромных кастрюлях) были мы с Борисом и Саша Нетёсов (геофизик из Воронежа). Тащим бадьи к двери, а она заперта изнутри. Колотим. Открывается, показывается разгневанный старший инженер Попенко, кричит, что он ведёт курсы буровиков, не мешайте учебному процессу. И пытается захлопнуть дверь. Успеваем просунуть ботинок, хватаем его за шиворот, выволакиваем на улицу и даём пинка, объясняя, что обед стынет, а важнее обеда в данный момент ничего не может быть. Сидевшие за столами дюжие буровики глядели на нас с любопытством и, кажется, одобрением. Во всяком случае, на защиту Учителя не встали и с удовольствием свернули свои тетрадки. А прибывающий народ выражал благодарность за то, что сохранили обед горячим.

Через час после обеда нас вызывает Павел Тимофеевич. Садимся. Попенко на высоких тонах ещё раз объясняет, как эти

сопляки лишали его авторитета у курсантов, унижали честь и достоинство. «Карабас Барабас» делает страшное лицо и грозным голосом в доходчивой форме гаркает, что неужели вы, говнюки, мандюки, вашу мать, не понимаете, что так с администрацией поступать нельзя? Боря сидит с покаянным лицом, Саша нервно хихикает и чем грознее речь, тем истеричнее, я перемежаю раскаянность со смешками. Может быть, Павел Тимофеевич хотел нас просто пожурить, чтобы отвязаться от плаксивого Попенко, но наш смех и улыбки всерьёз заводят его и он прогрессирует в количестве и забористости матюгов. На другой день издаёт приказ о хулиганстве и лепит нам по выговору. Вскоре, однако, когда мы защитили отчёт, объявляет мне благодарность – первый красный кружок в календаре! – и становится ясно, что он мужик не злопамятный.

По возвращении с поля я сменил квартиру. Это была комната с сенцами-кухней, с отдельным от хозяев входом. Жил в ней вместе с тремя техниками-геологами из Магадана, скромными не загульными ребятами. Двое из них через пару лет уехали с Камчатки, с третьим, Юрой Кострыкиным, общаемся до сих пор. Сейчас он на пенсии, работает сторожем на автостоянке.

А тогда как раз переживал семейную драму. Он с молодой женой работал в поле и однажды, вернувшись из маршрута, обнаружил в своём ложе (спальном мешке) её с другим выходцем из Магаданского техникума, Сашей Кирилловым. Схватил ружьё, бабахнул и, слава богу, ни в кого не попал. В результате она стала Галкой Кирилловой, а он долго маялся один, а потом и до сих пор, ещё больше с новой женой.

Жора уехал с Камчатки. Катя всё-таки прочувствовала, что крах семьи наступает, поехала в Богачёвку, выпарапала его сначала из постели Земфиры, а потом и из Богачёвки, и из Петропавловска. Впереди их ждала новая жизнь на малой родине.

Олег женился на Эльке Трабер и стал ещё более правильным, стерильным. Элька, в конце концов, отвергла ухаживания Марка Воробьёва. Он с горя уехал в Эвгекенот на

Чукотку, а она охотно объяснила свой выбор: «Да, с такими как Марк или Шапиро веселее проводить время, но жить надежнее с Супруненко». Олег ходил гордый своим статусом и всячески его подчёркивал. Сам сочинил про себя прижившуюся шутку: «Муж – мальчик-геолог берёт молоток и идёт колупать образцы». С удовольствием рассказывал, как на вопрос: «Тебе чего, мальчик?» – обрезал продавщицу: «Уважаемая девушка, я уже не мальчик, а, по меньшей мере, молодой мужчина».

Он и раньше почти не участвовал, а теперь и вовсе, не только в ресторанных, но и в стихийно возникающих выпивках.

Здесь у меня был несравненно больший авторитет. Традиционным было, в частности, «пурговать». Тогда пурги были гораздо чаще и мощнее (это метеорологическая статистика). Как только становилось ясно, что пурга разыгрывается, работникам разрешали расходиться по домам. Но в большинстве камералок и кабинетов мужики «кучковались» и продолжали «работать». Мы сидели в одной комнате с Крыловым и Березиным, нашими высокими начальниками. Момент определял Владимир Владимирович и говорил:

– Лёня, пора! – Давал мне сумку, собранные деньги, и я пробивался в ближайший магазин.

Эта обязанность стала моей постоянной для таких случаев, не только по поводу пурги. Исполняя её однажды, уже весной, я шёл вдоль бухты. На берегу горел костер, над ним висело ведро, вокруг сидели мужики, махнули мне, я подошёл. В ведре варились крабы, ребята отдали мне всю эту порцию отличных огромных клешней.

Я вернулся не только с заказом, но и великолепной закуской к нему – общий восторг. А я восхитился ещё раз, как богатством Камчатки, так и тем, какие хорошие бескорыстные люди на ней живут. Сейчас вспоминаю об этом ещё и как о свидетельстве былого изобилия (*ныне не только свежих, но и в банках крабов не сыщешь, даже в тридорога*).

Я решил хотя бы пару сезонов записать в дневник, чтобы посмотреть, как меняюсь, прочесть и вспомнить это в старости, а может и опубликовать рассказ о наших героических подвигах

(известный литератор Ираклий Андроников был другом Бориной семьи и обещал содействовать). Замысел исполнил (его только на два сезона и хватило), хотя трудно назвать мои записки дневником: они слишком краткие и о длительных, от нескольких дней до нескольких недель, промежутках времени. Но освежают память.

В 1961 году нам предстояло изучить центральную часть Кроноцкого района маршрутами по бассейнам рек Татьяна, Ольги, Крутой, Тюшевки (в порядке удаления от Богачёвки).

Я с основным грузом приплыл в Кроноки на «Губкине» в конце июня, Олег прилетел позже. Арендовал трёх лошадей, закупил продукты, оформил рабочих, так что к приезду Олега партия готова была к выходу на площадь.

8 июля я начал заброску. Организация работ была такой. На середине протяжённости реки мы устраивали общий лагерь, туда двумя-тремя рейсами забрасывали груз, расходились с Олегом в разные стороны по реке маленькими отрядами (по одному рабочему на брата), изучали разрез по реке и всем её притокам-распадкам, задавали каналы рабочим (они с техниками находились в основном лагере). После отработки реки перебрасывались на следующую, и там работали так же. При перебросках я уходил с первым рейсом, Олег с последним. Расстояния забросок и перебросок составляли 40-50 км. Пока работали, кто-нибудь из техников и рабочих по мере надобности отправлялся на берег (Кроноки), отвозил туда образцы, а оттуда продукты. На реках Татьяна, Ольга, Крутая я уходил вверх, к истокам, Олег вниз к устьям, на р. Тюшевке – наоборот. Заброски, переброски, перемещения отрядов, подвоз продуктов, работа на обнажениях – мы все были в постоянном движении.

Движение часто осложнялось водными преградами и зарослями ольхаха, через которые приходилось рубиться, чтобы провести лошадей. Особенно для меня, поскольку я всегда шёл первым. Из-за «непропусков» при перебросках или необходимости описывать обнажения при работе приходилось часто переходить с берега на берег реки, редко когда удавалось это сделать сухим, отжимались и шли дальше в резиновых сапогах и мокрых портянках. А температура воды в камчатских

реках не выше 10° С. Тогда мы зарабатывали свои радикулиты и артриты.

Вообще с точки зрения безопасности наша работа была недопустима. Радиостанции не было, связь с берегом или Богачёвкой только пешая, путь в одну сторону занимал целый день. Печь (железная) была только в основном лагере. В отрядах на выброс, а там мы с Олегом проводили большую часть времени, обходились костром, а чтобы раздеться и залезть в мешок – углями из него в миске. Уже в августе начались заморозки, особенно в верховьях рек, ближе к хребтам. Утром вылезать из мешка на иной ещё труднее, чем вечером залазить. Палатки текли, дожди были частые. А иногда приходилось ночь крутиться возле костра под берёзкой. Мешки в палатках стелили прямо на почву или подкладывали лапник кедрача. Войлок, кошма считалась роскошью, но мы не особенно настойчиво их «выбивали», зная, что всё придется таскать на себе. Короче, условия были экстремальные.

Партия наша резко выросла в составе. По-прежнему в ней были наши верные со мной Вася, с Олегом – Гриша. Но в состав работ включили также каналы – для вскрытия из-под наносов неясных или предполагаемых геологических контактов и границ. Для проходки каналов приняли в Богачёвке четырех проходчиков и привезли с собой техника Юру Кострыкина. В середине сезона подъехал также молодой специалист из МГУ Дима Агапитов. Больше народу – больше еды, больше забот. Набор продуктов, которые можно было купить, был весьма скуден – борщовые заправки, крупы да тушёнка. Свежих овощей вообще не было – закупали сушеные картошку, лук, морковь. Поэтому, а также для экономии (как денег, так и сил на хождение на берег) старались разнообразить стол подножным кормом: рыбой, мясом, грибами, черемшой.

Так сложилось, что мясом всех обеспечивали мы с Васей. Наверное, потому, что Вася был таёжником, а я от него многому научился и стремился утолить свой азарт. Олег тоже имел карабин, но я не помню случая, когда бы он охотился. Наверное, он в принципе не был способен убивать (хотя мослы обгладывал с удовольствием). Обычно, первым прибывая на новое место, я

сразу уходил на охоту, и пока остальные подтягивались и обустроивались, приносил первую порцию свежатины. За остатками отправлял кого-нибудь с лошадьми. Бывали случаи, когда за время моего прихода с места разделки туши, чаёвки, пути обратно (часа 2-4) на месте уже ничего не обнаруживали или заставляли другого медведя, пожиравшего мясо, даже если его подвешивал к берёзе. Так что медведи – каннибалы.

В процессе работы, когда мясо кончалось, отправлял на охоту Васю. Но иногда и сам не выдерживал и на день прерывал работу.

Зверья было много, не то, что в предыдущем году. Если задаться целью, то за день поисков обязательно кого-нибудь встретишь. Чаще всего это были медведи. Бывали случаи, когда, вылезая утром из палатки, видели двух, трёх, четырёх медведей, пасущихся на тундрочке. Реже, и только у нас с Васей, в верховьях рек встречались олени.

За сезон я один добыл двух оленей и несколько медведей, так что это дело стало почти привычным. Но каждый случай охоты добавлял адреналина, впечатлений, физических нагрузок. Три из них особенно запомнились.

Первый – в самом начале сезона. Мы пришли первым рейсом на середину р. Татьяна, пройдя без тропы и по зарослям километров 40. На следующий день пошли с Васей на охоту. Взобрались на не очень крутое и высокое окончание Железнодорожного хребта, и пошли по нему вверх. Намотали ещё километров 20. Наверху был туман, снег «садился» и тундра почти освободилась от него, поэтому ни живности, ни следов её обнаружить не удалось. Решили спуститься со Стола в верховьях Татьяны и вернуться в лагерь по ней. Здесь хребет набрал уже свою высоту и спуск с него был крутым. Мы спускались по распадку, забитому снежником. Упёрлись в обрыв, ниже которого снежник продолжался. Падающим с обрыва ручьём в снежнике промыло большую дыру, со дна её слышался гул воды. Чтобы попасть на снежник, надо было прыгнуть с обрыва и перелететь через промоину. Первым прыгнул Вася. Я бросил ему его ружьё, рюкзаки и последним свой карабин. Раздался выстрел. Пуля просвистела рядом с моей головой, я увидел побелевшее лицо Васи, и сам почувствовал

холодок в плечах. Оказывается, на снежнике лежал камешек, затвор карабина попал прямо на него, сбился с предохранителя и сработал. Опять Случай, что я остался жив. Никого мы не добыли. Но эта охота, кроме происшествия на снежнике, выбила меня из колеи: от двухдневных нагрузок страшно разболелось колено, которое я ушиб в прошлогоднем падении с кроноцких обрывов. Я совершенно не мог ходить, даже спуститься к реке, чтобы половить рыбу. Накладывал на колено набранную в мешочек горячую золу и страшно переживал, что не успею выполнить работу.

Второй случай произошёл в середине сезона и запомнился тем, что после обнаружения пасущегося медведя (очень большого), перехода реки, обхода на подветренную сторону, подкрадывания, подползания, замирания и, наконец, выстрела медведь рванул прямо на меня. Я вскочил на ноги, едва успел передернуть затвор и выстрелить второй раз. За это время он преодолел разделявшие нас 30-40 метров и рухнул прямо к моим ногам, уткнувшись носом в мой сапог. Ему не хватило, а меня спасла доля секунды. Я не знаю, почему он побежал на меня – с испуга по случайному направлению (я лежал за кочкой) или на выстрел, на врага. Хладнокровие спасло меня.

Третий случай интересен необычностью трофея. Я убил медведя, шкура которого была не бурой и не чёрной, характерной для камчатского медведя, а золотисто-соломенной. Много лет спустя я прочитал научную статью, в которой говорилось, что очень редко на севере Камчатки, в Корякии, встречались медведи-альбиносы, с которыми чукчи, коряки связывали свои легенды, и которые происходили, вероятно, от смешения белого полярного медведя с бурым. Я сразу вспомнил свой трофей, и до сих пор думаю, не стали ли мы тогда единственными наблюдателями подобного альбиноса в более южных широтах. Это, видимо, ценно для биологов, но писать им мне лень, да и вещественное доказательство – шкура – утеряно (её я отдал тогда Васе, а он, наверное, пропил её в Богачёвке).

Камчатка показывала мне новые грани – красоту и богатство речных долин, где почти в любом месте за 15-30

минут можно наловить удочкой гольчиков на уху, по берегам собирать ягод, а на долинных тундрочках набрать прекрасных грибов и сварить суп на чаёвке. Где в горных истоках можно выловить крупного гольца с помощью геологического молотка. Где в березняке запросто спугнуть глухаря.

Острые ощущения ожидали меня на реке Тюшевке, когда я решил заброситься на свой участок на лодке ЛАЗ-5. Эта река была самой крупной из пройденных нами, но не менее бурной. Мы плыли с Васей и когда услышали и увидели впереди водопад, сделать ничего уже не могли. Нас вынесло на гребень и бросило в бездну с трёхметровой высоты. Под водопадом крутил омут. К счастью, лодка не перевернулась, и мы выгребли к берегу. Уцелел и груз, который я, хотя и не имел опыта сплава, хорошо увязал в лодке.

На Тюшевке впервые познакомился ещё с одной изюминкой Камчатки – термальными источниками. Они выходят на берегу реки и стекают в неё ручьём. Рядом течёт ручей из холодного источника. Внизу огромная яма (озерцо), потоки обоих ручьев – в неё, а, следовательно, температуру воды, можно регулировать запрудками. Отличное удовольствие вообще, а для нас, не видевших бани два месяца, тем более.

В дневниковых записях всей этой экзотике отведено всего несколько слов. Инне, которая не выходила у меня из головы, посвящено тоже всего две-три фразы.

В основном же они наполнены постоянными переживаниями по поводу того, что не успею выполнить работу или сделаю её некачественно. Работа занимала все мысли. Когда в начале сезона у меня разболелось колено, и я не мог ходить, я очень переживал из-за теряемых дней, хотя потерял всего-то дней пять-шесть. В августе сильно простыл, и меня неделю мочалила мощная ангина вместе с отитом – нарывало, дёргалo, стучало ухо, горло, шея, росла температура. Но вместо того, чтобы уйти в Богачёвку и подлечиться, я ходил на свои обнажения, волнуясь, что некачественно их опишу. Я работал в дождь, пока не промокал насквозь. Ночевал под берёзой, чтобы не терять времени на подходы. А в погожие дни работал от зари до зари, по 13-14 часов. В палатке ломал голову над увиденным за день. Работа тогда была, действительно, главным смыслом

моего существования.

В середине октября мы закончили полевой сезон, проведя непосредственно на площади 3,5 месяца, а с учётом пребывания в Богачёвке до и после сезона почти пять месяцев. Выходили в Кроноки уже по снегу. Особенно трудно пришлось на Тюшевской тундре – тропы там нет, кочка высокая, с кочки на кочку не прыгнешь, а идти между ними – пеший слалом по рыхлому снегу. Эта дорога в 40-45 км вымотала наши натренированные тела.

Выйдя на берег, на другой день я отправил лошадей обратно за Олегом, а сам занялся делами: достал два 40-литровых бидона, Вася из остатков сахара и дрожжей заквасил в них брагу, посадил сторожить их Гену. Сам с Васей и двумя канавщиками на попутной машине уехал в Богачёвку передать рабочих, выяснить, когда ожидается самолёт, и занять на него очередь, попросить машину для транспортировки партии на аэродром, переговорить по другим хозяйственным делам и, конечно, выяснить ситуацию насчёт спиртного (в Кроноках выпивки не было, а насчёт Богачёвки – слухи были неясные).

Богачёвка не смогла встретить героев – опять сухой закон. Но мы с Васей возвращались в Кроноки в предчувствии праздника. Как же хорошо мы придумали: браге надо 3-4 дня для созревания, за это время мы уже провернули дела, столько же нужно, чтобы выйти с поля остальным, вот сейчас мы все сходимся в одной точке, и она станет точкой единения, отдохновения и раскрепощения наших душ и тел.

Всё и, правда, получилось как в кино: мы подъехали почти в то же время, как Олег с компанией вышел на берег.

Почему-то ни к нам, ни к ним не выбежал помогать Гена, и где-то в подсознании слабо шевельнулась тревога. Васю она охватила гораздо сильнее. Бросив всё, он направился к флягам, черпнул из одной, второй – глаза его загорелись, зубы закрипели, борода затряслась. Таким, наверное, был Степан Разин в минуты гнева. Он быстро пошёл к домам Яковлевича (начальника берега), локаторщиков и вскоре показался оттуда, ведя за воротник весёлого Гену. Из носа Гены уже текла кровь. Вася подвёл его к флягам: «Пробуй!»

– А я что, виноват, что ли, что она не бродит, холодно.

Вася хватает какую-то дубину, и мне стоило большого труда его остановить:

– Вася, это даже не водка, а всего лишь брага, стоит ли из-за этого жизнь ломать!

Все эти дни «сторожения» Гена пробовал из фляг, подносил приходящим и подливал воды. Мне пришлось постоянно следить за Васей и вклиниваться между ним и Геней, чтобы не допустить увечья. Вася как будто подчинился, но глаза его почернели.

Возмездие всё-таки настигло Гену. Случилось это уже на аэродроме, когда мы, приехав туда ночью, разгружали машину. Вася подавал ящики и вьюки, мы носили. Каждый раз, когда у борта кузова появлялись плечи Гены, на них с силой, много превышающей силу тяжести, обрушивался самый тяжёлый ящик с образцами, чаще не дном, а ребром, Гена со стоном приседал, я окрикивал: «Вася!»

Он успокаивал: «Всё-всё, Михалыч, больше не буду».

Гена нёс ящик в дом, возвращался – и всё повторялось.

В азарте работы я не сразу обнаружил, что Гена и Вася из процесса разгрузки выпали. Почувствовав неладное, пошёл в балок. Там на нарах рядышком сидели Гена и Вася. Вася одной рукой держит Гену за плечи, пригибает его, бьёт второй по лицу и дружелюбно спрашивает: «Ну что, Гена, за дело я тебя ударил?»

- За дело, Вася!

Прижимаются друг к другу, как братья – и всё повторяется. Видно, сидели долго, потому что всё лицо и одежда Гены были в крови, а в кулаке Васи уже не чувствовалось злости – просто отправление правосудия.

Для меня самым удивительным было то, что Гена терпел всё покорно и не думал сопротивляться. А был он почти в два раза крупнее Васи, с фигурой Шварценеггера. Я любовался, когда он выворачивал из канав валуны, а кирка выглядела в его руках игрушкой. Хотя Вася был крепок и жилист, но при желании Гена мог поднять его одной рукой. Любит всё-таки наш народ справедливость.

В Петропавловске я с жадностью включился в поток послесезонных встреч, как профессиональных (знакомства с новыми материалами), так и пьяных. И жизнь потекла, как будто по привычному руслу, но всё же с новыми нюансами.

Мой круг общения ещё более расширился. Я обнаружил, что уже перестал быть молодым специалистом, как по формальному сроку и собственной самооценке, так и по отношению окружающих. Каждый год приезжало всё больше молодых специалистов, и для них мы были уже такими же зубрами, как для нас В.В. Крылов, Ю.В. Жегалов, А.Ф. Марченко и т. д., т. е. те, кто приехал раньше нас, до 1958 года. Наглядно, хотя и своеобразно, показал это наш новичок Дима Агапитов. Буквально через месяц после возвращения с поля он засобирался на Чукотку, в Анадырь. На мой вопрос: «Зачем?», – ответил: «А мне тут с такими зубрами, как вы с Олегом, не пробиться». И уехал. *(Всё-таки не только у Олега, но у всех москвичей, а часто и не москвичей, было какое-то болезненное честолюбие и непомерные карьерные запросы. Все они через три года собирались уезжать, все хотели быстро собрать материал и стать кандидатами. А если не уезжать, то прорваться на хорошие должности. Многим это удалось. В том числе и Диме. Я встретился с ним в 80-х годах на совещании на Сахалине. Он стал главным геологом Анадырской нефтеразведочной экспедиции).*

Среди новичков выделялась чета друзей и однокашников Димы Миша Хотин и Оля Баженова. Они часто собирали у себя компании, причём старались (в основном, Ольга) подобрать что-то вроде камчатской богемы: журналистов, заезжих кинорежиссеров, вулканологов. Я попадал туда, очевидно, как представитель «матёрых геологов». Мне довольно долго эти сходки нравились, там блистали свободомыслием, пели песни Окуджавы, журналисты выпытывали у меня романтические подробности сезонов (все собирались писать книгу, один из них, Юсин, бывший чемпион Москвы по конькобежному спорту, её так написал, но, слава богу, на свои, спортивные, темы).

Для холостых ИТР рядом с конторой была установлена 20-ти местная палатка (в народе называлась «крейсер»), в которой я имел свою кровать. Там я тоже чувствовал уважительное

отношение к себе, как со стороны не менее опытных, чем я, так и молодых, в дальнейшем ставших известными камчатскими геологами – Шеймовича, Дмитриева, например.

Благодаря дружбе с Валею расширились мои контакты и среди ветеранов. Стала постоянной компания преферансистов – М.А. Березин, Г.Е. Горлицкий (начальник планового отдела РайГРУ), Валя и я. Довольно близко познакомился также с друзьями Вали: Воцинским (сменившим Жору на посту начальника Богачёвки), Белым (старшим топографом) и др.

Но самым важным событием этого периода стала моя женитьба. Прошло почти пять лет с тех пор, как мы с Инной признались в любви и почти три года, как расстались. И хотя мы постоянно переписывались, моя мечта о ней стала примерно такой же, как моя мечта о Камчатке ко времени окончания института: вроде и не исчезла, но и не так ясно осуществима. Конечно, у меня не возникало вариантов типа Сибири в случае с Камчаткой. Но как осуществить эту мечту, представлял всё меньше: уехать летом в отпуск было нереально как со стороны начальства, так и самому, потому что тогда неизвестно, чем заниматься, не имея собственных материалов, зимой. Привезти Инну некуда, квартиры нет, и не предвидится. Не настолько ещё крепко стою на ногах, чтобы обеспечить семью.

В то же время продолжать холостяцкую жизнь грозит спиванием. Все приехавшие и приезжавшие, как и я, холостяками быстро женились, а не успевшие вели неустроенную жизнь. Молодых специалистов приезжало меньше, и их расхватывали быстрее всех. Другие женились на продавщицах, работницах столовых и тому подобных. Но все эти браки наспех, без любви, с «неравенством подставок» были ненадежны. Лина уже разошлась с Бездетным, и на ней собирався жениться Валя. Саша Нетесов женился на технике-топографине и уже переживал семейные скандалы. Разошлись Саша Гладиков и Валя Кулакова. И так далее. Всё подобное было не для меня. У меня была невеста, и никого другого я не представлял на её месте. Хотя об этой невесте никто не знал, ни Боря, ни Валя. В отличие от них я никогда не делился (и в будущей жизни тоже) своими любовными чувствами.

И вот в такой обстановке я получаю от Инны очередное письмо, в котором она пишет, что уже не верит моим отговоркам, и если к лету я не приеду в отпуск, она больше ждать не будет – не монахиня. Я знал, что она слов на ветер не бросает, почувствовал, что я её теряю, осознал, что она для меня значит не меньше, чем работа, и страх сковал меня. Я быстро выхлопотал кратковременный, на 20 дней, отпуск, занял у ребят, сколько мог денег, взял портфельчик и полетел в Ростов.

Я летел в прямом (в кресле самолета) и переносном (с парящей душой) смысле. Не помню, где садились, как пересаживались, ел ли что в дороге. Но картина встречи помнится ярко, как будто это было вчера. На рассвете я зашёл во двор дома, куда столько раз заезжал студентом. Это старый купеческий двухэтажный дом, ставший в советское время коммунальным. Все жильцы дома меня знали, так как уважали Марию Павловну и любили Инну. Дверь подъезда оказалась запертой. Я не стал стучать – рано. Решил побродить часик-другой. Дошёл до угла, повернул в сторону рынка, прошёл метров 50 и услышал разорвавший душу крик: «Лёня!». Он живёт во мне всю жизнь, и сейчас тоже.

Получается, что кто-то из первого этажа меня увидел и узнал, поднялся на второй этаж, вернее всего – разбудил Инну, она оделась, выскочила и настигла меня своим криком, и всё это за время, когда я не успел пройти и 200 метров. Её тоже несла волна.

Прилетел я без ясной цели жениться – просто показаться, поговорить, решить, что будем делать дальше. Но там я уже ничем не управлял, всё взяла в свои руки Инна, а я плыл по её течению, как соломинка. Она всё делала, как само собой разумеющееся: повела в ЗАГС подавать заявление, повезла к себе на работу знакомить с коллективом. Здесь же договорились, где и как играть свадьбу, где брать спирт, позвонила в Днепропетровск и сообщила матери, что у нас свадьба 26 февраля. Она, оказывается, перешла с дневного факультета на вечерний и работала в своём же институте лаборанткой. Я увидел и осознал, насколько трудно им с матерью приходилось жить, и укорял себя, что всё это время не

помогал. Хотя с другой стороны, даже помолвки не было. Тётя Лариса освободила нам свою хату на 17 линии, и там мы несколько дней и ночей не разлучались.

Не знаю, как у меня хватило сил оторваться и улететь. Я пообещал обязательно приехать в отпуск летом. За всю свою жизнь я редко когда не сдерживал слова. Но тогда не сдержал.

Спланировали, как будто, всё хорошо. Решили, что Олег поедет в отпуск весной, с апреля по июль, а я после него – с августа-сентября. Таким образом, организацию и ликвидацию работ проведём поодиночке, но материал соберём, и зимой будем вместе писать отчёт. Однако из отпуска Олег вернулся и попал в поле не к середине июля, а в августе, я смог выбраться в Богачёвку только в середине сентября. С учётом трудностей транспорта из Богачёвки в отпуск мог попасть только с октября, т.е. когда уже поздно купаться, загорать и т.п. Денег на нормальный отпуск не было: едва расплатился с долгами от поездки на свадьбу, оплата за проезд была также использована. Ко всему этому меня усиленно обрабатывали перейти работать в Богачёвку, что я, в конце концов, и сделал. Там была масса срочной работы. Но обо всем по порядку.

Тяжелее, чем сезон 1962 года, у меня не было, да и трудно представить, чтобы он был у кого-нибудь другого. От предыдущего сезона он отличался несколькими вещами. Первое – ещё большей удалённостью площади работ от Богачёвки и Кронок. Теперь мы должны были отработать бассейны рек Малой Чажмы, Ивановой, Дроздовского, и путь оттуда до Кронок занимал от 2 до 4 дней в один конец, а до Богачёвки на день больше. Единственным транспортом у нас были всего три лошади, одна из которых ожеребилась в поле. Лошади были заняты в основном на заброске партии и подвозе продуктов, снаряжения. И больше чем в прошлом году приходилось таскать на себе. Второе – большую часть площади занимали истоки рек и хребты, труднодоступные и значительно более холодные по температуре воздуха. Третье – нам в партию в качестве техников засунули двух женщин – Олю Баженову и Лиду Данилеско. А женщины в поле – обуза, тем более такие неопытные, которых и работать надо учить, и груз за них

носить.

Первые стрессы начались с заброски на площадь. Проектом предусматривалась заброска из Кронок, два рейса до центра площади заняли бы 12 дней. Изучив еще раз планшеты, я решил рискнуть и попробовать заброситься в бассейн р. Ивановой из Богачёвки по Железнодорожному хребту. При этом варианте время сокращалось до 5 дней, но проблематична была возможность подняться с лошадьми на плато и спуститься с него в долину р. Ивановой.

Подниматься решил по р. Вороновке. Долину её проходили местами с рубкой ольхаха, дошли уже до снежника, с которого река начиналась, и двигались по нему серпантинном. Я шел первым, ведя Казбека – лучшего богачёвского коня. Припекало солнце, снег подтаивал, и на нём трудно было держаться. До конца подъёма оставалось метров 200 (не по высоте, а по расстоянию), когда Казбек поскользнулся и полетел вниз, метров на 50. Встать он не смог – сломал ногу, и мне пришлось его пристрелить. Его вьюки и вьюки трёх других лошадей заташили на руках. В тот же день успели вернуться в Богачёвку за вторым рейсом.

Этот случай здорово расстроил меня. Не так просто нажать на курок, когда на тебя смотрят молящие глаза любимого животного. Осложнялась дальнейшая жизнь – вместо четырёх осталось три лошади, одна из них жеребая. Один Казбек стоил двух. Предстояли материальные потери: надо было рассчитывать с Богачёвкой за Казбека, скорее всего – из собственного кармана. Единственное, что меня утешало, это то, что не намотал поводок на руку, а то бы улетел вместе с Казбеком.

На следующий день заташил на Стол второй рейс и всех работников, а сам спустился в Богачёвку, чтобы попытаться решить с Вошинским случай с Казбеком. Балансовая стоимость его была высока – не одна моя зарплата. Александр Лазаревич боялся взять на себя списание. Ни до чего не договорились, он посоветовал подождать конца сезона, а я смирился, что придётся платить (и в этом случае денег на отпуск оставалось еще меньше). Вошинский сказал:

– Ты бы хоть мясо привез, отдали бы в столовую.

– Да у меня времени не оставалось, чтобы успеть вернуться! Да я о таком варианте и не подумал – кто же ест своих любимых! Я вам медведя пришлю.

Пошел утешаться к Боре и Лёшке Быкову. С расстройства и по случаю прощания выпили и к вечеру я пошел взбираться на Стол «в лоб» (там, где уже сегодня спускался с него). Чтобы не обходить через мост лишние километры, я решил перебраться на противоположный берег по железному тросу, натянутому между берегами. Провожали Боря и Леша. Леша сказал:

– Давай, я хотя бы подстрахую тебя канатом.

– Ну, ещё чего – тащить за собой ещё и веревку.

Опьянение было той стадии, когда чувствуешь себя Ильей Муромцем. Повис на тросе и стал перебирать руками-ногами. К середине реки силы мои были на исходе. Внизу бушевал поток, и, карабин, висевший на мне, уже касался его. Нож выпал из ножен и улетел в поток. На берегу что-то орало Лёшка и Боря, но из-за гула воды слов не разобрать. Вторую половину я держался только из страха погибнуть. Хмель улетучился, рук уже не чувствовал. Если бы на мне была веревка, точно разжал бы их, пусть ребята вытаскивают. А так держался и полз. Когда до берега оставалось метра два, руки разжал и упал в реку, пытаюсь показать тем, на берегу, что так и задумано. Прощально махнул рукой и за первым же кустом ольхача, скрывшем меня от их глаз, рухнул на землю. Лежал обессиленный 20-30 минут, а кровь в жилы не возвращалась. Наконец, начал подъём. Обычно на него я тратил часа полтора. На этот же раз вылез на Стол уже впотьмах, а остатки костра ребят нашёл в полной темноте, в полночь.

Поутру двинулись на Ивановую, подошли к обрывам, я час побегал в поисках спуска, спустились, и вдоль реки с переходами с берега на берег и рубкой ольхача прошли километров десять. Весь путь составил 60 км, шли весь световой день, почти без перекуров, благо по плато идти было как по асфальту, легко.

На следующий день с утра оставил всех обустроить лагерь, а сам пошёл на охоту. Решил подняться на Стол, там при

спуске в Ивановую видели следы баранов. В цирке распадка, по которому поднимался, увидел стадо баранов, стал обходить, но когда вылез из ольхача к цирку, их уже не было – видимо, всё-таки спугнул. Вылез на хребет и увидел, что по его гребню в мою сторону идут два барана. Успел занять позицию на тропе под утёсом и лихорадочно соображал, из чего стрелять, карабина или «мелкашки». Карабин мой был уже расстрелян, пули летели плашмя и куда попало. Решил стрелять из «мелкашки», в лоб, как только голова покажется над утёсом. Так и сделал. Но после выстрела голова исчезла, туша с утёса не покати́лась. Пока я взобрался на утёс, увидел уже только одного барана, удаляющегося от меня по той же тропе. Я устремился за ним, выгнал его на Стол и гнал по нему километров десять, вплоть до вчерашнего спуска в Ивановую. Я в его лоб попал, но он оказался крепче пульки. Баран шёл, ложился, позволял мне приблизиться метров на 100-150, поднимался и шёл дальше. Он явно был ранен, я надеялся его догнать. Но в районе вчерашнего спуска он спрыгнул в обрывы и я, как ни пытался, обнаружить его не смог.

После вчерашнего перехода и сегодняшних нагрузок я уже сам выбивался из сил и был крайне расстроен. И тут увидел, что по Столу к спуску идет медведь. Успел спрятаться за валуном. Теперь решил стрелять из карабина, и хотя до цели было всего метров 40, попал я не в ту точку, что целился. Медведь побежал вверх по снежнику к вершине ледника, оставляя на снегу обильные красные пятна. Я погнался за ним, изредка стреляя. Наконец, он лег. Я обошёл его так, чтобы оказаться выше по склону, подошёл метров на 10, и началась дуэль. Он смотрел на меня пронизывающим ненавидящим взглядом, мороз пробегал по коже. Но я понял, что все силы, всю ненависть он вкладывает в этот взгляд, а на бросок уже их нет. Решил экономить патроны и добить из мелкашки. Стреляю в ухо, он отмахивается лапой как от мухи, и так несколько раз, пока всё же не сделал контрольный выстрел из карабина. Какая все же силища в этом звере.

Пока его разделал, закопал в снежнике мясо, начало темнеть, Взял с собой килограмм 30 и обессиленный, заплетаясь в ольхаче, по которому и днём трудно пролезть, добрался к

лагерю в полночь. Народ сидел возле костра, пулял в небо ракеты, и уже был близок к панике, что потерял своего начальника.

Вот так – резко, с большими нагрузками я начал сезон. От них опять заболело ушибленное колено, но быстро прошло. Реку Ивановую я отработал и пошёл с лошадьми в Богачёвку встретить Олега. Ожидал его долго, и вернулись только к 10 августа. Прикидки показывали, что, как ни крути, Олегу одному не успеть сделать оставшуюся работу, на девок рассчитывать не приходится, поэтому мне вместо отпуска надо возвращаться в поле. Решили, что я отработаю верхние части рек одним пешим маршрутом, переходя из одной в другую через хребтовые перевалы. Длина маршрута получилась 130 км, рассчитывал отработать его за 20 дней и ещё успеть в отпуск. При заходе туда с лошадьми потребовалось бы 300 км пути и в два раза больше времени из-за длинных обходов разделяющих долины хребтов. Такие продолжительные пешие маршруты недопустимы никакими инструкциями и требованиями безопасности, и за всю жизнь я не слышал и не читал ни о чём подобном. Но пойти на это позволила безрассудная молодость и желание уехать в отпуск и увидеться с Инной.

Набили с Васей по 30 кг на брата, взяли Николая с лошадью, поднялись с её помощью до середины подъема из Ивановой, отправили её обратно, а сами заночевали. В свете вечернего костра увидели, как в двух-трех метрах от нас шмыгают лисята, их было четыре-пять, мать-лиса хватает то одного, то другого и относит куда-то, а они вылазят снова. Мы поставили свою палатку возле куста ольхача, под которым, видимо, была лисья нора. Дети из любопытства глазели на костёр, на нас, а матери приходилось быть отважной. А может, и она не боялась. Душа в очередной раз восхитилась первозданностью природы.

В первую же ночь мы почувствовали, что нам предстоит: мы поспали часа два-три, остальное время ночи крутились и дрожали от холода. Дело в том, что для уменьшения веса мы не взяли спальных мешков, а только по два чехла и вкладышу от них. Для тепла оказалось мало, постепенно мы более или менее привыкли, но всё же дискомфорт от холода сопровождал нас

весь маршрут.

Вторым постоянным осложняющим обстоятельством был груз. У нас было около 30 кг продуктов и столько же прочих вещей: палатка, чехлы, лопата, кирка, молоток, карабин, посуда, и т.д. Съедаемые продукты мы восполняли мясом от охоты, а потом – образцами, которые я отбирал во время работы. Так что наши рюкзаки скорее тяжелели, чем облегчались.

Но главным осложнением маршрута, просто катастрофой, из-за чего он и стал эпопеей, было то, что я заблудился. Это произошло и из-за моего малого опыта ориентироваться в хребтах, и из-за того, что выходил в намеченный район вблизи границы планшета, а соседних планшетов с собой не взял. Основную же роль сыграл характер рельефа: здесь на пятачке в два квадратных километра берут начало все реки Кроноцкого полуострова и текут к его берегам, расходясь радиально, на север, восток и юг. Достаточно ошибиться на 300-500 метров, чтобы начать спуск не в ту долину, а спустившись туда, уйти совсем в другую сторону от нужной.

Когда после первой ночёвки мы поднялись на хребет и подошли к скалистой горе, я решил, что это еще не г. Пёстрая, которую мы должны обойти, чтобы выйти на перевал, и пошел к следующему пику. Посчитал так из расчёта, что с такими рюкзаками, да по склонам и камням, часто не на двух ногах, а на карачках, быстрее, чем полтора километра в час, мы перемещаться не могли. Мы шли 14 часов и заночевали, как я считал, на склоне г. Пёстрой. В дневнике записал, что прошли 13 км. На самом деле мы прошли в два раза больше и обошли не г. Пеструю, а г. Пальцевую, находящуюся уже за рамкой моего планшета. Мы были ещё сильные, тренированные, я этого не учёл в своих расчётах.

На следующий день пошли на предполагаемый перевал, но встретили такие скалы, что еле-еле на них взобрались, а когда взобрались, я понял, что мы идем неправильно. Вот тут бы и повернуть назад! Но внизу виднелась прекрасная долина, в ней лазурным пятном сияло озеро, картина манила меня как магнит, а перспектива возвращаться на исходные рубежи по скалам и хребтам вызывала озноб. Я решил, что внизу долина р. Дроздовского. Ручей Ольховый, куда мы собирались

спуститься, является её притоком, и мы дойдём до него по долине гораздо быстрее и легче, чем по хребтам. И я не послушал ни внутреннего голоса, ни известного правила – заблудившись, возвращайся своим путём.

Почти весь следующий день шли вниз по реке. Идти было не намного легче, чем по хребтам: берега заросли ольхачом, река мощная, не перейти, береговые обрывы часто образуют непропуски, обходить которые приходилось верхом, пробираясь по кустам. Река не похожа на ту, что значится у меня на планшете Дроздовской. Дошли до какого-то притока реки. Оставил Васю готовить ночлег, а сам полез на водораздел осмотреться. Никак не смог совместить фактическую местность с планшетом. Я запаниковал.

На следующий день опять поднялся, на самую высокую точку. Тут я понял, что мы попали не в долину Дроздовского, а в следующую за ней к северу долину р. Сторожа, самую северную в Кроноцком районе. Пытался определить, можно ли напрямик перевалить из долины Сторожа в долину Дроздовского, но увидел сплошь заросшие склоны и систему хребтов ничуть не легче тех, что мы прошли. И только теперь, спустя пять дней, а не полтора, как надо было, принял решение возвращаться. (Потом, в лагере, я убедился, что если бы у меня были планшеты, мы прошли бы по долине Сторожа вниз до слияния с р. Дроздовского, по ней поднялись бы до руч. Ольхового, и затратили бы на это один, максимум два дня).

Вернулись к озеру, но подниматься не стали – хребты затянулись туманом, а следующие два-три дня зарядил непрерывный дождь. Как только чуть прояснилось, поднялись в хребты. Теперь уже я вымерял каждый свой шаг, и хотя видимость была ограничена, мы благополучно добрались до места – ручья Ольхового.

Пришли туда на 10 дней позже намеченного, измученные 80 км лазания по хребтам-долинам. От стартовых энергии и энтузиазма не осталось и следа. Почти не осталось следов и от продуктов: 1 кг муки, 0.5 кг сахара, 8 пачек чая, 2 кг соли, 2 свечи. А предстояло еще 20 дней работы. Такова была цена моей ошибки и блужданий. Когда мы при возвращении

проходили г. Пёструю, до лагеря было не больше 30 км, даже если Олег ушёл вниз по реке. У меня мелькала, конечно, здравая мысль вернуться в лагерь. Но было страшно стыдно признаться в своем головоутипании. Опять же, не мог так подвести Олега: на вторую попытку выйти в тот же маршрут уже не оставалось ни сил, ни времени, и это была угроза провалить сезон. Поэтому я сказал Васе:

– Если хочешь, иди в лагерь, дальше я пойду один.

– Ну, что ты, Михалыч, конечно, с тобой. – И мы пошли на Ольховый.

Но во всяком плохом есть что-то хорошее. Хотя заход в долину Сторожа и привёл в конечном итоге к плачевным результатам, но запомнился он не этим, не ноющими мышцами, а яркими впечатлениями от тех красивейших и богатейших мест, в которых мы побывали.

Река Сторож является северной границей Кроноцкого заповедника, и туда не могли заходить ни профессиональные охотники, ни единственный немощный лесник-егерь заповедника. Хребты сложены четвертичными и современными вулканитами, так что неинтересны и для геологов. Браконьеры не имели тогда нынешних технических средств. Поэтому ощущение, что наши ноги ступали там единственными или одними из немногих, наверное, близко к действительности.

Изиуминкой является, конечно, озеро Долгое в истоках Сторожа: синее, покрытое стаями уток, лебедей, нерестовое, окружённое ягодными тундрочками с бродящими на них медведями. Река ниже озера течёт в «щеках» – каньонообразной заросшей долине, но тоже богата: несмотря на плохой обзор при движении по ней вниз, а потом при возвращении мы встретили по 4 медведя за каждый день. Величественные хребты, окружающие озеро и долину, тоже богаты – на них мы видели медведей, оленей, баранов.

Вся живность была не пугана и относилась к нам с той осторожностью, с которой относится к любому собрату-зверю, а не со страхом к грохочущему, стреляющему двуногому бандиту. Можно привести несколько эпизодов для подтверждения этого.

Я ловил гольца в истоке из озера. Голец был крупный,

поднявшийся на нерест, не менее 50 сантиметров длиной. Бросая очередную рыбину под ноги на камни, обнаружил, что там вроде лежала предыдущая, а её нет. Что за «полтергейст»? Оглянулся... Никого не видно, но гольца-то нет, и ощущение чьего-то присутствия не покидает. Беспокойство нарастает: то ли чокаюсь, то ли что.

Наконец, замечаю, что метрах в пяти-шести моя рыбина медленно скользит по земле. Не извиваясь, а так – тушка плывет. «Точно, чокаюсь!» И только потом вижу, что тащит её маленькая зверушка, я ещё и не знал тогда, что это горноста́й, впервые видел. «Ах ты, наглец!». Он отскочил метра на два и смотрит с сожалением.

Там же в другой день пошёл на охоту. Увидел, что с той стороны озеро переходит медведь. Засел за бугорком. Когда до меня оставалось метров 30, он уже не просто принюхивался, а встал на задние лапы. По всему видно – забеспокоился, сейчас повернёт. Я выстрелил. Пришлось заходить в воду, разделять его там, вытаскивать частями на берег. Стаскал в ложбинку. Сел, закурил, отрезал кусок шкуры и стал складывать в нее мясо, чтобы не пачкать рюкзак. Спинай чувствую – кто-то есть. Поворачиваю голову и вижу, что надо мной стоит медведь. Плавно, медленно тяну руку к лежащему рядом карабину, беру его, осторожно клацаю затвором. Он с достоинством отворачивается и медленно идёт прочь. Я выскакиваю на бортик ложбины, но он не убыстряет ход, а также медленно, оглядываясь, уходит к хребтам. Получается, что он пришёл на запах мяса и наблюдал, что это за чучело и что оно делает с его сородичем. Не боясь при этом ни запаха человека, ни дыма папиросы. Нас разделяли не больше двух метров, ему достаточно было махнуть лапой. Если бы боялся – убежал, если бы хотел есть – махнул. Но, наверное, он впервые видел такого зверя и не знал, как поступить.

При возвращении к г. Пестрой за один день у нас были три разных встречи. Взобравшись на борт долины, мы почти сразу увидели небольшое (5-6) стадо баранов. Они посмотрели на нас как на новые ворота, чуть-чуть отделились, но не побежали. А уж осторожнее барана зверя нет.

Дальше мы шли вдоль склона горы чуть ниже покрывавшего его снежника. Видим, по снежнику параллельно с нами и с нашей скоростью идёт лиса, внимательно на нас смотрит. Мы остановимся – и она тоже, мы трогаемся – и она. Но потом все-таки убежала.

Едва распрощались с Патрикеевной, как увидели, что к нам приближается Косолапый. Не степенно, как обычно, а несётся на всех четырёх. Когда оставалось уже метров тридцать и наблюдать его дальнейшие действия стало опасно, Вася выстрелил в его сторону. Он, ни на секунду не замешкавшись, повернул на 90° и продолжал путь с той же скоростью. Сказать, в чём заключалось его любопытство – съесть нас или просто посмотреть да пощупать – не могу, но что любопытство было, это точно. Животный мир наблюдал нас, двуногих.

Я потом всю жизнь мечтал попасть в те края ещё раз, уже специально для отдыха. Поставить у озера палаточку, подышать горным воздухом, пострелять уток, поймать икры на бутерброд, подняться на борт долины за бараном (это, примерно, как в Богачёвке – на Стол), высмотреть и добыть хорошую осеннюю медвежью шкуру – и всё это практически на пятачке, как у себя на ранчо. Что может быть прекраснее такого отдыха?

Я подбивал в компаньоны Задирея, он тоже загорелся. Но не довелось. Попасть туда специально оказалось гораздо сложнее, чем заблудившись.

Итак, мы приступили непосредственно к намеченному маршруту значительно похудевшими, физически уставшими, не имея продуктов. Я старался наверстать время: работал от зари до зари, и под дождиком – если небольшой, описывал обнажения быстро, далеко не так тщательно как раньше. Сэкономил на этом несколько дней.

Но сил становилось все меньше, и скорость перемещения падала. Несколько дней отняли сильные дожди. Кстати, эти дни не только не восстанавливали силы, но были наиболее неприятными: палатка начинала течь, мы промокали, мёрзли, костёр не разведешь, ни посушиться, ни сварить, нервничаешь, что время уходит – мука, а не отдых.

После одного такого непрерывного двухсуточного дождя у меня случился нервный срыв. Дождь прекратился в середине дня, и я сразу ушёл на обнажения. Вернувшись вечером, Васи в палатке не обнаружил. Исчез карабин, значит, пошёл на охоту. Но наступили сумерки, и тёмная ночь, а его не было. Я расстрелял все ракеты, проворочался до рассвета и пошел искать. Вода в ручье Длинном, на котором мы стояли, поднялась метра на полтора – это был бурный поток коричневой воды. Следы Васи просматривались вдоль всего ручья до его впадения в большую реку, там поток воды был ещё страшнее. Я обошел все тундрочки и решил, что Вася мог или оступиться в поток (в сумерках), или при выстреле забыть вытащить пыж из ствола, и он разорвался. Так или иначе, погиб – потому что было уже часа два дня, и к этому времени он должен был вернуться откуда угодно. Опустошённый этой мыслью, кляня свою неудавшуюся судьбу (за Васю или понизят или посадят) побрёл к палатке. Слышу сзади свист, – бежит, догоняет Вася.

– Ах, ты, мудака!

Моя рука сама поднимается, как, наверное, его поднималась на Гену за брагу, но всё же не опускается ему на рожу: он смотрит виновато, протягивает шапочку:

– Вот, я тебе ягодки насобирал. Зашёл далеко, не успевал вернуться, под березкой заночевал. А сегодня опять искал живность, думал, ты работаешь.

Стресс мой не прошёл, день был потерян.

И всё же главным, что не давало возможности восстанавливать силы, был голод. И при блужданиях на Сторож основными в нашем рационе были мясо и рыба. Но там мы пекли лепешки на лопате (сковороды не было), жарили мясо, котлеты и рыбу, запивали чаем. Теперь приходилось только варить мясо – мука, приправы закончились. Вскоре закончилась соль. Мясо не всегда было свежим: для хранения мы его бросали в реку, оно там вымачивалось. И вот каждый день, утром, в обед и вечером, заталкиваешь в рот пресное, вываренное и с душиком мясо. Опротивело, смотреть на него не хочешь. А потом оказалось, что хочешь, да не на что: мы уже не могли много ходить в поисках добычи, а сам зверь на нас не выходил. От

дождей вода в реках помутнела и даже гольчика не поймать.

Последние дни были наиболее тяжёлыми. Я отправил Васю к Олегу: предупредить, что мы живы и принести продуктов. За три дня, что он ходил, я значительно продвинулся в сторону базы, так что обратный путь у него сократился. Когда он вернулся, было больше разочарования, чем радости: он принес всего 1,5 кг макарон, две лепёшки, банку борща – на один раз поесть. В лагере тоже всё кончилось, – ждали нас до предела и не посылали рейс в Кроноки. На этом, т.е. ни на чём, проработали еще два дня и на третий пошли в лагерь. Накануне вечером поймали гольчиков и убили двух куропаток. Можно только представить, как тщательно я целился в каждую из них.

За день мы успели выйти на перевал из ручья Тундрового в ручей Бориса и спуститься с него. И здесь нам, наконец, повезло. Пока Вася ставил палатку, готовил костёр, я пошёл половить рыбы. Перешёл на другую сторону реки (ручей Бориса – речка типа Половинки в Елизово). И сразу наткнулся на свежие лепёхи оленя, такие свежие, что, казалось, от них ещё поднимается пар. Карабин был со мной. Ноздри мои задвигались, в жилы потекла кровь и силы. Прокрался метров 500 вдоль берега. Но никого нет, а уже темнеет. «Если олень идёт ходом, то за ним надо не красться, а бежать». Я усмехнулся от этой мысли. И сразу азарт пропал, силы вернулись к исходным, то есть никаким. Увидел впереди на речной косе кучу плавника, решил набрать его для костра и возвращаться к Васе. Вдруг вижу, что куча вроде как шевельнулась. «Померещилось» – думаю. Но пригнулся. Опять шевельнулась. Тогда я на полусогнутых, не дыша, подкрался к самой воде и вижу: на косе лежат два огромных оленя, голова к голове, их рога образуют ту самую кучу, метра три-четыре в диаметре. От первого выстрела они вскочили, не понимая, откуда опасность. Пока они соображали, я уложил их обоих, затратил 6 патронов! На выстрелы прибежал Вася. Сказал, что таких больших в жизни не видел (я тем более). Успели взять печень и языки, как окончательно стемнело. Пришли к костру, сварили и ... не знаю, как точно передать кайф, в дневнике написано «погужевались».

Утром разделали туши, стаскали мясо в снежник,

складировали весь свой груз в палатке, взяли в рюкзаки килограмм по 7 мяса и пошли. Долина ручья Бориса оказалась довольно чистой, под террасой почти везде была медвежья тропа. По такой местности те 13 км, отделявшие нас от лагеря, мы проходили за два часа с небольшим. Сейчас потратили 6 часов – мы присаживались через каждые 600-700 метров. Я вспомнил, какими сильными мы начинали маршрут, и какими вернулись. Ольга, увидев меня, сказала: «Как из Освенцима».

Ушли 9 августа, вернулись 5 сентября, в общей сложности прошли 300 км (с учётом работы на обнажениях), преодолели десять перевалов. Никогда ни о чём подобном не слышал.

Отправили всех лошадей за мясом и нашим грузом. Два дня мы с Васей отлеживались и отъедались. При этом все варили наших старых быков (без нас они практически не видели свежего мяса), а нам с Васей казалось, что ничего вкуснее макарон в мире нет.

Животы наши вздулись, и мы залезли в шеломайник выбивать из наших анальных отверстий пробки. Вся та пища, что попадала в нас в маршруте, очевидно, переваривалась настолько, что на говно ничего не оставалось: я, например, не какал восемь дней. Но час настал. Мы ревели как медведи, в прямом смысле слова.

За два дня я передал Олегу партию (составили акты) и свои полевые книжки. И ушёл с караваном в Кроноки. Шли полных три дня, и в ночь на 11 сентября я добрался в Богачевку.

Так закончился мой самый романтический период на Камчатке. Период приключений и возмужания, период зарождения любви к профессии и служения ей, период превращения молодого специалиста в «исследователя Кроноцкого района».

Какую ценность имеет сейчас та наша работа? Никто до сих пор не видел большее количество разрезов этого района, чем мы с Олегом. Никто более тщательно их не описывал. Так что наша первичная документация непреходяща. Но стратиграфия не только этого района, а всей Восточной Камчатки до сих пор не разработана, нет единой легенды для листов геологической съёмки 1:200 000 масштаба.

В Кроноцком районе такая съёмка началась в 1960 году и

проведена всего на двух листах восточной части полуострова, а мы двигались с запада на восток. В своих построениях мы старались использовать названия стратиграфических единиц по предшественникам, а свои давали только вновь выявляемым. Съёмщики это положение игнорировали и давали собственные названия, причём каждый исполнитель съёмки (Б.В. Ковалёв, А. Садреев) своё. Это привело к большим противоречиям как между авторами съёмки, так и их с нами. Но, в конечном итоге, наша и съёмщиков схемы были сбиты и большинство наших идей прошло: о наличии верхнемеловых пород, о гипербазитах, о выделении двух песчаных и разделяющей их глинистой толщ в «древнем» разрезе, о строении более молодой флишевой части разреза. Эта общая схема не очень изменилась до сих пор.

Тех материалов хватило родиться двум учёным – О.И. Супруненко и О.К. Баженовой.

Годы работы в Кроноцком заповеднике стали также якорем, удержавшим меня на Камчатке. Такого разнообразия и красоты природы на сравнительно ограниченной территории, наверное, нет больше нигде в мире: ландшафты от болотистых тундр до альпийских лугов, плато, водопадов и ледников, буйная и разнообразная растительность и богатейший животный мир. Оторваться от такой красоты было уже невозможно.

БОГАЧЁВКА

Тогда мы были державой. Если ЦК КПСС и Правительство что-то решали, то треск стоял по всей стране великой. Они приняли Постановление об усилении нефтепоисковых работ в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе на Камчатке. В годовых, пятилетних и более долгосрочных планах ставилась задача – открыть первое месторождение к такому-то году, второе – к такому-то, и так далее. Под это дело рисовали виды и объёмы работ, рассчитывали деньги, их давали (меньше, чем просили, но обычно больше, чем могли «освоить»), открытия не происходило, сроки сдвигались, и всё повторялось.

Единственным кандидатом на открытие являлась Богачёвка, так что она являлась центром бума. Планировать было кому, а вот открывать – не очень.

С кадрами в Богачёвке вообще была постоянная напряжённость. В 1959 году, когда я приехал, начальником был Романюк, громогласный хохол, буровик уровня бурмастера, ему не хватало элементарной грамотности. За ним Жора – геолог, знающий бурение, но слишком мягок по характеру (его утащила Катя).

Сейчас был Вошинский – геофизик. Плохо ли хорошо, но организационная сторона работ как-то решалась, а вот с геологической службой был полный завал. Имевшиеся там Ким Павлов, его жена Люся и Юра Драган соответствовали уровню старших техников, принимать оперативные самостоятельные

решения не могли. Поэтому в Богачёвку часто наезжали комиссии, в «геологический блок» которых включались Крылов, Березин, Воробец (каротажник) и выполняли эту работу. Если я в то время находился в Богачёвке в свой пред- или послеполевой период, в комиссии включали и меня. Но выполнять такую работу эпизодически нельзя, требовалось постоянное присутствие геолога соответствующего уровня.

Такого в имеющемся составе геологов РайГРУ было трудно подобрать. Геологи нефтяного уклона Жориного поколения и чуть моложе занимались геологической съёмкой Западной Камчатки (Е.П. Кленов, В.П. Вдовенко, Л.П. Грязнов, П.А. Коваль, Н.Ф. Данилеско и др.). А если геолог долго, а то и всю жизнь занимается только съёмкой, он перестаёт быть нефтяником. К тому же все они были уже солидными семейными людьми, для которых Богачёвка показалась бы ссылкой.

Среди более молодых кандидатами могли быть только мы с Олегом. Однако кому-то надо было заканчивать тему (писать отчёт), а Олег формально был её руководителем. Но и независимо от этого я значительно лучше знал бурение и разбирался в геофизике – такова специфика подготовки в нашем институте, – поэтому моя кандидатура была, наверное, объективно наилучшей.

Ясно поэтому, с какой силой обрабатывали меня на Богачёвку Крылов, Вошинский, не особенно возражал и Олег, – чтобы самому не попасть под жернова. Мне предложили и гораздо больший оклад, и полдома в центре Богачёвки, и Казбека простили (списали). Я сдался.

Хотя, с другой стороны, я не очень и упирался. Меня волновало больше всего то, что не выполнил обещание Инне приехать в отпуск, и что она может отказаться приехать ко мне в такую глушь. Смущали также доводы отца – единственного, кто меня отговаривал, полагая, что если я в Петропавловске вызывал тревогу, то в Богачёвке точно сопьюсь.

Но мне надо было определяться в дальнейшей судьбе. Тема заканчивалась, оставалось только написать отчёт. На съёмку, тем более на Западной Камчатке, идти не хотелось:

наши сезоны были родственны съёмке, но дали больше даже профессионально за счёт огромной территории, которую мы обследовали, сложности её геологического строения и целенаправленной работы (без отвлечения на сопровождающие съёмку поиски и другую «мелочёвку»).

Более романтичного, чем Кроноцкий заповедник, района на Камчатке нет, так что и лучшей экзотики ждать не приходилось. Уезжать, как Олег, в аспирантуру, я не собирался. Моя специальность называлась «поиски и разведка месторождений нефти и газа», и я искренне считал, что должен их искать и находить. На благо народа (тоже искренне). Богачёвка предоставляла такую возможность.

Так, после трёх лет работы, я стал всё-таки «сибирским Макаровым». Но лишь приблизительно. Богачёвка была гораздо масштабнее: здесь работали не два, а четыре буровых станка, и не с поинтервальным, а со сплошным отбором керна, кроме того, были сейсмический отряд, каротажный отряд, лаборатория физсвойств, – и всё это методически подчинялось мне.

Мне не надо было вникать в проблемы Богачёвки – я их знал. Главное заключалось в том, чтобы найти объект для возможного открытия месторождения.

Вблизи источника нефти всё было истыкано скважинами разных категорий и надежды не оставалось. Ниже по долине в районе аэродрома были вскрыты песчаники, по косвенным (гравиметрическим) данным слагающие антиклиналь. Там и стали уточнять, есть ли ловушка в действительности. Эта площадь, Двухлагерная (по названию ручья), и стала при мне основным объектом работ.

Мне почти сразу пришлось лететь в Петропавловск составлять проект на неё. Составлял около двух месяцев и в декабре был направлен в Магадан, защищать его. То была моя первая серьёзная командировка. Она дала, конечно, новый жизненный опыт и впечатления. Летал туда с Валея, он работал в то время старшим геодезистом РайГРУ и решал какие-то вопросы в этой области.

Город Магадан не похож ни на один из тех городов, которые я видел (не только раньше, но и позже в жизни).

Компактный, центр застроен зданиями сталинской архитектуры – с колоннами, барельефами, гранитом, мрамором. Такими были и представительские здания (обкома, исполкома, театров, гостиниц), и обычные (крупных контор типа той, куда я приехал), и даже магазинов и некоторых жилых домов. Для глаза это красиво, но в душе возникает ощущение, то ли величия, то ли угнетения, в зависимости от состояния неба.

Люди тоже иные: как будто и доброжелательные, но не улыбчивые. И даже в кабаке атмосфера другая (казалось бы, пьянка везде пьянка): мужики по большей части бородатые, косматые, мрачные, такие как у Джека Лондона в Клондайке. Невозмутимыми остаются и в танце, несмотря на то, что шлюхи на них висят (или лежат – в зависимости от роста). От вида мужиков и оттого, что шлюх мало, зреет предчувствие, что вот-вот начнётся мордобой. Нет атмосферы всеобщего веселья и братания, как у нас.

Чувствуешь, что находишься не в своем легкомысленном портовом Петропавловске, а в столице сурового Колымского края – края золотоискателей и зеков.

Особенно ощущаешь это в стенах СВТГУ. По коридорам идут вроде нормальные люди, а заходят в кабинет и становятся неприступными столоначальниками, пытающихся своим видом и поведением заставить тебя почувствовать себя букашкой.

Я сдал проект на экспертизу специалистам по бурению, геологии, геофизике и смете. Каждое утро обходил их, они корчили из себя очень важных персон и говорили: «Ещё не готово».

Я удалялся бродить по городу, вечером поджидал Валу, спускались с ним в кабак легонько поужинать (в смысле выпить), поднимались к себе или партнёрам, которых мы находили, в номер и расписывали пульку.

Так тянулось около недели. В конце концов, я не выдержал, пробился к начальнику геологического отдела Суворину (а он ещё более важная особа) и сказал ему:

– В чём дело? У меня самолёт бывает раз в 10 дней, и я не намерен торчать здесь ещё десять.

Немного зашевелились и на следующее утро он сказал:

– Вас хочет видеть Израиль Ефимович.

Израиль Ефимович Драбкин¹¹ – начальник СВТГУ, за подписью и печатью которого в титуле «Утверждаю» я, собственно, и прилетел.

В назначенный час захожу к Суворину, он берёт мой проект, говорит:

– Следуйте за мной.

И мы идём по коридору. Он идёт посередине, не давая мне места рядом, так что я вынужден семенить следом. Суворин – высокий статный мужчина, плывёт как Касьянов. Метров за десять до приёмной плечи его начинают обмякать, опускаться и в приёмную он входит уже сутулясь. Приёмная – дворец: ковры, дубовая мебель, кресла, трюмо. Секретарша:

– Израиль Ефимович ждёт вас.

Суворин сгибается, приоткрывает двойную массивную дверь, голова его уже на уровне дверной ручки:

– Израиль Ефимович, можно?

Я захожу следом и теряюсь: комната с актовъй зал, стены 4-х метровой высоты, посреди стоит обставленный кожаными стульями стол буквой «Г», оббитый зелёным сукном, длиной метров 10. Суворин семенит к поперечине стола, и только тогда я вижу голову над столом, плеч не видно. Поднимается колобок, голова массивная, руки короткие, это и есть ОН.

– Вот, товарищ с Камчатки, Смирнов Леонид Михайлович, привёз проект на нефть, экспертизу прошёл, замечаний нет.

¹¹ *От редакции:* Драбкин Израиль Ефимович (1907-1971 гг.) работал в Дальстрое с 1935 года начальником партии, главным геологом Сеймчанского и Верхнее-Кольского РайГРУ и т. д. В 1948 году был назначен главным инженером ГРУ Дальстроя, заместителем начальника управления, с 1959 по 1971 гг. возглавлял Северо-Восточное геологическое управление.

И.Е. Драбкин награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, знаком Почета, многими медалями; в 1964 году ему была присуждена Ленинская премия. Кандидат геолого-минералогических наук, автор многих научных работ по геологии и металлогении Северо-Востока.

В 1971 году И.Е. Драбкин был вынужден уволиться по выходу на пенсию, а через три дня (16 октября) скоропостижно скончался.

– Ну, показывай, что ты там нарисовал.

Я разворачиваю карту, кратко объясняю. Не дослушав, задаёт какой-то вопрос, я улыбаюсь.

– Чему лыбишься?

– Наивности Вашего вопроса.

Суворин всем видом показывает, что такой дерзости он пережить не сможет. Драбкин улыбается и говорит:

– Вот, больно ты умный, а мы быстрее вас нефть найдем на Анадыре.

– Да бога ради, но мы-то тоже Ваши.

Он улыбается широко, довольно. Подмахивает проект, жмёт мне руку:

– Дерзай!

По пути обратно идём с Сувориным уже рядом, он разговаривает вежливо, уважительно.

Я не мог даже предположить, что такое чиновничество вообще возможно, тем более в нашей свободной советской стране. Это потом я увидел экранизации русских классиков и услышал про порядки «Дальстроя».

Вскоре на одном из техсоветов Павел Тимофеевич сказал:

– Звонил Израиль Ефимович, очень хорошо отзывался о нашем Смирнове.

Я понимал, что мой успех объяснялся всего лишь тем, что в Магадане не было настоящих нефтяников, и тем, что разговаривал там нормальным, а не лизоблюдским языком. Но всё равно было приятно (вот как легко захватывает тщеславие).

После Магадана я задержался в Петропавловске – ко мне летела Инна. Мне не пришлось долго оправдываться, я просто написал ей, как сложились обстоятельства, она поверила, сдала досрочно сессию и вот летела. Готовить встречу помогал Валя. (К этому времени он уже пережил прилёт из Москвы жены Полины, развод с ней, женитьбу на Лине, рождение у них Лерки и получение одной комнаты в двухкомнатной квартире). Он договорился с Казначеевым, уезжавшим в отпуск, о предоставлении мне своей квартиры до отъезда в Богачёвку.

Конечно, я хотел встретить Инну по-королевски. А

получилось так. Самолёт приземлился с задержкой, около полуночи. Такси, естественно, нет, их единицы. На одних приехали из города и держат (королём до такой степени я не мог быть), к другим не пробиться. Хорошо ещё, что сели в автобус, он был последним. Вышли из него на Озерновской косе, перед подъёмом в Сероглазку. С нами вышел и молодой офицер-подводник, который летел с Инной в кресле рядом, и которому надо было в Тарью, а до утра некуда деться. Я вспомнил своих гуляк-подводников, сказал:

– Что-нибудь придумаем.

Был мороз. Хорошо, что я захватил для Инны валенки. Пошли в гору, я с её чемоданом, мореман со своим. В Сероглазке сначала сдал подводника Ольге Баженовой, потом поднялись к Вале. Он сказал:

– Так вот она какая, эта мифическая жена! – и полез за форточку за шампанским. В бокалы потекла густая зеленая жидкость, – замерзло.

Тут же подошёл Новый (1963) год, и я показался Инне во всей красе. Мы с Валею родились в один день и, к сожалению, день этот – 31 декабря. Часов в 10 утра потянулись поздравляющие. Забегает один, по паре рюмок выпиваем, говорит «до вечера», бежит дальше по своим предпраздничным делам. Не успеваем отойти от стола, как входит следующий. И так до вечера.

Новый год встречали в кафе «Геолог». Перед выходом нас вымочили в горячей ванне. Этого хватило зайти в кафе, представить Инну, проводить Старый год, а вот успели ли выпить за Новый, точно не помню. Инна была очень огорчена. Я тоже, сидя утром на толчке, горько каялся, но и мыслишка «пусть знает, какой я есть на самом деле» присутствовала.

И вот я с тревогой наблюдаю, как она переносит дребезжащий «кукурузник», тракторные сани – и мы в Богачевке. Зимой здесь и я впервые. Вид просто сказочный: домики чистые, из труб сизый дымок, деревья опушены снегом, снег на земле, крышах и даже дороге белейший, вокруг белосиние горы.

Заняли свою половину избы – вполне просторную

комнату и сенцы. В комнате железная печь, в сенцах кирпичная, но нерабочая. Провели здесь, наконец, настоящий медовый месяц. Нам хватало друг друга, никого бы больше и не надо. Но я уходил на работу, иногда выезжал на буровую или в сейсмоотряд, и хотел, чтобы Инна не скучала. Мне ничего не пришлось предпринимать, она сама легко перезнакомилась со всеми слоями богачёвского общества, стала его королевой.

Выдержала даже такую экзотику как питьё спирта на Васиной свадьбе, разливаемого в железные кружки из железного кострового чайника.

(Вася мечтал о нормальной человеческой жизни: с семьёй, детьми, родственниками, и время от времени предпринимал героические попытки к этому. Он был детдомовец, где-то в Сибири жила сестра, с которой не виделся с детства, мечтал отыскать её. Не получилось. С Райкой Козловой, с которой играл свадьбу, быстро расстался, – она пьёт, а пить он и сам умеет, зачем ему ещё и жена пьющая. К сестре вылетать пытался несколько раз, вплоть до середины 70-х годов. Добирался с поля к нам в Елизово, сдавал все деньги Инне: «Дочка, не давай, даже если буду очень просить», – через день начинал их выклянчивать. Всего лишь раз дело дошло до покупки авиабилета, но к рейсу не явился).

Бори в Богачёвке не было, он осваивал сейсморазведку на Двухлагерной площади. С нею дела никогда не клеились, и для разработки методики была вызвана из Москвы бригада высококвалифицированных специалистов (Злобин, Каплан, Иванова), Боря у них учился. По воскресениям они приезжали в Богачёвку, Инна их кормила, и мы засиживались за наиболее интеллектуальными беседами.

Инна задержалась до февраля, готова была и вообще остаться, но я чувствовал, что её ум и энергия должны выразиться в какой-либо деятельности, роль просто домохозяйки не для неё, и отправил её доучиваться.

Встретились мы снова летом, когда я приехал в отпуск. Недели две-три из отпуска оторвал для заезда к родителям в Облучье, остальное время, около четырёх месяцев, провёл с ней. И они были счастливыми, особенно один, когда мы дикарями

отдыхали в малолюдном, даже летом, посёлке Гантиади. Не было отелей, ресторанов, нам вполне хватало комнаты, матраса на полу, моря, пляжа, гор. Остальное время провели в путешествиях в Ростов к Марии Павловне (её матери), в Днепропетровск к Нелле (её сестре), в Белую Калитву к Саше (моему старшему брату). Везде было хорошо.

Мы не успели друг другу надоесть, как опять расстались, на целый год. Всё-таки разума и силы воли хватило, чтобы не поддаться сиюминутным желаниям, а решить закончить образование.

Я проработал в Богачёвке два года. Они были не так романтичны, как предыдущие, но вполне продуктивны для жизненного опыта. Именно в это время работы здесь достигли апогея, население выросло до 700-800 человек, так что работы мне хватало, хотя она и не была такой напряжённой, как в маршрутах.

Здесь я получил хорошую практику интерпретации каротажных диаграмм, познакомился с технологией промыслово-геофизических исследований, включая не только электроразведочные, но и радиоактивные методы, и даже торпедирование скважин. Пощупал своими руками весь процесс сейсморазведки, от взрывмашинки до работы сейсмостанции и составления разрезов. Главное внимание занимало, естественно, бурение. Все эти знания и опыт пригодились мне в дальнейшем.

Не помешал мне и чисто житейский опыт «проживания в ограниченном пространстве». Народ Богачёвки принял меня хорошо. Со всеми ИТР и конторскими людьми я был уже довольно хорошо знаком. Они видели, что каждый год я уходил куда-то в лес, хребты, бродил там по три-четыре месяца, в то время как они сидели в тёплых домах. Для них я был таким же героем, как они для жителей Петропавловска.

С буровиками ближе познакомился во время частых поездок на буровые. Бурмастера (Зверев, Попов, Шестаков) встречали меня с настороженностью, ожидая «свиньи» в виде остановки работ по каким-либо причинам. Это действительно случалось – буровикам нужны метры, а геологу качество, но они всё-таки видели, что я не придираюсь по мелочам, даю им

новые точки, позволяю сместиться поближе к воде, не «выпендриваюсь», поэтому и в конфликтах уступали.

С рабочим классом общался меньше, но чувствовал, что хотя и относятся ко мне как к начальнику, но с уважением и равноправием. Мои моряки, которых я привёз в 1959 году, стали матёрыми передовиками, входили в число тех, на кого всегда полагались. Степан Тренин стал лучшим бурмастером, Боря Школин – лучшим трактористом, Коля Брылин – лучшим шофёром. Они слушались меня, даже в вещах, в которых больше соображали. Например, в том, как вести себя во время пурги на дороге. В первой же моей зимней поездке на Конусную (на Тюшевской тундре) нас настигла пурга. Боря тащил балок с вахтой на буровую. Я пытался идти впереди трактора в свете фар (была ночь), нащупывая дорогу, но быстро понял тщетность попытки. Говорю Боре:

– Остановись, будем ночевать.

– Что ты, Михалыч, я чувствую дорогу, давай пробиваться.

– Как ты её можешь чувствовать гусеницами, если я её ногами не чувствую, становись, ночуем.

Послушался.

Вася тоже поднимал мой авторитет, рассказывая о наших прошлых мытарствах и подвигах.

Ближе узнал и «отбросы» общества – бичей. В то время из Магадана приехала большая группа самых отпетых проходимцев, представлявших, в отличие от наших доморощенных простодушных пьяниц, серьёзную угрозу, – освободившихся по амнистии зеков. Они «чифирили», играли в очко на людей, часто дело доходило до поножовщины. Вася и среди них имел авторитет. Я старался вытаскивать его из их компаний. Во время одного из таких вытаскиваний он бросился на меня с топором, но не выдержал моего взгляда. Во время другого – его приятель Ваня Хрущев продемонстрировал мне, как закусывают стаканом: обламывает кусок граненого стакана, перетирает его зубами и глотает, пока не сгрыз полстакана. Я бы и сейчас не поверил, если бы не видел своими глазами.

Но духовного общения было мало. Воцинского на посту

начальника сменил Василий Алексеевич Кашенко – буровик из Магадана. *(Впоследствии он работал начальником производственного отдела Камчатгеологии, уехал на пенсию в конце 80-х гг.)*. Жил он за стеной, в другой половине моего дома. Некоторое время он, я и Боря расписывали пулюку. Выпивали в меру – только для поддержания настроения, и слушали во время игры одного артиста, его. Он постоянно сыпал анекдотами (их было записано у него две толстые тетради), наизусть читал «Луку Мудищева» и что-нибудь такое же хулиганское в стихах. Мы лишь изредка успевали вставить слово. Но такие вечера быстро закончились – Боря почти все время находился в сейсмоотряде, а затем вместе с ним вообще уехал на Западную Камчатку. Заменить его никто не мог, ни по уровню интеллекта, ни по уровню игры. Поскольку тесной компании не создавалось, мой образ жизни оказался на удивление трезвым, вопреки опасениям отца и моим собственным.

В свободное время я много читал, выписывал кучу толстых журналов и подписки на классиков. Мой художественный кругозор существенно расширился. Кроме того, от скуки, поступил в заочный институт иностранных языков и закончил подготовительный, первый, второй, и третий курсы английского языка. Из Москвы мне присылали учебники, задания, я отправлял письменные работы, получал за них обычно «отлично». Словарный запас мой увеличивался медленно, но я прилично ориентировался в грамматике и мог уже понимать смысл прочитанного в книгах. *(Чем хороша была советская власть – любому давала возможность получить образование, было бы желание и ничего больше).*

Главным местным развлечением было кино в клубе. Приходили задолго до сеанса, разодетые, нафуфыренные, собирались в группки, дефилировали перед избой как перед МХАТом, полужигивали семечки и делились последними новостями. Что Володя Чуприн и Коля Некрасов ходят по ночам к почтовым дамам наверх и устраивают оргии (дамам по 50 лет, им по 30). Что к Анке (доброжелательной, но не проститутке, холостячке) ночью постучались.

– Кто?

– Это я, Вася, пришел палку бросить.

– Брось там, в сенцах.

Что Валя Хлевная (красивая чистоplotная женщина), пока её Толя на буровой, пустила покормить его друзей, опять не удержалась, выпила полстакана, её одолела течка и они, играя в карты, по очереди и не по разу, и по-всякому ею насладились; Толя её, наверное, побьёт. Что к Козловым приехала дочка Катя на каникулы из техникума, залезла через окно к Боре Шапиро, он не устоял, а утром в конторе сказал: «Не шушукайтесь, я на ней женюсь». *(Так мой друг завёл второго сына, первого состряпал с заезжей Светой Лопатиной)*. И так далее.

Иногда новость рождалась прямо на глазах. Например, однажды предкиношная публика замерла в шоке, когда дверь стоящего на пустыре туалета скрипнула, грохнула, и из него вывалился Боря Харченко (фельдшер). Со спущенными штанами и руками в их карманах. Ошарашено пучит глаза, не понимает, где он и откуда, потом судорожно дергает руками, а они там, в карманах, запутались, подняться не может. Наконец, справляется, натягивает непослушные штаны и «бежит» к дому под хохот толпы. В туалет он зашёл давно, ещё до сбора зрителей, в своем обычном (подпитом) состоянии, заснул там и что-то (перипетии сна?) толкнуло его с толчка.

Все новости были чистой правдой, так что по ним можно судить и о нравах, и о том, что в деревне действительно от людей не спрячешься.

Мои контакты с природой уменьшились. Как будто и жил в самой природе, но посёлок всё-таки не палатка, а трактор или машина – не ноги. Тем не менее, новые впечатления случались. Главное из них – от похода в Долину Гейзеров. Взял себе в компаньоны Васю и Месхата (техника–геолога). Мы прошли от устья р. Кривошанской по берегу океана до р. Шумной, по ней вверх до Долины, от неё к кальдере вулкана Узон, по подножию вулкана Крашенинникова до Кривошанского озера, оттуда на аэродром. Длина маршрута получилась километров 200 с небольшим. Ходили мы дней восемь. Это был не очень сложный маршрут, по нагрузке ни в какое сравнение не шёл с теми, что случались в поле. Шли в свое удовольствие, получился в полном

смысле туристический отдых. Места, конечно, уникальные, станут жемчужиной камчатского туризма когда-нибудь.

Новыми были также впечатления от зимнего леса, лыж, на которые там впервые в жизни встал, от зимней охоты. Охотился на оленя. Те олени, которых мы летом наблюдали в хребтах и истоках парами или одиночками, осенью собирались в стада на Железнодорожном плато, спускались по нему по первому снегу и шли на Кроноцкую низменность, где проводили зиму. Путь их лежал через аэродром, и пассажиры имели возможность наблюдать их бесконечные цепи. Там мы их и добывали.

Более сложной была охота весной. Приходилось бегать по следам табуна оленей на лыжах и чаще всего безуспешно, наблюдая лишь, как он переплывает р. Кроноцкую, когда стрелять уже поздно.

Весной 1964 года я улетел из Богачёвки в Петропавловск писать отчёт по работам на Двухлагерной и Конусной площадях, и назад уж не вернулся. Пока я раздумывал над перспективами работ, они были закрыты, Богачёвка, моя камчатская альма-матер, прекратила существование.

Решение об этом приняла министерская комиссия, специально прилетевшая на Камчатку оценить состояние нефтепоисковых работ. Возглавлял комиссию Васильев, в её состав входили работники министерства, представители науки и, кажется, ЦК КПСС. Крылов, Шварц и я «давали показания» комиссии. Мне понравилась решительность Васильева, не побоявшегося закрыть район, который «дышит нефтью», и в который вбухано уже столько средств.

Как бы я ни был молод, как бы ни горел желанием открыть месторождение, я не мог игнорировать объективные факторы: доступные по условиям рельефа для бурения и вообще изучения площади весьма ограничены; из-за сложности геологического строения и закрытости лавовыми потоками поиски структур геологическими картированием невозможны – геофизические методы также бесполезны; в разрезе нет хороших коллекторов; все проявления нефти связаны с трещинами и свидетельствуют либо об уже разрушенных, либо о разрушаемых залежах, либо о миграции нефти

неорганического происхождения от зон вулканической активности; для идеи опробования более глубоких горизонтов нужны скважины более пяти километров глубиной, что может быть экономически эффективным только в крупном, просторном для разворота работ нефтеносном районе.

И хотя в отчёте я добросовестно искал и изложил обоснование перспективности площадей, с отрицательной оценкой района комиссией согласился. Для геолога, особенно нефтяника, доказать отрицательный прогноз значительно сложнее, чем положительный. Но только умение делать это может сузить поиск, более целенаправленно использовать средства и привести к успеху. *(Сейчас, в 2004 году, некоторые дилетанты от геологии уговаривают дилетантов – руководителей-бизнесменов возобновить авантюру в Кроноцком либо аналогичном ему Усть-Камчатском районе. Ничему история и опыт не учат, всё повторяется).*

Может быть, последней каплей в принятии решения для Васильева послужил такой эпизод. Он решил слетать на вертолёте в Кроноцкий район, чтобы посмотреть на дела и геологию. В свиту попали и геологи – знатоки района: я, начальники съёмочных партий Ковалёв, Садреев, геолог института вулканологии Храмов. Сели, в частности, у обнажения береговых обрывов. В переслаивающихся породах присутствовал и 10-ти сантиметровой слой голубой глины. Одни из нас утверждали, что она тектоническая и соответствует надвигу, другие – что это стратифицирующийся слой туфов. Он, видимо, подумал, что если геологи не могут договориться на одном обнажении, тогда что говорить о поисках структур и продолжении работ.

Но Богачёвка ещё долгие годы напоминала о себе. Её кадры расползлись по всем подразделениям геологического управления, становились там обычно наиболее опытными и надёжными людьми. Разъезжая по командировкам, я встречал их через много лет в самых неожиданных местах по всей Камчатке: в съёмочных, буровых, геофизических партиях. Далёкие друг от друга в Богачёвке, встречаясь там, мы общались как родные.

С. Апрелков. Ненастный день в Срединном хребте, р. Копылье. 1967 г. (бумага, тушь)

ТЕМА

1964 год был богат на судьбоносные события: районное геологоуправление (РайГРУ) стало территориальным (КТГУ); в его составе образована Геофизическая экспедиция, в которой прошла вся дальнейшая моя производственная деятельность; ко мне приехала Инна, уже навсегда.

Борьба за самостоятельность Управления началась давно, с 1961 года. Геологоразведочные работы на Камчатке неуклонно развивались, не только на золото (профилирующее и чуть ли не единственное направление в Магадане), но и на нефть, термальные воды, другие полезные ископаемые. Растущий объём работ, оторванность Камчатской области от материка, другая минералогическая специфика делали Магадан не просто лишним, но вредящим посредником на пути финансовых и материально-технических потоков из Москвы на Камчатку.

Возглавлял борьбу, естественно, «Папа» – П.Т. Усков. Эта уважительная кличка давно и прочно закрепилась за ним, причём не только среди молодых, но и среди ветеранов. На собраниях (партактивах) он ярко доказывал необходимость выделения, показывал, что Магадан тормозит строительство собственной базы, жилья, стучал по трибуне, голос гремел, глаза горели – мы восхищались им и дружно хлопали.

Каково же было моё удивление, когда на Камчатку прилетел Дробкин и сказал с трибуны:

– Ходят слухи, что у вас тут кто-то вякает насчёт отделения. Так не советуя, угомонитесь.

На что Усков, заискивая, ответил:

– Да что Вы, Израиль Ефимович, Вы неправильно нас поняли, мы просто говорили, что нам базы не хватает, а без Вас мы ни-ни, мы не сможем.

Первый раз я видел «Папу» (!), «Хозяина» (!) в таком жалком виде, мне было стыдно за него. Он, видимо, психологически не смог преодолеть того факта, что вышел из-под Драбкина, из Дальстроя, где царили иерархия и культ личности. Но после отъезда Драбкина быстро опомнился и стал самим собой. Заручился поддержкой обкома, летал в Министерство, и, в конце концов, добился своего.

При образовании КТГУ в нём остались Геологосъёмочная экспедиция (ГСЭ), Пенжинская экспедиция и образованы две новые – Геофизическая (ГФЭ) и Южно-Камчатская геологоразведочная (ЮКГРЭ). Местом базирования двух последних выбрали г. Елизово. В ЮКГРЭ собрали все работы по золоту и гидрогеологии на южной половине Камчатки.

Образование ГФЭ шло тоже тяжело, как и положено при родах. С закрытием Богачёвки все нефтепоисковые работы перемещались на Западную Камчатку. Возникла идея создать там нефтеразведочную экспедицию. Её поддержал Усков и даже направил своего зама Шарапова в с. Хайрюзово строить базу. Но там не были закончены даже региональные работы, для поискового бурения не было объектов, нельзя было повторять опыт Воямполки и Богачёвки, где бурение начиналось и увязало на случайных площадях.

Поэтому победила другая идея – усилить, прежде всего, геофизические работы. Бурение же осуществлять пока как параметрическое на геофизических профилях и как структурное, если найдётся подходящая площадь. И в это время готовиться к глубокому бурению – завозить станки и т. д. Апологетом идеи был В.В. Крылов, ему помогали Я.Б. Шварц, М.А. Березин, мы с Олегом тоже подпевали.

Когда «Папу» переубедили, легче стало преодолевать и противников в другом вопросе: почти все геологи считали, что геофизика должна быть в составе геологических партий.

Победили геофизики, проповедовавшие специализацию, –

и было создано геофизическое предприятие, которое поглотило не только все геофизические партии и отряды, но и буровые работы на нефть. В него включили и тематическую партию, которая должна была разрабатывать направление нефтепоисковых работ, то есть определять, где и как готовить структуры, в какой последовательности, как их опоисковывать бурением и т. д. Начальником этой партии назначили меня.

Начальником ГФЭ стал А.Л. Воцинский, главным геофизиком – Я.Б. Шварц¹², замом – Леонид Аркадьевич Будгер. Начальство занялось организационными вопросами в Елизово: купили частный дом под контору, оформили отвод земли на окраине Елизово, организовали свой стройучасток и начали строить контору и деревянные восьмиквартирные дома.

Л. А. Будгер

Я. Б. Шварц

А.Л. Воцинский

А исполнители, в том числе и я, остались в

¹²*От редакции:* **Шварц Яков Борисович** родился 15 июля 1928 г. в г. Свердловске. В 1952 году окончил Свердловский горный институт, инженер-геофизик. После окончания института трудовую деятельность начал в Магаданской области, в Дальстрое: работал в Верхне-Индигирском РайГРУ, Пенжинской экспедиции, Хасынском РайГРУ. Затем трудился в Северо-Восточном геологическом управлении, в состав которого вошло Камчатское РайГРУ. В 1963 году работал главным геофизиком геолого-геофизической нефтяной экспедиции. В 1964-1996 гг. трудился в Елизовской геофизической экспедиции главным геофизиком, главным инженером, начальником ПТО, начальником отряда, партий, группы партий.

Автор многих отчётов и ряда статей. Являлся основоположником нефтепоисковых сейсморазведочных работ на Камчатке. Внес Большой вклад в изучение Паратунского, Кошелевского и Мутновского месторождений парогидротерм.

Я.Б. Шварц умер 01 декабря 2015 г. в г. Елизово.

Петропавловске на правах приживальщиков у ГСЭ. В жуткой тесноте: столы сдвигали в ряд и сидели за ними по разные стороны как на банкете, – ни карты развернуть, ни писать. То есть после двухлетней свободы и комфорта в Богачёвке я вернулся к прежней городской жизни.

Впрочем, я от неё не особенно и отвык: бывал в командировках, проезжал в отпуск, писал отчёт. В эти периоды участвовал в работе техсовета, геологических конференциях, в спорах в коридорах камералок. Проживая в «Крейсере», знакомился с вновь прибывающими специалистами. Так что связи сохранялись и даже расширялись, несмотря на то, что в 1964 году с Камчатки уехали Олег, Саша Нетесов, Стас Милешин и др. Меня по-прежнему радостно приветствовали официантки в «Вулкане», особенно если туда заходили вместе с Борей (иногда оказывались в городе одновременно), радовались и постоянные партнёры по преферансу: Валя, Березин, Горлицкий. Я просто продолжил все эти контакты, теперь уже «на постоянной основе». Бывал и в компаниях Ольги Баженовой, хотя с течением времени всё больше охладевал к ним из-за пустого «выпендрежа» участников. А потом они и сами собой временно прекратились: и до Миши Хотина, наконец, дошли слухи, что его жена изменяет.

(Этот факт испортил всю Мишину жизнь. Красивый как Лермонтов – недаром тоже Михаил Юрьевич, умный, преуспевающий на работе – он уже был начальником съёмочной партии, внешне флегматичный, но внутренне страстный, тонко организованный человек, Миша был оглушён новостью. Сначала он отрешённо изрекал к месту и не к месту: «нет любви, один обман». Потом женился на продавщице с ребёнком, увёз её в Москву, а там бросил. Участь в аспирантуре, стал соблазнять своих преподавательниц и жён преподавателей. Став кандидатом наук, ещё с большим рвением соблазнял высокопоставленных дам – чем с более высоким положением по научному званию или семейным узам, тем с большим. Казалось, хотел убедиться, что порядочных женщин вообще не бывает. И ведь убеждался: грехопадение совершали и докторши наук, и жёны профессоров. Тем с

большим наслаждением он их бросал. Оброс скандалами и уехал к Диме Агапитову в Анадырь. Там окончательно стился и к концу 80-х годов стал типичным бичом – истопником в кочегарке. Ольга за это время, используя свой главный карьерный движитель – богемно-научные тусовки, стала профессором МГУ).

Ну и главным для меня событием стал приезд Инны. Как я ни готовился к семейной жизни, основного (квартиры) не было. К производственным неудобствам добавились хлопоты по обустройству семейного быта (тут уж было не до английского). Мы скитались сначала по квартирам отпускников – Ширейко, Горлицкого, а потом на базе ВНИГРИ (Всесоюзный научно-исследовательский геологоразведочный институт) на пятом километре. База – большой дом с автономным (от печки) водяным отоплением. Уголь был, но прогреть дом было не просто. Не мудрено, что Инна простыла, приболела ангиной и бронхитом. Я водил к ней нашего «геологического» доктора Дамира Хабибуллина и страшно переживал.

Начало строительства посёлка геофизиков

В новой квартире

Но всё же, слава Будгеру, строительство в Елизово шло так быстро, что к весне 1965 года были готовы два-три дома, и в одном из них нам дали двухкомнатную квартиру. «Папа» получал духовный допинг: обходил новосёлов, спрашивал о претензиях, видел слёзы радости и благодарности в их глазах и заряжался ими на новые благие дела. Несказанно радовалась Инна – через месяц ей предстояло рожать.

Как мы ни ждали, а день, вернее, вечер наступил неожиданно, у Инны начались схватки. Я лихорадочно соображал, как доставить её в роддом. Побежал к Коле Некрасову, он недавно (первый в экспедиции) купил «Запорожца». Завели, посадили Инну, поехали. Приезжаем в так называемый роддом – обычный одноэтажный дом, койками заставлен и коридор, на койках стонут женщины. Нам говорят:

– Положить некуда, советуем ехать в Петропавловск.

Поехали. Я в полной панике, каждый вздох и стон Инны пронзает меня прямо физической болью, как будто я сам рожаю. Наконец, доехали до города, нашли роддом, сдали Инну, успели. Наутро я там, и мне сообщают, что родился сын, рост 54 см., вес 3.8 кг. Это был понедельник, 13 мая. Возвращаюсь в Елизово, и с Валею и всеми, кто заходит, обмываю событие. К дню возвращения Инны «просыхаю».

Заносу сверток, кладу на стол, Инна распеленывает и говорит: «Он такой красивый, копия ты». Смотрю на сморщенное существо, в старушечьем лице просматриваются черты моей мамы, говорю: «Разве я такой старый?»

Сын стал нашей главной заботой. Я помогал стирать пелёнки, сидеть возле кровати, прогуливать в коляске – делал всё, что мог. Но главная нагрузка была на Инне. Причём после окончания декретного отпуска она сразу вышла на работу. Няню найти было трудно, в советские времена безработных не было. Спасибо, нам помогли богачевцы – жена Гриши Стрижа, потом Тамара Попова. На Женином лице открылись глаза, разгладились морщины и постепенно я начал верить Инниным внушениям насчёт его красоты и схожести со мной. Он действительно в раннем детстве был больше похож на меня, а после – на Инну.

Началась наша елизовская жизнь. На одной лестничной площадке с нами поселилась семья Вали, мы жили с ними почти как одна семья. Подо мной была квартира Карла Вальяна – он перебрался всё-таки в геологию, женился на той девушке Алле, родил с ней сына Петера, работал геодезистом и подчинялся Вале. С ним у нас тоже сложились хорошие отношения. Впрочем, как и со всеми первозачинателями экспедиции:

Вошинскими, Декиными, Шварцами, Кирилловыми, Бражаевыми, Некрасовыми, Урбановичами, Ширейко, и другими. Вновь прибывающие специалисты вливались в нашу компанию. Тесно и на всю жизнь сдружились мы семьями и с Иннинными сослуживцами: Зайцевыми Эдиком и Фаиной и Драганами – школьной подругой Инны Валея, которую она вызвала на Камчатку и которую мы сосватали Юре Драгану.

Даже экстремальные семейные хлопоты не уменьшили мой интерес к работе. Мне в партию дали наилучших, на мой взгляд, из имевшихся специалистов: геофизиков М.А. Березина, В.А. Иванова, Лину, геологов В.В. Крылова, Э.Бакланова, Ю.Ф. Драгана, техников Г. Урбанович, Е. Кузьмину. Дополнительно на длительные сроки принимались и другие люди, так что общий состав партии постоянно был не меньше 11-12 человек, для тематической партии это очень много, таких крупных не бывало ни до, ни после меня.

*Тематическая партия. 1 ряд – Боканчев, Г.В. Урбанович, М.А. Березин, Э.Ф. Горбадей;
2 ряд – Л.М. Смирнов, В. Дмитриев, В.А. Иванов, Э.К. Бакланов, Н.Д. Лугин. 1968 г.*

Поначалу я испытывал неудобство от необходимости «начальствовать» над своими бывшими начальниками Крыловым и Березиным, предлагал каждому из них поменяться со мной местами, но они отказались. Года через полтора В.В.

Крылов вернулся в аппарат КТГУ, там ему было привычнее и полезнее для дела.

На первом этапе нам предстояло проанализировать и обобщить все геолого-геофизические материалы Западной Камчатки на площади 80 тысяч кв. км.: геологическую, гравиметрическую и аэромагнитную съемки 1:200 000 м-ба, 800 км региональных сейсмических профилей, материалы бурения нефтепоисковых скважин, поисковых работ на уголь – короче всё, что было до и появлялось в процессе наших работ. Площадь в 10 раз больше той, что я исходил в Кроноцком районе за четыре сезона. Ту я пощупал своими руками (и ногами), с этой знаком только по разговорам. Я понимал и немного боялся грандиозности задачи. Но дело поручено, и его надо делать.

Помимо обычного чувства ответственности, мной овладели любопытство, жажда познания, я почувствовал себя истинным исследователем, ощутил, что такое муки творчества. Мне не хватало теоретических знаний, и я искал их в трудах крупнейших учёных. Не хватало знаний в технических и методических способах интерпретации геофизических материалов, и я учился у своих геофизиков.

Огромного времени требовала работа с фактическим материалом. Во-первых, его было очень много. Во-вторых, получался он в разные годы разными людьми, для каждой отдельной площади съёмки или других работ в производственных отчётах для интерпретации использовались ограниченные сведения, карты соседних листов не сбивались. В-третьих, появились новые данные о физических свойствах пород, возрасте фауны и т. д. Поэтому все разрезы, карты мы перестраивали, переувязывали и составляли сводные на всю территорию по первичным материалам, т. е. повторяли на новой основе работу, выполненную в производственных отчётах за много лет массой людей. И весь материал я стремился пропустить через себя, «прощупать своими руками».

Ясно поэтому, что и год спустя мы находились в начале пути. Однако и беглое знакомство с материалами убеждало в том, что действующая с 1958 года тектоническая схема Г.М. Власова устарела, что строение территории гораздо сложнее и

дифференцированное. У меня появился первый эскиз тектонической схемы, и я выступил с ним на техсоветах. Стал своего рода носителем новых идей, и в сентябре 1965 года был направлен от КТГУ в г. Хабаровск на геологическую конференцию, проводимую Академией Наук СССР и её Новосибирским отделением. Отправляли меня вместе с М.А. Березиным. Усков сказал:

– Дуйте, снимайте номер, я подлечу через денёк.

Та командировка запомнилась несколькими эпизодами, причём «из разных опер». Поразил масштаб конференции. Первая половина её проходила в Хабаровске, вторая в Южно-Сахалинске. Встреча участников, перевоз их между городами и обеспечение транспортом внутри были безукоризненными. Участники были как из местных геологов, так и приезжих. Среди них были представители многих геологических институтов и из всех регионов.

Наибольшее впечатление произвело, конечно, присутствие видных ученых – А.Л. Яншина, В.Е. Хаина, В.В. Белоусова, Н.Т. Кропоткина, Ю.М. Пущаровского, Ю.А. Косыгина и др., учебники и труды которых я только читал, а сейчас мог с любым поговорить. Чувствуешь себя неожиданно важной персоной, из «грязи в князи».

Однако почти все корифеи говорили в своих докладах о том, что уже давно опубликовали. Они затрагивали крупные теоретические вопросы, которые не могут меняться каждый день, но всё же я ожидал или развития идей, или новых доказательств.

Поскольку новизны не было, первоначальное чувство восторга постепенно сглаживалось. Все они читали свои доклады с трибуны, иллюстрировали их плохо видимыми издали схемами и картами, в сторону которых только махали указкой, не подходя близко, у некоторых и с дикцией было не очень. Так что, классиков лучше читать, чем слушать.

Более интересными для меня оказались сообщения менее именитых и безвестных геологов о строении конкретных регионов. Покорил блестящий доклад молодого камчатского учёного–вулканолога, кандидата наук С.А. Федотова о строении

зон Заварицкого-Беньофа. Он иллюстрировал его слайдами через проектор, говорил без бумажки, без запинки, чётко, ясно, убедительно. Я был горд за нашу Камчатку, – вот какие таланты там живут, и горд тем, что в прошлом году этому Сереже (как он сам представился) я помог выпросить у Вошинского сколько-то там километров геофизического провода, институт был ещё беден (сейчас С.А. Федотов – академик, директор Института вулканологии).

Добавились и негативные впечатления от науки. «Добавились» потому, что они у меня уже были. Впервые они появились, когда я, ещё работая в Кроноцком районе, столкнулся с паразитированием внигроцев: они приезжали несколькими небольшими отрядами из двух-трёх человек, заезжали в поле на две-три недели, из которых половина была дождливой, создавали, таким образом, видимость каких-то исследований, возвращались в Петропавловск, передирали в фондах добытые потом и кровью материалы местных геологов и уезжали выдавать «свои» рекомендации.

Потом удивил профессор Вассоевич, тоже внигровец, крупный учёный, разработчик теории флиша, по его книгам учились студенты. Он работал в комиссии Васильева, и тогда я заглядывал ему в рот, ловя каждое слово. Но поймал не то, что ожидал. На мой вопрос, каково происхождение нефти, он ответил:

– Конечно, органическое.

– Но ведь у этой теории много оппонентов со своими доводами.

– Какие оппоненты, какие там доводы, мы – геологическая власть, как скажем, так и будет!

А я-то думал, что хотя бы в науке истина ищется в спорах, а не кулаком. Здесь я открыл ещё и «явление Трофимука».

Со студенческой скамьи я знал, что А.А. Трофимук – сибирский академик, получил звание ещё от Сталина, за открытие нефти, работая главным геологом экспедиции, но особых научных трудов не имел. Он присутствовал на конференции, собрал нас, геологов с мест и причастных к этим местам сотрудников институтов, и предложил написать ему для

доклада свои соображения о нефтеперспективности соответствующих районов. Это предложение заняло десять минут, а остальной час он разыгрывал перед нами фарс по созданию своего имиджа. При нём суетился верзила с помятой физиономией и в заласанном костюме – открывал-закрывал дверь комнаты, где мы собрались, показывал в ней какую-нибудь девчущку или парня с кинокамерой, громко шептал:

– Андрей Андреевич, газета такая-то просит интервью, журнал такой-то умоляет о встрече, телестудия приглашает на передачу.

На что тот, то смущенно, то якобы раздраженно, говорил:

– Ох, уж эти корреспонденты, нигде от них не спрячешься.

Присутствующие изображали благоговение, а мне казалось, что всех этих корреспондентов ассистент вылавливал в коридорах специально. Мы написали свои предложения, он зачитал их с трибуны, а в 1967 году увидели их изданными издательством «Наука» в статье А. А. Трофимука «Перспективы нефтегазоности Востока СССР». Во введении к статье он нас всех перечислил, но не в авторах, хотя в наших текстах не изменил ни буквы, даже не было никакой корректуры.

Так вот в чём суть «явления Трофимука»: есть учёные, которые всю жизнь творят (Г.М. Власов), есть те, которые главное дело своей жизни совершили в расцвете творческих сил и дальше только пользовались дивидендами (С.А. Федотов). И есть «трофимуки», всю жизнь паразитирующие на трудах других и только изображающие из себя учёных.

Побочными по отношению к главной теме были впечатления от встреч. Первая – с В.А. Ярмолюком¹³.

¹³ *От редакции:* **ЯРМОЛЮК Виктор Андреевич** родился 13.05.1915 г. в пос. Суражевка Амурской области. В 1935 году окончил Владивостокский геологоразведочный техникум. До 1950 года занимался геологическими исследованиями на территории Дальнего Востока в качестве старшего коллектора, прораба, начальника партий.

В 1950 г. был направлен Дальневосточным геологическим управлением в Петропавловск-Камчатский для организации Камчатской комплексной геологической экспедиции № 6, начальником которой работал в 1950-51 гг. После создания в 1951 году КГУ (Камчатского геологического управления) до 1954 года руководил Геологопоисковой экспедицией в составе КГУ.

Это известный геолог, создавал на Камчатке геологическую службу, в частности, геологосъёмочную экспедицию, был её начальником и проводил миллионную съёмку Камчатки. Уехал с Камчатки в 1954 году, но оставил о себе такую хорошую память, что и мы, появившиеся позже и его не видевшие, с уважением относились к этому имени.

Сейчас он работал начальником Дальневосточного геологического Управления. Он лично приехал в аэропорт встречать нашу делегацию, то есть меня с Березиным. Может быть, рассчитывал увидеть своих друзей или знакомых, но встретив нас, разочарования не выказал, сказал, что рад приветствовать представителей родной Камчатки. Привёз в гостиницу и устроил нас в двухкомнатный люкс (мы сказали, что должен подлететь Усков).

Бродя по городу, я зашёл в магазин и увидел там Виктора Андреевича, скромно стоящего с авоськой в очереди за бутылкой кефира, сосиской и чем там ещё. Я пронаблюдал за ним, стараясь не попасться на глаза.

До сих пор привожу этот случай в качества примера нравственности того «сталинского» поколения руководителей, которых теперешние «демократы» рисуют монстрами. Конечно, это не И.Е. Драбкин *(В.А. Ярмолюк впоследствии 20 лет проработал первым заместителем Министра геологии СССР, был членом редколлегий нескольких журналов, посетил десятки стран мира, в некоторых работал, сейчас 89-летний пенсионер, пишет воспоминания, живёт в Москве).*

Инициатор и организатор строительства микрорайона «Геолог» в Сероглазке (1950 г.).

В 1955-65 гг. Ярмолюк трудился начальником ДВГУ, в 1966-86 гг. – заместителем министра геологии СССР. Являлся действительным членом Российского географического общества, главным редактором журнала «Вопросы географии Дальнего Востока», членом редколлегии журнала «Советская геология», членом Национального комитета геологов при Академии наук СССР. Заслуженный геолог России, лауреат Ленинской премии, кандидат геолого-минералогических наук, автор около 60-ти научных статей. Умер в 2006 году в г. Москве.

Вторая – не встреча, а более тесное, чем раньше, общение с П.Т. Усковым. До сих пор наши контакты ограничивались слушанием его речей на собраниях, техсоветах; получением от него выговоров и устных комментариев к ним; единичным совместным ужином, который устроила для него как-то богачёвская элита; при авралах, когда он организовывал какое-либо действие (например, выгонял всех из камералок разгружать блоки для строительства конторы) и т.п. Мы были на разных полюсах, таких как я, в его подчинении находились сотни человек, я был народ, которым он руководил. Хотя он для меня и был «Папой», но папой, у которого лучше под ногами не мельтешить.

А здесь пришлось прожить несколько дней в одном номере гостиницы. Он установил такой порядок: днём работаем на конференции, вечером расписываем пульку, кто больше всех проигрывает, обеспечивает ужин. Первым проиграл, конечно, я. Заказ делал Павел Тимофеевич. Закуску и блюда заказал побожески, не самые дорогие, а вот выпить – коньячок, да не какой-нибудь, а КВВК. Вторым был Березин, и всё повторилось. Но настал черед и «Папы». Он ещё за игрой страшно расстроился проигрышем. А за столом пресёк наши аристократические замашки:

– Всё, пьянству бой, нечего обжираться! – и заказал скромный ужин, всего с бутылочкой сухого вина. Тоже не монстр, вполне демократичный человек и «ничто человеческое ему не чуждо».

Он прилетел на конференцию, по-видимому, чтобы показаться свету как новоиспеченный начальник новоиспеченного Управления. На последнем в Хабаровске пленарном заседании решил выступить, рассказать, что делается, и что будет делаться на Камчатке. Накануне вечером, после пульки, около полуночи, укладываясь спать, сказал мне: «А ты пиши мне про нефть».

И я до утра, с несвежей головой, под отвлекающее похрапывание Березина и храп «Папы» писал часть его доклада, написал больше чем Трофимуку. Про храп «Папы» ходили легенды, особенно, от ночевавших вместе с ним обитателей

красного уголка в Богачёвке. Здесь я слушал его своими ушами. Действительно, нужно перо калибра Чехова: и громы, и вскрики, и стоны, и всхлипы, и свист, и рулады – полный концерт. Богатырский хrap Тараса Бульбы ничто в сравнении с оперой «Папы». Только ухватишь мысль за хвост, как нежная свирель прерывается раскатом грома, и она ускользает.

Читал доклад он плохо, всем было ясно, что текст чужой. Тем более что моя часть доклада была в рукописи, и ему приходилось разбираться в почерке. Но там и не важен был текст, важна трибуна, и именно для него, начальника. Усков был неплохим оратором в живой речи и на производственные темы. Когда же речь заходила о чистой геологии – не очень, был типичным хозяйственником, «наукой» должны были заниматься другие.

Та командировка оказалась для меня полезной: услышал и узнал много нового, стал сдержаннее оценивать величие ученых, почувствовал, что и сам вполне могу анализировать геологические факты, словом, придала уверенности. И я с ещё большим энтузиазмом продолжил работу над темой.

Но... «недолго музыка играла». Вскоре после возвращения, при очередной флюорографии у меня выявили туберкулёз. Это был мощный удар судьбы, выключивший меня на год из активной деятельности, лучше бы этот год забыть, но не получается. Я уже собрался ложиться в новую, только что отстроенную туббольницу в Петропавловске, как Инна уволилась с работы, распродала то, чего и так не было, и сказала: «Летим в Ростов, там тётя Лариса».

Такое решение было явно непрактичным: мы теряли почти половину на оплате моего больничного (северный коэффициент), она лишалась работы, Жене не исполнилось ещё и года, оплату проезда в отпуск мы использовали ещё летом. Аргументы не действовали, она решительно спасала меня. Думаю сейчас, что и себя тоже: её отец умер от болезни лёгких, дядя много лет болел туберкулёзом, так что она «прочувствовала» опасность на себе, могла предположить любой исход. И стремилась, как в своё время её отец, домой, к маме, родным, чтобы не оказаться одной с ребёнком на чужой и

далёкой Камчатке.

В ноябре или декабре 1965 года мы прилетели в Ростов, оттуда я съездил в Черкесск навестить и огорчить известием родителей (они только что перебрались из Облущья), меня уложили в туббольницу, а Инна с Марией Павловной уехали в Днепропетровск к Неле растить Женю. Я был брошен, и вот только тогда по-настоящему стал жалеть себя, осознал серьёзность положения.

Больница располагалась в старом обшарпанном здании с маленьким двориком, обнесённым каменной оградой. Это пространство, в которое мы были заключены, и за которым текла жизнь. Здание раньше служило то ли конюшней, то ли казармой. В палатах было многолюдно, в моей, в частности, лежали 18 человек. Кто полуживой, иссохший, жёлтый, непрерывно харкающий, кто лежаче-сидячий, кто, как я, вполне здоровый, осознающий болезнь из уст врачей, а не самочувствием. Все в одной куче. Тем для разговоров, кроме историй болезней, практически нет. Публика, в основном, бичевская. Большая часть – хроники, не помнят уже, когда и заболели, практически в больнице живут. Другие – тоже хроники, болеют по 10-15 лет, но имеют работу и подобие семьи. Они каждый год ложатся в больницу, чтобы открыть бюллетень.

Те и другие практически не лечатся: получают жменями свои таблетки и выбрасывают их в туалет – боятся испортить свои печени. И только единицы, типа меня – «вновь выявленные», растерянные, старательно выполняющие все указания, но каждый раз убеждающиеся после рентгена, что дело с места не движется, улучшений нет.

Вот в такой обстановке, ближе подходящей к тюрьме, «зоне», чем к больнице, я провёл около трех месяцев. За это время только Саша (брат) навестил меня, проезжая в Черкесск на похороны дяди Никифора. Психологически я был, конечно, раздавлен. Зато здесь была тетя Лариса, она работала медсестрой в рентгенкабинете. Проку от неё только и было, что устроила в эту тюрьму – без неё не взяли бы, прописка чужая.

Через три месяца мне говорят, что результатов консервативного лечения нет и нужна операция. Нужна так нужна, мне об этом говорили ещё на Камчатке. Переводят в другую больницу, хирургическую, отличающуюся от первой размером палат – по четыре-шесть человек. Ещё целый месяц готовят – кормят теми же, не дающими эффекта, таблетками, – и объявляют, наконец, о дне операции.

Я нагляделся, насколько трудно выкарабкиваются люди после операции, и прошу перенести операцию на неделю, чтобы Инна успела приехать и поухаживать за мной. А она в это время как раз уехала с Нелей и Сергеем на их машине на Карпаты отдохнуть (завезя по пути Марию Павловну с Женей в Черкесск).

Профессор Ладыженский, делавший операцию, истолковал мою просьбу о переносе как трусость, сказал об этом потом Инне, и она часто подсмеивалась – «трусиска». Несправедливо – я боялся не операции, а беспомощности после неё. После четырёх месяцев одиночества имел право на участие жены, ведь она привезла меня, чтобы спасти.

Дату не сдвигали, и первые дня три-четыре я промучился без Инны. Она приехала, когда я уже ползал по стене. От самой операции у меня остался только полёт в бездну–колодец (а не туннель) с ярким светом на дне, какой видят, оказывается, почти все побывавшие в клинической смерти. А послеоперационного периода не зря боялся, тогда-то и произошли все пакости.

Операции делали две в день, я был вторым. После операции вставляется дренаж, и из лёгких откачивается жидкость. Больница имела светилу – хирурга, но не имела надлежащего оснащения. Аппарат для откачивания жидкости был один, его поставили первому. А мне вставили катетер, и через каждые полчаса сестра обязана была отсасывать шприцем. Естественно, сёстры засиделись у телевизора, обо мне забыли, а когда вспомнили, стали тянуть поршень шприца резко, судорожно, от этого плевра слиплась и впоследствии так и осталась. В итоге, хотя у меня удалили всего один сегмент легкого, в объёме я потерял более полутора тысяч «кубиков»: до операции выдувал на спирометре 5800 «кубиков», после – 4000-

4200.

Второе осложнение выявилось позже. Почти месяц ещё я провел в больнице, а потом мне с Камчатки прислали путёвку в санаторий под Свердловском, и я поехал туда, а Инна с Женей на Камчатку: больничных, что мне присылала бухгалтерия, на жизнь не хватало.

И буквально при поступлении в санаторий у меня выявили гепатит (желтуху). Оказалось, она занесена была с донорской кровью. Уложили в изолятор, где я, не выходя на воздух, провёл 40 дней – вот и весь санаторий.

Так что вернулся я на Камчатку (где-то в сентябре 1966 г.) не в лучшем виде. Но соскучившимся по семье, друзьям, работе. Чувствовал вину за годовое отсутствие и влез в работу с не меньшим рвением, чем раньше. Руководство экспедиции дало мне полную свободу, в мои дела не вмешивалось, помогало, если я что-то просил. Среди сотрудников партии прослыл зверем: не давал женщинам болтать, мужикам подолгу перекуривать.

Моя партия только формально, организационно была привязана к Геофизической экспедиции. Фактически же она выполняла задачу более широкую – заказ Управления, и напрямую зависела от руководства КТГУ. А оно за время моей болезни сменилось. П.Т. Ускова сняли решением обкома. Несправедливо – за то, что требовал дисциплины от всех одинаково, будь ты начальник экспедиции или простой техник. В том числе и от геолога И.А. Сидорчука, который оказался сыном главного хирурга области, а тот – другом первого секретаря обкома Орлова.

Некоторые (например, М.Г. Патока) пытались потом представить «бузу» гэсээшников как столкновение «оттеплевших» шестидесятников с закорюченным старым режимом. Но это из области фантазий.

Всё проще – среди разгильдяев оказался талантливый демагог с высоким покровительством. *(С Сидорчуком я лично общался мало, могу быть и не очень объективным. Профессионально, в геологии, особых достижений он не сделал. Прославился в основном как диссидентствующий демагог,*

большие демагог, чем диссидент, и наиболее пышно расцвёл в благодатные для демагогии перестроечные времена, став первым представителем Президента России на Камчатке).

Другие (В.М. Никольский¹⁴) пытались оправдать решение обкома ещё и якобы имевшимся развалом в хозяйственной деятельности П.Т. Ускова. Это тоже от лукавого. О каком развале может идти речь, если РайГРУ он превратил в КТГУ, наметил и, по сути, определил его структуру, объёмы работ бурно росли.

(Мне жаль было «Папу», я его искренне уважал. На пенсии он прожил недолго и умер в Салтыковке от инфаркта. У него, начальника Управления, не было даже палаточки и лодки посидеть на берегу реки – вот такими скромными были эти «монстры» тоталитаризма).

Вместо него назначили Вадима Михайловича Никольского. А главного геолога И.Н. Карбивнического сменил Тихон Васильевич Тарасенко.

Старое руководство относилось ко мне почти так же

¹⁴ *От редакции:* **Никольский Вадим Михайлович** родился 20.11.1928 г. в г. Саратове. В 1951 году, после окончания Саратовского госуниверситета, был направлен по распределению на Камчатку. До 1957 года работал геологом, начальником отряда и начальником геологопоисковых партий. В 1957-58 г. г. – главный геолог и начальник Камчатской ПСЭ.

В 1959-66 годы В.М. Никольский работал начальником партий и экспедиции в Дальневосточном геологическом управлении. В 1966 году Вадим Михайлович вернулся на Камчатку, получив назначение на должность начальника Камчатского ТГУ. Он проработал в этой должности около 7 лет. В 1973 году покинул Камчатку.

В период его руководства Камчатским ТГУ были начаты широкие поисково-разведочные работы на нефть и газ, уголь, термальные воды, золото, ртуть, полиметаллы, самородную серу и железо. В. М. Никольский – кандидат геолого-минералогических наук, автор более 50 научных работ, многих геологических отчётов. Награждён медалями «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», отраслевым знаком «Отличник разведки недр».

После Камчатки В.М. Никольский уехал в г. Саратов, где работал начальником комплексной геологоразведочной экспедиции ПГО «Нижневольтскгеология».

доверительно, как и руководство ГФЭ. С новым начальником я встречался только на техсоветах, и до поры не знал, как он ко мне относится.

Это был, конечно, не Усков – хозяйственник, а «научнообразный» начальник. Говорил больше о геологии, чем метрах, кубометрах, снабжении. Раньше он работал на Камчатке начальником съёмочной партии и главным геологом ГСЭ, уехал в 1959 году в ДВГУ вслед за Ярмолюком и вот вернулся. Кандидат наук, главное увлечение – сера.

Т.В. Тарасенко¹⁵ оказался человеком неуёмной энергии, но на 80% тративший её впустую или во вред. Не признавал слова «не знаю», лез во все дырки, то есть все отрасли, хотя специализировался до этого на золоте.

Они с Никольским постоянно конфликтовали. Я с Тарасенко работал, в целом, в оппозиции.

Началось с того, что он сразу стал вмешиваться в программу работ партии и состав исполнителей. Заключил договор с МГУ (своими приятелями) на поиски нефтематеринских свит, наличие или отсутствие которых, на мой взгляд, не имеет значения для практических поисков нефти. Слава богу, приехавший тщедушный очкарик Пиковский их не нашел и подтвердил мою точку зрения о миграционном характере битумов.

¹⁵ *От редакции:* **Тарасенко Тихон Васильевич** родился в с. Квашино Воронежской области. После окончания в 1947 году техникума работал в Пенжинской ГРЭ коллектором, прорабом, начальником партии. В 1956 году, после окончания МГУ, Т.В. Тарасенко вернулся в Пенжинскую ГРЭ. В 1958 г. его назначили начальником Пенжинской ГРЭ в составе Приморской комплексной экспедиции. В 1959-64 гг. работал главным геологом Пенжинской ГРЭ.

В 1964-73 гг. – главный геолог Камчатского ТГУ. В 1973-82 гг. – главный геолог Камчатской ГСЭ. Один из авторов изданной в 1976 г. Геологической карты Камчатки масштаба 1:1 500 000 (редактор Г.М. Власов).

Покинув Камчатку в 1982 году, Т. В. Тарасенко трудился в качестве старшего научного сотрудника в Калужском филиале Всесоюзного института экономики минерального сырья (ВИЭМС), где проработал до 1987 года.

Скончался 26 июля 2003 г. на своей родине (с. Квашино).

Потом прислал мне двух специалистов – геолога Боканичева и геоморфолога В. Дмитриева. Первый проработал месяца три, сам понял, что не соответствует уровню наших работ, уехал назад в Москву, где стал работать таксистом (я случайно, вопреки всяким теориям вероятности, сел к нему в такси несколько лет спустя). Второй почти два года пудрил мне мозги, пока я раскусил, что это демагог, ничего из себя не представляющий как специалист. *(Удивительно, что он продолжал их пудрить другим много лет. Талант демагога вывел его в депутаты горсовета при «реформах», оттуда такие же демагоги его выжили. Сейчас он пишет статьи в газеты, как пенсионер – оппозиционер существующей власти в основном на темы вреда геологоразведки, которая его, подлеца, выкормила для экологии Камчатки).*

Но главную свинью подложил мне Тихон Васильевич в образе С.П. Скуратовского¹⁶. Последний работал начальником партии в Пенжинской экспедиции, был приятелем Тарасенко, решил перебраться в Петропавловск, Тарасенко не знал, куда его приткнуть и направил ко мне простым геологом. Я поспрашивал у гэээшников, никто с ним лично не работал, но почти все сказали: «По отзывам – говно».

Сказал Тихону: «Он мне не нужен, что Вы устраиваете из моей партии свалку»!

¹⁶ *От редакции:* **Скуратовский Семён Петрович** родился 06.06. 1929 г. На Камчатке начал работать в 1956 году в должностях техника, начальника отдела, заместителя начальника Пенжинской экспедиции.

В 1964 году окончил геолфакультет МГУ и вернулся работать начальником партии в Пенжинскую экспедицию. Является одним из первооткрывателей Аметистового месторождения. В 1968-74 гг. работал начальником геологического отдела Камчатского ТГУ, главным геологом Западно-Камчатской НРЭ. В 1974-81 гг. – начальник Геофизической экспедиции. В 1981 году был назначен начальником Паратунской гидрогеологической экспедиции.

С. П. Скуратовский – кандидат геолого-минералогических наук, награждён двумя орденами, девятью медалями СССР.

В конце 80-х годов уехал на постоянное проживание в г. Москву, где позднее умер.

Но тот приказа не отменил. Скуратовский приехал, спросил, что ему делать, я сказал, что Карту. Попросил позволить ему работать в городе. Дней через 10-15 привозит геологическую карту – перенесённые в масштаб 1:500 000 варианты карт авторов съёмки. Я сказал, что такую работу могут выполнить техники, а мне нужно карту составить, то есть увязать листы.

– Ваша работа меня не удовлетворяет, заданий больше давать не буду. Я Вас не приглашал, пусть Тихон Васильевич даёт задания.

Тарасенко вызвал, я сказал ему то же самое и упёрся. С.П. Скуратовского назначили старшим геологом, а спустя полгода начальником геологического отдела КТГУ. Отомстить мне он не успел, так как вскоре был назначен главным геологом вновь образованной Западно-Камчатской нефтеразведочной экспедиции (ЗКНРЭ) и уехал в Ичу. Но в будущем эта «свинья» мне аукнулась.

Осенью 1967 года на Камчатку начало поступать оборудование для глубокого бурения и остро стал вопрос, куда его завозить. Вопрос был принципиально, стратегически важен. Так как куда завезешь, там и будут основные объёмы нефтепоисковых работ на несколько лет вперёд, там и надо строить базу.

По этому поводу собрали техсовет. Я выступил на нём со своей тектонической схемой, которую по сравнению с Хабаровском значительно углубил, и планом работ, который только начал у меня формироваться. Сказал, что наиболее перспективен Ичинский прогиб, а в нём пока единственная, хоть немного изученная геофизикой, Низконская структура. И что база должна находиться в посёлке Ича, расположенном, примерно, в центре прогиба. Меня поддержали Крылов – как геолог, Вошинский – как начальник экспедиции, которому предстояло работу выполнять. Другие, в том числе Тарасенко, настаивали на Хайрюзово и на бурении на структурах Тигильско-Воямпольского района, более ярких с точки зрения битуминозности пород, то есть прямых признаков нефтеносности.

Никольский склонился к моей точке зрения и сказал, чтобы я брал протокол техсовета и летел в Москву доказывать свою правоту Министерству. Посылал не главного геолога и не Крылова, который оставался ведущим специалистом по нефтепоискам, а меня, вроде не подходящего для такого важного дела по статусу.

В протоколе написали «постановили», не раскрывая царившего на техсовете противостояния. Тарасенко тоже дал мне пакет и попросил передать его в приёмную Министерства. В самолёте я этот пакет вскрыл и прочитал. Знаю, что чужие письма читать нельзя. Но вёз я явно не письмо к любимой, скорее всего бомбу для себя самого, так что угрызения совести были недолгими.

Так и оказалось: Тарасенко писал, что протокол не отражает истинного положения дел, решение ошибочно, и он, как главный геолог, просит принять его точку зрения, такую-то. Естественно, я взбеленился, пакет не передал, мысленно Тихона обматерил.

В Москве повторилось примерно то же, что было в Магадане. Не было только своего Суворина и лишней тягомотины. Дух Министерства был более демократичным: комнаты заставлены старой мебелью, прокурены, один эксперт смотрит мои карты, двое «блицуют» в шахматы, остальные болеют. Потом смотрит другой, а первый идет «блицевать» или болеть.

В Управлениях (нефти и газа, геофизическом) я довольно быстро доложил, получил одобрение и визу «согласиться с предложениями Камчатского ТГУ». Собрался уже улетать, как вдруг мне объявляют, что меня приглашает Министр, хочет поговорить. «Наверное, этот сучонок Тихон дозвонился», – думаю.

Сутолока и шептания вокруг меня поднялись такие же, как в Магадане:

– О, к Министру! Смотрите, не опаздывайте, Лев Иванович не простит!

В назначенное время захожу в приёмную, она примерно такая же, как у Драбкина. Секретарша сразу приглашает в

кабинет. Он скромнее, чем у Драбкина, но тоже с коврами и столами, только меньших размеров. И Министр¹⁷ не сидит где-то под столом, а идёт навстречу и ведёт себя просто (впрочем, как и Драбкин, не знаю, почему подчинённые нагоняли страху).

Раскладываюсь, докладываю суть дела. Он перебивает:

– А Вы карты фаций строили? Покажите палеогеографическую обстановку района.

Я опешил: Драбкину простительно, но этот-то нефтяник.

– Не по чему строить, район закрыт молодыми отложениями, скважин единицы и те мелкие, поэтому и предлагаем бурить параметрическую скважину. Попробуем построить схемы фаций по данным съёмки, но для конкретных структур это мало что даст.

– Что значит мало скважин? Мы в Сибири по одной скважине строили карты на сотни километров.

– Знаю, я у Вас был на практике, мы с Вами встречались. Но нельзя же сравнивать платформу со складчатой областью. У нас на Восточной Камчатке, например, в соседних обнажениях не разберешься.

– Ну, если так подходить, то никогда не постройте. Дерзать надо.

Я промолчал, думаю: «Дурак или притворяется?».

Дослушал меня, спрашивает:

– Вы все там считаете, что надо работать в Иче, споров нет?

«Точно, Тихон дозвонился» – думаю:

– В геологии споры всегда есть, но решение принято

¹⁷ От редакции: **Ровнин Лев Иванович (02.11.1928-29.10.2014 гг.)**, геолог-нефтяник, Герой Социалистического Труда (1968) за выдающиеся успехи, достигнутые в открытии и разведке крупнейших газовых месторождений в Тюменской области. Заслуженный геолог РСФСР, доктор геолого-минералогических наук, автор более 160 научных работ.

В 1967-1969 гг. – начальник Главного управления по поискам и разведке нефти и газа МинГео РСФСР. Министерством геологии РСФСР руководил в 1970-1987 гг.

техсоветом.

– Это я и без Вас вижу.

В разговоре с Дабкиным я видел, что человек просто удовлетворял свое любопытство, мне было легко популяризировать Камчатку, чувствовал себя свободно. Здесь же был напряжён, не мог понять, чего от меня хотят. То ли сейчас пошлёт на..., то ли руку пожмёт. Наконец, говорит:

– Ну ладно, бурите. А на какой площади Вы были у нас на практике?

– На Кузнецовской, у Макарова.

– А-а. Ничего там не нашли. Решение заберёте в Управлении нефти, всего хорошего, – и пожал всё-таки руку.

В Управлении я спросил у своих экспертов:

– А почему меня Лев Иванович вызывал?

– Сами удивляемся. Дали ему на подпись решение по Вашему вопросу, а он почему-то решил поговорить.

Так и не знаю, из-за Тихона был суров Министр, или сам по себе. Но своего я добился.

Возвращение мое было триумфальным. На ближайшем техсовете Никольский поблагодарил меня за успешно выполненную миссию и сказал:

– Разговаривал с Львом Ивановичем Ровниным, он, кстати, хорошего мнения о Леониде Михайловиче, сказал, что побольше бы таких.

Я понял, что и у этого начальника буду на неплохом счёту.

А Тихон Васильевич спросил:

– Вы мой пакет передали?

– А как же, конечно! – не моргнув глазом.

Он посмотрел на меня подозрительно:

– Странно.

Не знаю, узнал ли он когда-нибудь правду. Думаю, что узнал. Потому что по приезду я всё рассказал Никольскому и передал ему Тарасенкову клязу. А поскольку их неприязнь друг к другу только росла, я не думаю, чтобы Вадим Михайлович упустил лишний шанс ткнуть носом Тихона Васильевича.

В июне 1968 года обком и облисполком организовали совещание по развитию производительных сил Камчатки. Оно было, конечно, не таким грандиозным, как Хабаровско-Сахалинская конференция, но достаточно представительным и по широте проблем (рассматривались все отрасли – геология, рыболовство, строительство, туризм, транспорт), и по кругу участников. На геологической секции, например, присутствовали представители почти всех НИИ геологического профиля, Академии наук, Министерства.

На этом совещании мне представилась возможность ещё раз «обкатать» свои идеи. К тому времени они уже почти окончательно оформились и сводились к следующему. Тектоническое строение Камчатки и особенно её Западного побережья не соответствует упрощённой схеме Г. М. Власова о единой Камчатско-Ниппонской геосинклинали. На её территории выделяются Охотская платформа, занимающая подавляющую часть акватории Охотского моря и заходящая на территорию Камчатской суши лишь небольшим краем, Западно-Камчатская складчато-глыбовая зона, Восточно-Камчатская складчатая зона и Курило-Южнокамчатская современная геосинклиналь. Выход в южной части Камчатки наиболее древних пород, рассматриваемый в качестве срединного массива геосинклинальной системы, является на самом деле выступом фундамента Охотской платформы. В Западно-Камчатской складчато-глыбовой зоне выделяются внутренний тектонический район и Ичинский передовой прогиб. В последнем, в свою очередь, – внутреннее и внешнее (приплатформенное) крылья. Наиболее перспективным для нефтепоисков является Ичинский прогиб, заходящая на сушу часть плиты платформы бесперспективна, небольшие перспективы имеет и Южно-Камчатская геосинклиналь (Гольгинский прогиб).

Новизна моей тектонической схемы была революционной во всём, но главной её изюминкой было выделение платформы – наиболее спорный и сногшибательный на тот момент вывод, оставшийся, как оказалось, самым «небитым» временем: сейчас он общепризнан. Мучивший камчатских геологов вопрос о

возрасте метаморфических пород Срединного выступа (лидерами оппонирующих групп были А.Ф. Марченко и М.М. Лебедев) я решил просто: Охотская платформа является молодой, эпимезозойской, и, как и все молодые платформы, имеет промежуточный фундамент, в который включаются и верхнемеловые породы, зонально высокометаморфизованные, а взаимоотношения промежуточного и основного (возможно палеозойского) фундаментов не имеет для практики поисков нефти принципиального значения.

Доклад мой был основным по направлению нефтепоисковых работ. Судя по количеству людей, подхихивших ко мне с вопросами, как из среды камчатских геологов, так и приезжих, он имел большой успех. Широкий круг геологов эти идеи слышал впервые. Я почувствовал после совещания, что мой профессиональный авторитет растёт не только в глазах начальства, но и у коллег-геологов.

Почти сразу после совещания мы улетели в отпуск, и по пути в него я прошёл ещё одну экспертизу своих идей. Поддавшись поголовному среди геологов в ту пору психозу и уговорам Вошинского, Крылова, друзей, Инны я ещё раньше сдал в Институте Вулканологии кандидатский минимум по философии и английскому языку (пригодились курсы), а сейчас заехал сдать экзамен по спецпредмету (геологии) по месту аспирантуры – МГУ, куда я решил поступить из-за того, что считал работавшего там В. И. Хаина лучшим тектонистом страны. Показал ему свою тектоническую схему, и мы побеседовали вокруг неё часа полтора. Я спросил, уходя, сдал ли экзамен.

– О чём Вы говорите! Это уже больше, чем кандидатская диссертация. Оформляйте, приезжайте, я Вас жду!

Защита отчёта состоялась после отпуска в конце года. Несмотря на неоднократные и успешные проверки идей (на техсоветах, конференциях в Хабаровске и Петропавловске, у Министра, Хаина), проходила она тяжело. Хватало завистников,

да и просто дураков, так что критиков было много. Рецензий было две, одну писал Ю.В. Жегалов с преимущественной оценкой чисто геологических выводов, вторую – В. В. Крылов, с преимущественной оценкой рекомендаций по направлению нефтепоисков. Первый считался одним из лучших геологов – региональщиков (он работал начальником ГСЭ), второй – главным нефтяником. Обе рецензии были хвалебные, почти без критических замечаний, а те, что были – надуманы. Обе в конечном итоге рекомендовали оценку «хорошо». Ещё до заседания научно-технического совета я написал ответ на обе рецензии, в котором показал, что из их текста не вытекает оценка «хорошо», а напрашивается «отлично». Оба рецензента не очень и противились, сказали, что вроде как «отлично» у нас не практикуется. Мне было обидно слышать такие детские объяснения от людей, которых я уважал. В заключительном слове я ответил и на все критические замечания выступавших. Никого не пропустил, боролся как лев. Видимо, успешно, потому что постановление НТС гласило: «Принять отчёт с оценкой «отлично» и рекомендовать его к опубликованию».

Боролся я не столько за слово «отлично», сколько не мог стерпеть ни малейшего упрека: каждая идея, мысль, мыслишка казались мне безупречно обоснованными, каждая строчка выстраданной. За время работы над темой я действительно неимоверно расширил свои знания, гораздо больше, чем получил их за годы учёбы в институте и работы в Кроноцком районе. Та работа стала моим высшим творческим достижением за всю жизнь.

Я ещё долго, бывая в Петропавловске, выслушивал поздравления от коллег-геологов по мере того, как они знакомились с моим фолиантом в 600 страниц и огромной папкой графических приложений к нему. На волне славы, по инерции, написал статью, опубликованную в солиднейшем журнале «Геотектоника», в котором до меня не публиковался ни один камчатский геолог, чем удовлетворил своё тщеславие. Но главное – много лет нефтепоисковые работы на Камчатке велись почти в полном соответствии с моими рекомендациями и даже после их (работ) передачи в Сахалинское ТГУ, они

учитывались. Моя тектоническая схема до сих пор (через 35 лет) входит во все обобщающие работы по Камчатке в практически неизменённом виде, лишь несколько детализируясь.

Моя увлечённость работой вовсе не означала, что я обходился без «хлеба и зрелищ». Фанатиком до такой степени я не был. Случались и «пульки», и застолья, и пикники, и рыбалки, и ночные «боления» за наших хоккеистов перед телевизором у Вошинского (телевизор тогда был редкостью), и другие мероприятия. Я на месяц съездил в санаторий один в 1967 году, а в 1968 году в продолжительном отпуске побывали всей семьёй.

Словом, бытовая жизнь текла. В ней мой образ лепила

Инна Смирнова

Инна, с течением времени всё успешнее. Она одевала меня, приучала к аккуратности, смягчала присущую мне резкость во взаимоотношениях с другими, прививала родственные чувства к родне. Я становился всё терпимее для окружающих, как по форме, так и содержанию. Репутация уже не омрачалась чёрными датами в календаре, так как застолья из «кабаков» переместились в наш дом или дом Вали, где я находился под присмотром Инны. Перемены во мне оценила и мама, сказав Инне: «Спасибо тебе за Лёню».

В том, что семейная жизнь складывалась удачно, «виноваты» были, возможно, не только сила любви, но и внешние обстоятельства. Закрытие Богачёвки и перевод на тему прервали мою типичную для геолога судьбу полевика, сулящую либо длительные разлуки, либо проживание в глухомани.

В то же время мы не надоедали друг другу на работе, как это распространено в геологии из-за частых внутривидовых браков. У нас были нормальные условия проживания в относительно цивилизованном месте и доходы, достаточные, чтобы не быть причиной конфликтов.

Если бы не годовичная болезнь и периодические напоминания о ней в виде явок в тубдиспансер (я состоял на учёте до 1969 года), жизнь можно было бы считать почти

безоблачной. Но к концу «тематического» периода, как будто в противовес моим успехам на работе, произошли горькие и трагические события.

Ничто их не предвещало. Наоборот, всё складывалось сначала лучше обычного. Потому что исполнилась наша с Борей десятилетняя мечта отдохнуть в отпуске вместе (это был 1968 год). После Богачёвки мы встречались с ним редко, только во время его приездов в командировки или проездов в отпуск. За это время судьба его существенно изменилась. В Богачёвке его явно затирали, долгое время числя геофизиком то по физсвойствам, то по каротажу. И если я свои выговоры за хулиганство нейтрализовал благодарностями, а мой профессиональный и карьерный рост шел всё время вверх, то у него оставалась только слава гуляки.

Вынужденный (из-за отсутствия других кандидатур) его перевод в сейсмику дал неожиданный для начальства, но вполне ясный для меня, результат. Он вскоре стал начальником сейсмоотряда, затем сейсмопартии, единственной тогда и самой крупной в экспедиции, включавшей в свой состав и бурение и насчитывающей 80-90 человек. Эта «орава» пронеслась по западно-камчатскому побережью, оставляя после себя память в виде появлявшихся через девять месяцев рыжих (!) корячат, и остановилась в Иче бурить и готовить структуры к бурению по тому плану, который я защищал у Министра.

Мы стали соратниками не только за «кабацким» столом, но и в деле нефтепоисков: я прослыл теоретиком этих поисков, а он их талантливый (слова В.М. Никольского) организатором и исполнителем. А в народе ему присвоили титул Короля Тундры.

Он возмужал, заматерел, набрал в теле, научился давить эмоции: на подчинённых не орал, не матерился, выгонял из кабинета и даже с работы ровным тихим голосом, так же тихо докладывал с трибуны. Ради дела мог упереться: например, он три раза выгонял за пьянку моего Васю (Медведева), два раза я его «восстанавливал», а на третий Боря даже мне отбил радиограмму «нет возможности». Появились сдвиги в мировоззрении: мы с ним всегда критиковали КПСС,

политику, власть, а тут вдруг он рассказывает мне, какой хороший первый секретарь Соболевского райкома Александр Михайлович Лобков, как он болеет за развитие района, как разбирается даже в геологии (на полке книжки стоят), как помогает. Я спрашиваю:

– Ты что, собрался в партию, в министры?

– Да нет, нынешнее положение – мой потолок.

– До потолка тебе далеко.

И я остался во мнении, что он созрел для делания карьеры обычным – через партию – путём.

Он по-прежнему много пил, но почти не пьянел, был душой застолий, как в сельских школах побережья, так и в ичинских домах и клубе, кумиром женщин. Но в личной жизни был несчастен. У него росло два сына от брошенных Светы Лопатиной и Кати Козловой. Проходя через Крутогорово, взял в гражданский брак местную учительницу Люду Москалеву, некрасивую женщину, никак не подходящую ему ни внешне, ни по внутреннему миру, стеснялся показывать её мне и Инне, и держал скорее как экономку. Боря завидовал моему семейному благополучию.

И вот я встречаю его в Днепродзержинске, везу в Днепропетровск и оттуда вдвоём улетаем в Ялту (Инна, героиня, меня отпускает). И мы освобождаемся от своего нынешнего статуса и возвращаемся в тот, первоначальный. Как сейчас говорят – оттопыриваемся.

Снимаем квартиру, отыскиваем небольшой, но уютный кабачок под названием «Ялта», регулярно заходим туда в обед и вечером, становимся любимцами официанток и мимолётных знакомых, от студенток третьего курса до начинающих дипломатов. Днём отходим на лежаках пляжа и духовно общаемся. Наши ожидания оправдались, нам было легко и свободно, хорошо.

А потом началась чёрная полоса. Там же (в отпуске) в Днепропетровске Женя сломал руку – упал то ли с бревна, то ли с турника. Пока я нёс его в дом, вызывали скорую, везли в больницу, ждали там операцию по совмещению костей, даже я, закалённый уже полевой жизнью и собственными травмами, с

трудом справлялся с отчаянием. Представляю, что переживала Инна. Его оставили в больнице, и мы приезжали туда, в отделение нас не пускали, он подходил к решётчатой двери, глядел на нас как из тюрьмы огромными глазами, полными слёз, просил его забрать – едва справлялись, чтобы самим не расплакаться.

Вскоре он уже носился на велосипеде в гипсе, и мы тревожились, как бы ещё чего не случилось. И не зря тревожились. Я поехал с ним в больницу снимать гипс, его сняли, и я увидел Женину руку, изогнутую дугой, как клешня у краба. Докторша мне говорит:

– Ну, ничего страшного, рука функционирует практически без ограничений, это лишь косметический недостаток, неважно – он же мужчина. А если настаиваете исправить, надо снова ломать и складывать.

Я не стал откладывать, советоваться с Инной, а сказал:

– Ломайте. – Но при этом высказал, без матерных слов, но с максимальным сарказмом, этой докторше, заведующей отделением (!) специализированной (!) детской (!) травматологической (!) больницы, кандидату наук (!), что любой сельский хирург справился бы с такой травмой играючи.

Домой его увезли в гипсе. С тех пор его поведение резко изменилось, видимо, сказались наркозы. Он стал бояться темноты, какие-то ужасы мерещились ему, и мы не могли, как раньше, оставить его одного, сказать «спи» и отправиться в кино или куда ещё, ждали, пока заснет.

Боря ещё отдыхал, когда в его партии произошло ЧП: при переправе через р. Ичу на ГТС-ке утонули восемь человек. Разбиралась министерская комиссия, в результате сняли с работы А.Л. Воцинского, а Борю понизили до начальника отряда, хотя фактически он продолжал исполнять обязанности начальника партии.

Боря эту трагедию переживал тяжело. Он вернулся из отпуска, когда ещё шло разбирательство, остановился у нас. Я пытался его подбодрить:

– Ну что ты так убиваешься, тебя же не было, не выгонят.

– Да не в том дело, я же с этими людьми работал, общался,

как ты не понимаешь?

– Понимаю, но всё-таки у нас это часто случается, пора привыкнуть. Радуйся, что, например, я не погиб.

После этого ЧП он наиболее опасные операции работы выполнял сам. Одной из таких была пробивка тракторами трасс для сейсмопрофилей. Из-за болотистой местности эти трассы обычно провешивались летом-осенью, до выпадения снега. Из-за увольнения Вошинского, других организационных упущений полностью такую работу выполнить не успели, приходилось прокладывать профили без вешек, и делал это Боря сам (а не топограф или оператор), сидя в кабине переднего трактора. В тот день, 25 января 1969 года, «окна» (незамерзающее озерцо под снегом) он всё-таки не заметил, и трактор провалился. Тракторист пытался спастись, вылез на гусеницу и бился головой об лед, а Боря даже не шелохнулся, сидел на своем месте как живой, с открытыми глазами.

Эта весть оглушила меня, выбила из колеи. Я встречал с Володей Бражаевым цинковый ящик из Ичи, отправлял его в Свердловск и не мог поверить, что в нём лежит мой друг.

(Много лет спустя он неоднократно являлся мне во сне примерно одного содержания: где-то в Свердловске я сталкиваюсь с ним, говорю: «Тебя же нет, ты погиб», – а он мне: «А ты видел»? – и я долго соображаю, сон это или явь).

Борису было 33 года. Ту площадь (Кисунскую) по моему предложению переименовали в структуру Шапиро, под этим названием она сохраняется во всех геологических материалах. Я уверен, что когда-нибудь там будет обнаружена нефть, и она станет месторождением.

Среди прибывших в 1965 году молодых специалистов был Юра Князатов. Его появление на Камчатке впечатляло. Он и его однокашник Саша Кабанов то ли уже с самолёта сошли навеселе, то ли добавили в аэропорту – так, что за короткий, всего трёхкилометровый путь в автобусе умудрились приехать не в экспедицию, а в вытрезвитель: качали права туземцам, не с должным почтением встретивших столичных Покорителей Севера. Услышав это от вызволявшего их Вошинского, я подумал: «Лихо начинают, круче меня!».

Их сразу же отправили в поле, и мне пришлось по просьбе А.Л. Вощинского встречать и устраивать жену Юры Таню Тимошенко – хрупкую симпатичную девушку с сумочкой на плече и свертком-ребенком (Аней) в руках. Меня пронзила жалость, что такая Золушка оказывается в руках такого Бандита.

Я улетел лечиться, а когда вернулся, Юра большей частью находился в поле, а если и в экспедиции, то непосредственно по работе мы не сталкивались. И хотя они жили в соседнем доме, и его квартира все больше становилась центром гулянок молодежи, как моя – «стариков», мы долгое время не были близко знакомы. Ближе свёл нас Боря. В одной из своих командировок он так отозвался о работавшем у него оператором Юре:

– Этот мужик нашего склада – «пить так пить, работать так работать».

Я стал проявлять больше интереса к Юре, компании наши стали смешиваться, спаиваться (от слова «паять», а не «пить»), и он постепенно стал мне третьим другом. Получилось, что Боря как бы оставил его мне вместо себя.

Кажется, в ту же зиму на Камчатке случилась мощная пурга, во время которой Инна оказалась в Петропавловске (уехала с утра по работе), а я был с Женей дома. В волнениях пребывал до ночи, пока Инна не дозвонилась Вощинскому и сказала, что она у Березиных, сумела добраться до них. На другой день я вызволял её на ГТТ.

Я не зря переживал: в ту пургу с сопки Мишенной сошла лавина, снесла 9 домов, много людей, кроме того, задохнулись в застрявших в сугробах машинах. По неофициальным слухам (официальные сведения запрещались) после той пурги в моргах остались 68 человек.

Чёрная полоса продолжилась. В апреле 1969 года в День Геолога исполнилось пять лет существования Геофизической экспедиции – небольшой, но всё-таки юбилей, и отмечать его решили не в подвале конторы, как обычные праздники, а в ресторане «Север». Почти весь он был занят нами, геофизиками и гидриками (гидрогеологами).

В перекурах между тостами я заметил, что из-за какой-то

девушки конфликтуют наш Саша Кириллов и гидрик Серёга Каратаев¹⁸, но никакого значения этому не придал – обычное ресторанное дело. Возвращались домой весёлой толпой, распевая песни. Мы с Валею, Инной, Линой и Лашинскими шли последней шеренгой, взявшись под руки. Вдруг я чувствую мощнейший удар в лицо, как оказалось, кирпичом, вижу убегающих двух мужиков, падая на землю, кричу Вале: «Догони!»

Наши мужчины устремляются за теми двумя, а женщины хлопочут надо мной.

Утром, лежа на диване с перевязанной и больной то ли с похмелья, то ли от удара головой, принимаю бесконечный поток соболезнований и узнаю новости и подробности. Оказывается, перевязанными лежат ещё двое: Валя Иванов и Коля Некрасов. Накануне Валя, вторым в экспедиции после Коли, купил «Запорожца» – жучка. Коля помог машину пригнать, сели немного (до ресторана) обмыть. Коля делился теоретическими знаниями по вождению, решили закрепить на практике – сделать кружок-другой вокруг стадиона. На первом же круге Коля говорит:

– Нет, у тебя не получается, дай покажу, – и метров через десять они летят с берегового обрыва р. Половинки. Машина хоть и подлежит ремонту, но серьёзному, а водители лежат на диванах примерно в моем состоянии, хотя в ресторан не успели.

У Вали тоже болит голова. Во вчерашней погоне за бандитами Саша Кириллов догнал одного в тёмном переулке, и

¹⁸ *От редакции:* **Каратаев Сергей Михайлович** родился 11 ноября 1946 г. в г. Закаменске Бурятской АССР. После окончания в 1966 году Иркутского геологоразведочного техникума был направлен в Гидрогеологическую экспедицию Камчатского геологического управления, где прошёл трудовой путь от младшего техника-гидрогеолога до начальника гидрогеологической партии.

Вся деятельность С.М. Каратаева была связана с поисками и разведкой месторождений пресных, минеральных и термальных вод. В 1978-86 гг. возглавлял съёмочные партии, в 1986-2001 гг. – Камчатский гидроэкоцентр. В 2001-2011 гг. – генеральный директор ООО «Аквариус», ООО «Аква».

Умер в апреле 2011 года, похоронен в г. Елизово.

со всего маху ударил его по голове бутылкой шампанского. Бутылка вдребезги, а бандит оборачивается и говорит:

– Ты что, сдурел?

То был Валя (хорошо, что на его голове была шапка).

Выясняются причины, почему я стал объектом для кирпича. Серёга Каратаев и его друг Стас Котельников приняли меня за Кириллова, потому что у нас были одинаковые пальто – джерси и шляпы, и мы примерно одной комплекции. Вот и получил я тогда, когда мой положительный статус, казалось, уже исключал что-либо подобное. Это как автомобиль на дороге: сам не въедешь, так его стукнут. От сумы, тюрьмы и ... кирпича не зарекайся.

У меня признали сотрясение мозга с потерей трудоспособности более чем на 21 день, так что Каратаеву грозила тюрьма до 3 лет, но я его, в конце концов, простил, и заявление из милиции забрал. Однако на всю жизнь я остался кривым: были поражены нервы на левой скуле и мышцы потеряли подвижность – как после инсульта. Валя к врачам не обращался, но скорее всего у него была обширная внутричерепная гематома, которая, возможно, трагически сказалась в дальнейшем. Коля Некрасов и Валя Иванов вылечились без последствий и даже без последствий для хороших отношений.

С. Апрельков. Лагерь на оз. Коячан. 1969 год (бумага, тушь)

ГЛАВНЫЙ ГЕОЛОГ

В августе 1969 года, то есть ровно через 10 лет работы, меня назначают главным геологом экспедиции. Этот поворот вряд ли можно назвать случайным: мой опыт полевика, разведчика, интерпретатора и роль, которую я уже играл фактически в направлении нефтепоисковых работ, а они были преобладающими как в ГФЭ, так и в КТГУ, делали такое назначение закономерным.

Назначение требовало утверждения партийными органами. Когда меня с этой целью вызвали в Елизовский райком КПСС, его первый секретарь Котов спросил:

– А какую партийную работу Вы выполняете?

– Я не член партии.

– А как же мы будем тобою руководить? Придётся тебе вступить, пиши заявление.

– Да нет, я не вижу связи между работой и членством в партии. Назначают-то меня за производственные дела.

– Ладно, подумаем.

Через несколько дней мне сообщают, что утверждение состоялось, – мягкий человек был Котов.

К тому времени из состава экспедиции бурение уже было выделено в самостоятельную нефтеразведочную экспедицию (ЗКНРЭ – Западно-Камчатская нефтеразведочная экспедиция, создана в 1968 г).

Но и оставшихся работ хватало: были две сейсморазведочные, гравиметрическая и каротажная партии,

около десятка рудных партий и отрядов, мехцех, гараж, склады, два двухэтажных дома под контору и камералку; для работников построены восемь восьмиквартирных домов и покупались дома в частном секторе.

Всё в большем числе прибывали молодые специалисты, «старики» были ещё не очень стары, люди быстро притирались друг к другу, и складывался дружный коллектив. Сами строили во дворах катки, хоккейные коробки, в подвале конторы проводили спортивные мероприятия, летом озеленяли и благоустраивали посёлок.

Однако руководство этим уже довольно солидным предприятием было ослаблено увольнением А.Л. Вощинского. Исполнявший его обязанности Я.Б. Шварц по своим качествам был прекрасным главным геофизиком, но для начальника экспедиции ему не хватало жёсткости.

Поэтому в 1970 году был назначен новый начальник – С.Е. Апрелков¹⁹. Когда-то, ещё студентом, он проходил у Никольского практику. Этим, возможно, объяснялся выбор. Сейчас он был уже известным геологом, кандидатом наук. Но имел опыт только начальника партии на геологической съёмке – наиболее лёгкого по

¹⁹ *От редакции:* **Апрелков Сергей Елистарович** родился 09 октября 1934 года в с. Галкино Шилкинского района Читинской области. В 1958 году окончил Дальневосточный политехнический институт им. В.В. Куйбышева (горный инженер-геолог) и прибыл для работы в Камчатское РайГРУ Северо-Восточного геологического управления. С первого года работы на Камчатке руководил геологическими партиями Геологосъемочной экспедиции: Асачинской, Запорожской, Вилючинской, Ново-Коряжской, Эссовской и др. Под его руководством Ново-Коряжская партия в 1962 году открыла первое на Камчатке россыпное месторождение золота Каменистое.

В 1970-73 гг. – начальник геофизической экспедиции. В 1973-82 гг. – начальник опытно-методической партии КТГУ. С 1982 года до выхода на пенсию работал старшим геологом СП-17 Елизовской ГФЭ. Автор более 70 опубликованных работ по геологии Камчатки Кандидат геолого-минералогических наук.

С. Е. Апрелков оставил после себя не только геологические отчёты и карты, но и много прекрасных пейзажных рисунков, выполненных чёрной тушью. Умер в 2009 году в г. Елизово.

организации вида работ. Был полным дилетантом в геофизике, бурении, технике. У Никольского имелись варианты выбора среди геофизиков, поэтому назначение «постороннего» Апрелькова коллектив принял как издевательство над собой, и все три года его «правления» работал, как мне кажется, сам по себе – потому, что уже был хорошим. Впрочем, лично у меня с Апрельковым особых конфликтов не было, потому что мы, как специалисты-геологи, уважали друг друга. Так же автономно работал Шварц.

В моих новых обязанностях главной была ответственность за качество работ, как полевых, так и камеральных. С особым удовольствием я приступил к контролю полевых работ, то есть посещению полевых партий. Пока я корпел над темой, с природой общался в основном в окрестностях Елизова. Хотя это было прибыльно и приятно (грибы, рыба, ягоды, пикники) и сопровождалось иногда комическими или трагическими происшествиями, но для души не хватало. Романтик жил во мне, тело рвалось к былым нагрузкам и приключениям, душа – к простору.

В те годы я побывал в нескольких местах Западно-Камчатской низменности с её бесконечными болотами, озёрками, тундрой и редкими лесистыми увалами. Летом серая, зимой белая саванна, глазу не за что зацепиться, и кажется поначалу, что скрытая ею геологическая картина недр, нарисованная мною на тектонической схеме, гораздо богаче и красочнее. Но потом, когда увидишь у охотников шкурки соболей, сам подстрелишь гуся, глухаря, из Ичи, Голыгино или Крутогоровой вытащишь метровую рыбину, послушаешь рассказы, осознаешь, что и поверхность не так бедна и уныла, как кажется.

Полетал на вертолёте над Камчатским перешейком, где увидел северную тундру – более возвышенную и среднегорную, почти без болот, но и полностью безлесную, лишь с пятнами могучего кедрача. Ещё севернее, на руч. Валунном погонял гусей, в руч. Хрустальном половил полуметровых хариусов, на р. Вывенке – огромных чавыч. На юге вернулся в родную стихию гор, полазал по Ганальским вострякам за баранами.

Заехал недалеко и ненадолго в Центральную Камчатку, в бассейн р. Кимитиной, где были уже другие болота – с буйной растительностью и среди настоящей тайги.

В дальнейшей жизни я возвращался в эти места и попадал в новые, так что познавал Камчатку и вглубь и вширь. И не уставал ею восторгаться.

Бывая в той или иной партии, я старался, как можно больше походить по площади её работ, при случае поохотиться или порыбачить, то есть окунуться в стихию полевой жизни. Условия этой жизни геофизиков резко отличались от тех, в которых работали мы. Невольно возникало чувство обиды, – за что мы страдали?

Крупные партии (сеймики, гравики) вообще базировались в посёлках или жили в балках, а если и в палатках (гравики), то благоустроенных, утеплённых. Более мелкие рудные партии и отряды работали на ограниченных площадях и потому тоже имели обустроенные лагеря: палатки натянуты на каркасы, в них печки, нары, дощатые столы, иногда и полы, при лагере – столовая, какая-никакая баня, у всех спальные мешки, под ними войлок, обычно есть движок для электричества или аккумуляторы. Нельзя было увидеть, чтобы эти «аристократы» от геологии работали в дождь или мокли в реке по необходимости, а не из-за рыбалки. По сравнению с моими сезонами – настоящий курорт.

В поездках происходили те или иные события, наблюдения, важные или ничего не стоящие, но составляющие колорит жизни. Некоторые приходят на память, даже если её не ворошить. Это не значит, что они важнее других. Просто неизвестно, по каким законам память принимает, хранит, а потом выдаёт пережитые в жизни ощущения.

В первой же поездке на Ичу столкнулся с абсурдным противодействием. Закончив дела со своими сейсмиками и каротажниками, я решил познакомиться с керном и другими материалами по скважинам. Попросил Кима Павлова (богачёвского) и Эдика Калимуллина (его я устраивал в свое время на работу к Боре и вообще ему покровительствовал) помочь разложить керн из кернохранилища.

Только мы начали этим заниматься, как прибегает Коля Краснопевцев, начальник геологического отдела ЗКНРЭ, и говорит, вроде не зная, куда деться от смущения, что Семён Петрович Скуратовский (главный геолог ЗКНРЭ) запретил показывать мне какие-либо материалы, сам он находится в командировке в Петропавловске (не поленился оттуда запретить). У меня «в зубу дыханье сперло»: как, отказать мне, «отцу» или, по меньшей мере, одному из «отцов» всех нефтепоисковых работ?! Иду к начальнику ЗКНРЭ Сарычеву, и всё это ему выкладываю.

– Да я согласен с тобой, – говорит, – но не хочу вмешиваться в дела геологов, мое дело бурить.

– Ладно, – говорю, – вызовите на связь Тарасенко.

По рации (жалко, что не по проводам, а то бы они раскалились) ору, что вот хочу взять все свежие данные, чтобы улучшить интерпретацию геофизических материалов, а эти подонки, ваши друзья, такое вытворяют. Может, они у Вас сумасшедшие? Тихон заводится, наверное, не меньше меня, тут же дает радиограмму Сарычеву, обязывающую обеспечить меня всем, что захочу. Скорее всего, делает там, в городе, «втык» Скуратовскому (я тебя за уши тащу, а ты такой-сякой). И всё резко меняется: мне дают двух рабочих на ящики, Коля бегают, уточняет, что Вам, Леонид Михайлович, ещё нужно, какую «каротажку» скопировать, что подготовить. Даже Сарычев подходит поинтересоваться, всем ли я доволен. Не знаю, как потом Семён Петрович восстанавливал свой авторитет.

Возвращался тогда из Ичи (может, это было в другой раз, точно не помню) на теплоходе «Петропавловск». Со мной плыли «сеймики» Назаров и Андрющенко: первый – в моей каюте, второй – в соседней. Уменьшить влияние качки, в чём особенно нуждался я, и скоротать время решили в ресторане. После него Назаров ушёл «кадрить» каких-то тёток, Андрющенко привёл к себе в каюту нашу официантку, а я забрался на свою полку и тихо мучился в попытках заснуть.

Среди ночи слышу, что в галюон, общий для двух кают, вваливается официантка и блюёт, перемежая процесс матерками. «Вот, бедолага, укачалась», – думаю. Но

открывается дверь не в соседнюю, а в мою каюту, и вываливается она, абсолютно голая. Шарит и, понимая, что попала не туда, с «мать-перемать» удаляется к себе. Очень неплохо сложена, можно сказать, Афродита, и стихов достойна, и слюней, если б не блевала, а меня не укачивало. Представил, как утром будет мучиться похмельем, и посочувствовал.

В Петропавловск прибыли в полдень. Стою на палубе, наблюдаю выгрузку, и не верю глазам своим: наша официантка, эта ночная страдаллица, появляется сияющей, чистой, как весенний ручеёк, простодушно-наивной, как Наташа Ростова, легко спархивает с трапа, где внизу её ждет и подхватывает капитан третьего ранга с огромным букетом цветов, – по всему поведению, муж. Неимоверной силой наделена всё-таки женщина: так виртуозно скрыть последствия «бодуна» и блуда не сможет ни один мужчина.

Обычно наиболее трудным был путь в северные партии. Надо было рейсовым самолётом долететь до Оссоры или Корфа, а уже оттуда до базы партии вертолётom, специально заказанным, реже – попутным. На «пробивание» и ожидание вертолётa уходило много времени, тогда советская экономика ещё росла, и было проблемой не оплатить вертолёт, а влезть в очередь на него. В ожидании приходилось «кантоваться» где попало. В Оссоре чаще всего это были «Три карася» – бараки, построенные для сезонниц, завозимых с материка на лососевую путину. В одном из них, например, я подждал Карла Вальяна, который выбирался в отпуск, а я на том же вертолётe должен был улететь на его базу в Рекинниках.

Сезонницы уже уехали, но барак был полностью забит путешествующей публикой: кто из отпуска, кто в отпуск, кто в командировке, одиночки и семейные, иные с детьми, человек двадцать в комнате. Одни радуются случайной встрече и бегут за бутылкой, другие похмеляются после вчерашнего и позавчерашнего, третьи – старожилы, у которых уже ничего не осталось – отрешённо глядят в потолок. Жены пилят мужиков, но готовят им закуску, дети пишат. Находятся балагуры, готовые травить анекдоты всю ночь, и пистолетом им глотку не заткнуть.

Заснуть в такой обстановке невозможно. Но всё же не на улице. *(И лучшие другого барака, в который мы попали как-то с Борей Шапиро. Тогда мы вылетели с ним из Богачёвки в Петропавловск, но пурга посадила кукурузник в Жупаново. Сквозь снег и ветер мы брели по посёлку. Постучались в барак, сквозь стены (щели) которого пробивался свет. Он оказался тоже приютом сезонниц, но они, несмотря на начавшуюся зиму, почему-то были все на месте. До утра мы продержались в уголке барака, окружённые этими бесстыдницами. И думали только о том, как бы уцелеть от группового изнасилования нас ими – страшные истории рассказывали о зверствах изголодавшихся женщин).*

Карл, наконец, прилетел, и я удивился, что он выгружает из вертолётa несколько полуметровых базальтовых шаров и собирается взять их с собой в Елизово. На расспросы улыбается, но назначение груза скрывает. Как потом оказалось, то были конкреции аметиста с мыса Теви.

В то время размываемое прибором месторождение самоцветов-аметистов и агатов было только обнаружено, ещё не растащено геологами и туристами. И иногда удавалось находить действительно уникальные, как по величине кристаллов, так и по окраске, образцы.

Дома Карл соорудил из них сказочное сооружение, от пола до потолка, подобного которому нет, наверное, ни в одном геологическом музее мира.

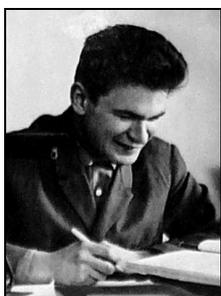
Партия заканчивала сезон (вместо Карла оставался П.И. Ширейко), но я успел полюбоваться природой, познакомиться с технологией выполнения гравиметрической съёмки и удивиться бесшабашности тогдашних вертолётных асов. Летали на вертолётe Ми-4, который базировался прямо в партии. Вертолётчики жили в отдельной палатке, до полуночи резались в «храп» (карточная игра), часто крепко выпивали, но утром всегда были готовы к вылету. В последний день съёмки Леня Дербенёв, командир вертолётa, сказал: «Буду возвращаться, этот столб собью колесом шасси», – это про столбы, на которых была натянута волейбольная сетка.

И действительно это сделал, я свидетель. Я вспомнил

тогда и других асов, богачёвских, и особенно старейшего из них – Александрова. Он летал на «гравике» у Вали на МИ-1 – «комарике». Я лично был свидетелем, как однажды он снял поочерёдно с уносимого штормом в океан плашкоута двух человек, в другой раз прилетел в Богачёвку с обломанным хвостом, привязанным веревками, в третий – привёз привязанного к фюзеляжу убитого медведя. А сейчас даже МИ-8 падают на ровном месте, – мельчает народ.

Немногом лучше оссорской была обстановка и в Корфе, где мы, геофизики, (пока не построили себе собственную базу), перебивались на полу в аэропорту (домик типа сарая), у знакомых геологов из СКГРЭ или в собственных палатках.

Иногда везло, как, например, в 1972 году, когда Юра Князатов организовывал третью сейсморазведочную партию, а Андрей Портнов выполнял двухсоттысячную гравиметрическую съёмку. Сейсмпартию надо было базировать в п. Вывенка, в Корфе скапливались грузы для транспортировки туда, в том числе были уже два балка. В них жили Юра с дочкой (Аней), его тракторист, два рабочих, две прибившиеся девки из сезонниц. Андрей базировался в корякском стане на р. Вывенке, но часто прилетал в Корф по делам авиации (заправка, смена экипажей и т.д.). И прибавился я, в ожидании вертолёта к Юре Лащинскому на руч. Хрустальный.

Андрей Портнов

Юрий Князатов

Валентин Воротников

Ожидание было приятным, так как было не только где ночевать, но и где поесть, и я находился в обществе друзей, с которыми по вечерам расписывали пулюку. Подлетел из Елизова

и Валя (Воротников), с таким же, как у меня заданием, только по линии топографии. Мы с ним разделились: я улетел к Лашинскому, а он поехал с Юрой на Вывенку.

В Елизово я вернулся раньше, но буквально через день-два появляется и Валя. Говорит, что привёз пятидесятилитровую бочку икры, она в аэропорту, надо её привезти, скрыв от глаз людских, внести в дом. Рассказывает перипетии:

– Расписываем вечером пульку, стучит коряк, просит у Юры бутылку, он даёт, но приказывает принести бочонок икры, стоит там-то. Коряк прикатывает, мы пакуем его в деревянный ящик, обкладываем стружкой, маскируем под ёмкость с кислотой. В Корфе перегружаю с вертолётa прямо в самолёт, дрожу от страха, но «спецгруз» проходит.

И вот Инна и Лина моют-кипятят банки, бочка стоит в коридоре у Вали, всё готово, мы дрожим от нетерпения и жадности, берём молоток и долото, прицеливаемся выбивать дно... и тут звонок в дверь. На пороге Эрик Бакланов, подвыпивший, с явной целью добавить. Мы пытаемся не пропустить его на кухню, Инна бежит из нашей квартиры в Валину и наоборот, изображает занятость и нужду в моей помощи, Валя клянётся Эрику, что выпить нечего, Эрик садится на бочку и продолжает «трепаться». Обычно скромный Эрик становился разговорчивым и назойливым, как только выпьет, и чем больше, тем назойливее. Поэтому налить ему стакан было смерти подобно. Мы настойчиво гнули свою линию и уже на грани деликатности вытеснили его всё-таки из квартиры. Наконец- то. Бросаемся к бочке. С очередным ударом молотка дно вылетает и на нас брызжет рассол: в бочке оказывается селёдка.

После короткой немой сцены раздаётся хохот, сначала нервный, а потом искренний, дружный, расслабляющий. Мы садимся на кухне и смываем всё сразу: и обиду на коряка, который перепутал бочки, и Валин страх перед карающей рукой досмотра, и наш тайный рывок с бочкой из аэропорта в квартиру, и обиду от зряшной работы со стеклотарой, и нервный тик от Эрика. Заодно обмываем и добычу – хорошо, что оказалась селёдка, а не, скажем, кирпичи.

Моя поездка к Юре (Князатову) на Вывенку в следующем году была успешнее. Юра удачно отработал зиму, обжился и был уже одним из наиболее уважаемых людей. Он помогал посёлку, чем мог (техника и т. д.), жители отвечали тем же. Перед моим отъездом за добычей мы поплыли с ним на моторке на третью (от устья) рыбалку. Там я увидел настоящую чавычу, какой не видел больше нигде.

Как только мы приплыли, я стал бросать спиннингом блесну. Бригадир спрашивает: – Что хочешь поймать?

– А что попадется, лучше чавычу.

Он усмехнулся. Рыбаки перепились водкой, что мы привезли, и нам с Юрой пришлось с утра проверять их сети. Технология такая: движемся на огромной лодке вдоль сети, перебирая её, подтягиваем очередную рыбину к борту, один её держит, второй (кому сподручнее) бьёт палкой по голове, чтобы не билась, но часто и по рукам напарника, так как её трудно удержать, потом выпутываем и затаскиваем в лодку. В каждой сетке попало штук по 20 чавыч, так что занимались этим полдня. После обеда разделявали рыбу и солили, так как бригада всё еще была в «отключке». Такой тяжёлой работы я давно не выполнял. Рыбины были удивительно одинаковы по размеру, как будто прошли где-то сортировку, и все весом по 45 кг. Я не мог поднять её на высокий разделочный стол, это делал в основном Юра. Стало понятно, чему ухмылялся бригадир. Я увёз с той рыбалки чавычу и ведро икры, но это был поистине трудовой заработок, не считая даже пропитой водки.

После одной из своих поездок в поле я сказал Инне: «Ты меня совсем привязала. Знаешь, не успею на сотню километров удалиться от дома, как начинаю думать о тебе, – где ты, что делаешь». И то было чистой правдой. Я и не подозревал, что до такой степени привяжусь к Инне, дому, сыну, уюту.

Инна так вылизала квартиру, главное – обустроила в туалете душ, что я не хотел из неё уходить, когда мне предложили трёхкомнатную благоустроенную квартиру в новом доме в центре Елизово. Но всё-таки переехали, и я обнаружил, что мы уже так обросли скарбом, что еле-еле уложились в

большой грузовик. Было даже пианино для Жени (за много лет обучения он научился играть «чижика-пыжика» – весь в меня, мне тоже медведь на ухо наступил, – но зато Валя играл «Баядеру» во время застолий). А начинали с двух чемоданов, моего и Инны, при том ещё, что я год проболел, довольно часто выезжали на материк, любили гостей.

(Мой чемодан достоин оды. Он из толстой фанеры, неокрашенный, с навесным замком, больше похожий на крестьянский ларь, чем предмет для путешествий. В нём в 1947 году папа возил на продажу яблоки в Москву. С ним уезжал обустроиваться на новом месте при переводах. С ним – затолкнул меня в тамбур вагона, отправляя в 54-м году в институт. С ним – пережил первую в моей жизни длинную дорогу в Сибирь и обратно. Его я тащил на плечах по мужичке из морпорта в Сероглазку, когда впервые прилетел на Камчатку. Рядом с ним лежал возле бревна на берегу бухты Ольга, отходя от морской качки. В нём долгие годы хранилось всё мое богатство, сначала под студенческой кроватью, потом при холостяцких скитаниях по «Крейсерам», съёмным квартирам. Он ждал меня в чьём-нибудь коридоре или сарае, пока я уезжал в поля и бродил по горам-лесам. И даже в Богачёвке, где были свои стены, он служил мне и комодом, и книжной полкой, и шкафом. Пролежать годы где-нибудь в чулане может и простая сумка, но выдержать такие перипетии мог только он. Лишь с приездом Инны в 1964 году из её и моего чемоданов стали выползать и расселяться трусы, майки, рубашки, платья, кофты, штаны, клонируясь и давая начало нашему благосостоянию. Мой чемодан, в конце концов, переселился в наши с Валеё сарай, хранил там наши инструменты, и там остался, когда мы переехали в 72-м году на новую квартиру. Вот истинный раритет. Бюстгальтер Марлен Монро, колготки Мадонны или старинный лимузин, за которые платят тысячи и миллионы долларов, меркнут перед ним. Те вещи обязаны только именам своих хозяев, а мой чемодан заслужил почестей своим горбом. И, как и всё заслуженное, тихо умер в забвении).

Вернувшись из отпуска 1972 года, я узнал, что летом на

Камчатке побывал В.Е. Хаин и настойчиво меня разыскивал – к удивлению всех, так как мало кто знал, что я числюсь у него аспирантом. Я испытал лёгкие угрызения совести, что вовремя не предупредил его о своем решении не представлять диссертацию.

Хотя, я уверен, моего отчёта хватило бы и на докторскую диссертацию, её надо было писать: из 600 страниц делать 150 (предел), графику переделывать в более мелкий масштаб, печатать, переплетать, синьковать и т. д., то есть делать довольно большую техническую работу (учитывая отсутствие в ту пору современных компьютеров, ксероксов и т.д.) Уже сама по себе такая работа претила мне, поскольку не содержала никакого творчества. А тут ещё новое назначение, новые обязанности, другие интересы и ответственность. И я подумал: зачем? Тематическую работу я выполнил для конкретной практической цели, сейчас эту цель осуществляю. Отчёт лежит в фондах, и им пользуются сотни людей, тогда как диссертации канут в Лету сразу после защиты. Остаётся единственная, меркантильная цель – прибавка к зарплате за звание. Но она не была настолько актуальной, чтобы заставить себя заниматься такой «тягомотиной», денег на жизнь хватало, а больше мне никогда и не было нужно. Мой профессиональный и служебный (карьерный) статус был уже выше или, по меньшей мере, не ниже всех имевшихся в системе камчатской геологии кандидатов наук – не надо было ничего доказывать ни себе (главное), ни людям.

Я уже довольно чётко представлял себе мир науки, чтобы убедиться, что работа геолога-производственника более творческая, живая и полезная, чем геолога-учёного. Потому что производственник добывает материалы каждый год, творит всё время новое и открывает месторождения, а учёный «жуёт» свои скудные материалы, добытые в молодости, или копается в книгах и практически ничего не производит. Даже истинные учёные большую часть времени занимаются не творчеством, а однообразной нудной рутинной типа чтения лекций студентам. Не истинные, в том числе и откровенные шарлатаны, прозябают во всевозможных институтах в атмосфере безделья, интриг. Так

что я явно не хотел идти, скажем, по стопам Олега. А получать степень кандидата наук, то есть обозначать свою причастность к научной деятельности и оставаться до конца жизни в этом звании просто стыдно – всё равно, что школьник-второгодник.

Объяснил всё это Инне, она со всем согласилась, хотя я почувствовал её сожаление, что не сможет похвастаться учёным мужем.

Вскоре после переезда на новую квартиру случилось ЧП, мы едва не потеряли сына. Я находился в сейсмопартии в районе р. Гольгино. По радиации мне сообщают, что что-то случилось в семье, надо выехать, посылаем машину. В полной панике добираюсь на вездеходе до р. Большой, ищу лодку, переправляюсь, машина уже ждёт, к вечеру – дома. Соседи говорят, что Инна с Женей в больнице, бегу туда. Сердце оборвалось, когда их увидел: лица как на иконе, бледные, неживые, в мученических глазах слёзы, кажется, что оба похудели вдвое.

Разрешаются, наконец, догадки, мучившие меня весь день: рядом с нашим домом были вырыты траншеи под фундамент будущего торгового центра, по ним бегали-играли ребятишки, неожиданно обрушился отвал, и Женю засыпало грунтом с крупной галькой и валунами. Пока одноклассник Жени семилетний Саша Шестаков бегал домой на третий этаж (хорошо, что догадался), рассказал маме (хорошо, что оказалась дома), пока она собирала соседей (были одни женщины), пока искали лопаты, вызывали скорую, раскапывали завал, Женя уже был без признаков жизни. Но откачали и увезли в больницу. Инна была на работе, представляю, что она пережила, когда ей сообщили. Дорого ей обошлось то потрясение – у нее начали сыпаться волосы, появились первые сединки. Этот случай, может быть, оправдывает излишнюю, на мой взгляд, опеку, которую она проявляла к Жене всю оставшуюся жизнь.

В 1973 году сменились все мои начальники, что, так или иначе, сказалось на атмосфере, в которой я продолжал работать.

Первыми полетели «высокие»: В.М. Никольский и Т.В. Тарасенко.

Никольского снял обком – несправедливо, как позже он писал в своих мемуарах, с чем можно было бы согласиться, если бы он не оправдывал подобного же увольнения своего предшественника П.Т. Ускова. Сейчас хотя бы формальные зацепки были: в ЗКНРЭ произошел ещё один громкий несчастный случай – при переправе через р. Ичу утонули 6 человек.

Вместо Никольского назначили Р.А. Ремизова²⁰, бывшего при нём главным инженером. Ремизов в геологию не вмешивался, заботился в основном о выполнении физических объёмов работ, от него я был дальше, чем от Никольского.

Тарасенко сняли, видимо, за компанию с Никольским, чтобы не подумал, что выиграл битву с ним. Его назначили главным геологом ГСЭ, так что из моего начальника он превратился в коллегу.

На его месте оказался Юрий Иванович Харченко, но мог оказаться и я. Дело обстояло так. Вечером в субботу мне звонит Ремизов и говорит, чтобы завтра был на работе к столько-то. Приезжают он, начальник Управления благородных металлов Министерства геологии РСФСР Цопанов и Харченко – работать в геологии мы с ним стали почти одновременно, сейчас он был главным геологом ЦКГРЭ (*от ред. – в 1973 году Ю.И. Харченко работал главным геологом Центрально-Камчатской ГРП,*

²⁰ *От редакции:* **Ремизов Рем Александрович** (1933-2006 гг.) Родился в Тамбовской области. В 1956 году окончил Карело-Финский (Петрозаводский) госуниверситет, инженер-геолог. После окончания университета работал в Южно-Якутской экспедиции ЯТГУ, где занимался поисками и разведкой месторождений углей в Южно-Якутском каменноугольном бассейне. В 1965-1968 гг. – главный инженер ЮЯКЭ и Янской ГРЭ.

В 1968 году Р.А. Ремизов назначен главным инженером Камчатского ТГУ, в 1973 году – начальником КТГУ. В 1980 году, после реорганизации КТГУ в ПГО «Камчатгеология», стал его первым генеральным директором, работал в этой должности до августа 1983 года.

В период его руководства объединением получили мощное развитие геологоразведочные работы на Камчатке (Сергеевское, Агинское, Аметистовое и другие месторождения)

Умер 11 июня 2006 года в г. Москве.

экспедиция была создана несколько позднее – в 1975 году). Цопанов просит меня показать полевые материалы по работам на золоторудном участке Балхач, близком к Агинскому месторождению. Материалы были только что привезены, не обработаны, особого интереса не представляли. Я понял, что ситуацию создали искусственно, чтобы посмотреть, насколько проворно я смогу извлечь эти материалы из фондов в выходной день и докладывать о том, с чем и сам едва знаком. Это были смотрины – выбирали, кого из нас двоих сделать главным геологом КТГУ.

Дело в том, что к тому времени в работах КТГУ наибольшее развитие получили два направления – на нефть и на золото. По первому я был безусловным геологическим лидером, особенно после смерти В.В. Крылова в 1970 году. По второму выбрали Харченко. Если бы в командировке оказался начальник Управления нефти, а не золота, назначили бы меня.

Такой исход меня вполне устроил: если бы остановились на мне, ещё надо было бы меня уговорить, так как я боялся ответственности за другие, кроме нефти, направления работ, и потому что я вовсе не хотел уезжать из Елизова в Петропавловск, ломать наладившуюся жизнь, менять окружение.

С Ю.И. Харченко²¹ я работал в согласии, с ним и

²¹ От редакции: **Харченко Юрий Иванович** (1932-1987 гг.). родился в г. Камышине Сталинградской области. В 1954 году окончил Каспийское высшее военно-морское училище им. Кирова в Баку. Служил на Камчатке, командовал группой военных катеров. В 1959 году попал под сокращение Вооруженных сил СССР, поступил учиться на горный факультет во Всесоюзный заочный политехнический институт.

В геологической службе Камчатки работал в 1959-1987 гг., прошел трудовой путь от оператора-радиометриста, техника-геолога, геолога до главного геолога партии, главного геолога Южно-Камчатской ГРЭ В 1973-1987 гг. – главный геолог Камчатского ТГУ (ПГО «Камчатгеология»).

И. Харченко внёс большой личный вклад в дело изучения геологического строения Камчатки, в развитие её минерально-сырьевой базы. Автор и соавтор более 30 научных работ. Кандидат геолого-минералогических наук.

Умер 11 августа 1987 года. Похоронен в г. Петропавловске-Камчатском.

начальником геологического отдела Ю.А. Новосёловым у меня сложились хорошие отношения: я слушался их в рудной геологии, они меня – в нефтяной и региональной. Так что я, может быть, проиграл от смены начальника КТГУ, но выиграл от смены главного геолога.

Хуже дело кончилось в экспедиции. После Никольского сняли и Апрелькова – формально за несчастный случай со смертельным исходом, а фактически по несоответствию. Исполнять обязанности назначили меня, срочно вызвав с поля. Я никоим образом не выразил Ремизову ни признательности, ни тем более лизоблюдства – дипломатом я не был никогда.

Задолго до этого, а после снятия Апрелькова особенно, своё желание вырваться из Ичи всячески демонстрировал Скуратовский:

– Дайте мне геофизическую экспедицию, и я сделаю из нее конфетку.

Тогда подобное выпрашивание должностей было в моде и называлось «активной позицией коммуниста». Выпросившим, то есть зависимым, легче управлять, так выстраивалась лестница лизоблюдства.

А тут ещё случился казус со мной. Вечером приходит повестка: по решению райисполкома завтра к 9.00 выделить военкомату две автомашины ГАЗ-66 и УАЗик с водителями. Я знал, что подобная «мобилизация» проводилась военкоматами часто, в основном для галочки в своих планах, и выбросил повестку в урну. Назавтра телефонограмма: «Явиться к 17.00 в исполком». Я сажусь в машину и уезжаю в Петропавловск. Назавтра опять звонок из исполкома и звонок от Ремизова:

– Что там у Вас происходит, почему не явился вчера в местную власть?

– Ничего не случилось, вчера был на совещании у Вас, сейчас иду.

Прихожу к председателю райисполкома Александру Михайловичу Лобкову – тому самому бывшему секретарю Соболевского райкома, которым восторгался Боря. Объясняю, что машины не мог дать, потому что они нужны для обеспечения полевых работ. Он прерывает:

- Ты что, против советской власти?
 - Нет, против отдельных её представителей.
- Он аж подскочил от возмущения. Вызывает военкома:
- Покажи, что положено за невыполнение решения.
- Тот открывает Кодекс:
- Вот, до трёх лет.
 - У тебя семья есть? – это ко мне.
 - Да, жена и сын.
 - На кого же ты их оставишь?

Я всё ещё отношусь к разговору с юмором, думаю, просто «песочит», пусть потешится. Оказывается, отнюдь: он уже так отождествил себя с советской властью, что искренне считал, что борется за неё, а не свое реноме. Не добившись покаяния, но всё же не желая заканчивать дело тюрьмой, говорит:

– Правда, на заседании исполкома мы должны были Вас пригласить.

– Вот видите, – говорю, – там бы я всё и объяснил.

– Но после того как решение принято, оно становится законом. Однако не совсем законно принято.

На том и разошлись.

Может быть, не желая мороки с таким неуправляемым беспартийцем, на которого к тому же у П.А. Головина было досье о бурной молодости, а может благодаря подхалимажу Скуратовского и хлопотавшего за него Г.П. Декина²² (главного

²² *От редакции:* **Декин Геннадий Петрович** (1937-2018 гг.), ветеран геологической службы Камчатки. Родился в Петропавловске-Камчатском. В 1959 году окончил Свердловский горный институт, горный инженер-геофизик.

После окончания института работал в Камчатском РайГРУ, Камчатском ТГУ инженером-геофизиком, начальником отряда и партии, старшим геофизиком экспедиции. В 1966 г. назначен главным геофизиком Камчатского ТГУ (в дальнейшем – ПГО «Камчатгеология»). В 1992-99 гг. – главный геофизик Комитета природных ресурсов по Камчатской области и Корякскому АО. В 1999-2004 г. г. – зам. гендиректора, гендиректор ООО «Аква». В 2004-2009 гг. – начальник геолотдела ОАО «Камчатгеология».

В 2010 году переехал на постоянное местожительство в г. Старый Оскол Белгородской области, где умер 30.11.2018 г.

геофизика КТГУ), Ремизов назначил начальником экспедиции Скуратовского.

С ним мне пришлось туго, особенно, в первые годы. И дело не только в прошлых наших стычках, сколько в обстановке, которую он принёс с собой. До этого я работал в обстановке демократии. Какими бы недостатками ни обладали Усков, Никольский, Тарасенко, Вошинский, Шварц, Апрельков, я, никогда раньше служебное положение не использовалось для гонений. Всё высказывалось честно и открыто между собой и с подчинёнными, нас не боялись и мы не боялись. Скуратовский же стал руководителем забытого старого, а может быть нового советского типа: холуй – у начальника, сатрап – с подчинёнными. Первое называлось с трибун «гибкостью», второе – «требовательностью».

Он сразу стал раздувать аппарат, набирая туда преданных людей, часто менять начальников партий и отрядов без особых на то причин, стравливать друг с другом, запускать и поддерживать интриги, то есть, держать людей в напряжении.

Как пример, могу показать одну из попыток вовлечь и меня в круговорот интриг. Уезжая в отпуск, за себя он оставлял обычно меня. Сразу после одного из таких отъездов ко мне заходит Л.А. Шаповаленко, показывает проект приказа о её назначении начальником отдела кадров вместо занимавшей эту должность Г.Н. Кирилловой, и говорит, что Семён Петрович просил подписать. Естественно, я этого не делаю, вынуждаю самого заниматься таким грязным делом по возвращении. Но таким был, наверное, один я, остальные подчинялись. Я не терпел его вмешательства в мою сферу деятельности, и иногда стычки происходили прилюдно.

Апогея наши противоречия достигли после одного случая, который сам по себе показателен для характеристики производственных нравов того времени. Своим волюнтаризмом Скуратовский задел и Шварца: пробил для экспедиции должность главного инженера вместо главного геофизика, а Шварца назначил начальником подчинённого мне производственно-геологического отдела. Тот за подписью своей жены А.М. Осьмаковой, работавшей начальником партии, накатыл в Министерство «телегу», в которой характеристику

Скуратовского, данную мной выше одним абзацем, растянул листов на двадцать. Назначают комиссию из семи человек – министерского чиновника и начальников родственных организаций (экспедиций) со всей Руси Великой (чем не демократия?). Собирают на заключительное заседание начальников партий, отрядов и просят высказаться по поводу жалоб Осьмаковой. Читал ли кто-нибудь из них эту жалобу, не знаю, думаю, что нет, но все без исключения выступили и все, кроме Корякина, с осуждением Анны Михайловны:

– На что она может жаловаться? Ей и так всегда давали зелёную улицу в обеспечении работ материалами, транспортом и т. д.

Я сидел, слушал и диву давался: до чего же легко люди идут на крючок и не пытаются с него отцепиться. Никто не говорил по существу жалобы. А среди них были и мои приятели – Лащинский, Задирей, например. Когда все выступили, главный инженер КТГУ Сазонов говорит:

– А почему Леонид Михайлович молчит?

– Я не знаю сути жалобы, Вы не сочли нужным с нею ознакомить, о чём говорить?

– Вы должны осудить, поддержать коллектив.

Ремизов пресекает:

– Выступает тот, кто хочет.

Вот так обеспечивалась демократия: члены комиссии думали: «сегодня я прилетел, а завтра могут прилететь ко мне», наши думали: «они улетят, а мне тут работать, задавит». И тем и другим мыслям помогал Скуратовский: у членов комиссии – камчатскими деликатесами, у наших – колпаком; он не сидел эти дни сложа руки.

Добившись вывода «факты не подтвердились», Скуратовский осмелел расправиться и со мной. Поставил перед Ремизовым вопрос: или я или Смирнов. Тот вызывает нас, и вместе с Сазоновым, Харченко и Декиным начинает выяснять наши претензии друг к другу.

Я говорю: «Пусть не лезет в мои обязанности, как я не лезу в его». Скуратовский: «Он подрывает мой авторитет».

Сазонов говорит: «У меня нет претензий к работе Скуратовского». Харченко говорит: «У меня нет претензий к Смирнову». Ремизов: «Ну что ж, раз оба хорошие, даю вам три месяца сработаться. Вы, видно, забыли, чем кончили Никольский и Тарасенко, то же будет и с вами».

Скуратовский убедился, что со мной не так легко справиться и стал меняться: всё меньше вникал в методичку, результаты работ, планы, отчёты; потом, наконец, полностью отдал мне это на откуп, даже на техсоветах с такой тематикой не появлялся, председательствовал я. А в его отсутствие я старался не принимать кардинальных решений, например, по перестановке кадров или распределению жилья.

Окончательно мы примирились после того, как он тихой сапой попытался защитить кандидатскую диссертацию в МГУ. Как потом я обнаружил, её он содрал с моего отчёта, кусками, даже не изменив стилистики. Поскольку он не только учёным, но и геологом был так себе, пришлось покупать ВАК икрой, потому что он вряд ли смог бы грамотно ответить на вопросы.

На его беду, на защите случайно оказался Олег Супруненко, который заявил о плагиате. Защиту приостановили и вынудили Скуратовского послать мне телеграмму с мольбой подтвердить, что я не возражаю против его защиты. Я телеграфировал «согласен», он защитился, по возвращении сразу зашёл ко мне с бутылкой коньяка и в дальнейшем предпринял шаги, чуть ли не к дружбе. Это было бы уж слишком, мы были слишком разными, чтобы дружить, но работали дальше мирно.

Возвращаясь в 1973 год, надо сказать ещё об одной неприятности. Завоз грузов для зимнего сезона на Вывенку в сейсмопартию № 3 затянулся, в том числе взрывчатку доставили только в конце ноября, декабре, — когда навигация заканчивалась. Разгрузка теплохода шла в условиях жестокого шторма и, наверное, только потому, что ею руководил Юра (Князатов), умевший повести за собой людей, она вообще удалась. Но во время разгрузки был утерян один ящик тротила, а вся взрывчатка складировалась прямо на косе с тем, чтобы потом перевезти её на склад. В это время прилетел инспектор РГТИ П.В. Мухин и за такие «вопиющие» нарушения остановил

работу партии и потребовал отстранения Юры от должности. Вместо награды за подвиг Юру понизили до старшего геофизика. Юра обиделся и к весне 1974 года уехал в Москву. Вообще говоря, он и собирался это делать, так как в Малаховке жила в одиночестве его стареющая мать. Однако именно обида ускорила принятие решения. Я пытался отговорить его, убеждая, что наказание быстро снимем, но сам в том не был уверен при новом начальнике. Так что с тех пор мы стали видятся с Юрой только будучи в отпуске или командировке, изредка переписывались.

Другой и главной моей обязанностью (кроме инспекционных поездок по партиям) было курировать камеральные работы, выпускать отчёты качественные и в срок. По времени эти работы гораздо продолжительнее, чем полевые, да и по важности не меньше: отчёты являются главным результатом деятельности геологической организации, Они хранятся в фондах, служат, и ещё долго будут служить людям при освоении месторождений полезных ископаемых.

Все связанные с выпуском отчётов службы: производственно-геологический отдел, машбюро, оформбюро, переплётная – были подчинены мне. Но это лишь внешняя сторона дела, форма, важно было обеспечить качество содержащейся в отчётах информации. И тут я попортил крови и себе, и авторам-исполнителям. По их мнению, я обладал одним из самых высоких коэффициентов занудливости в экспедиции. Но зато наши отчёты ставились в пример другим экспедициям, задержать отчёт или получить «тройку» на НТС КТГУ для нас было большой редкостью. В процессе редактирования отчётов я удовлетворял и свои чисто профессиональные, творческие устремления, то есть геолога-специалиста, а не администратора. Конечно, это было далеко не то, что тема, но всё же.

Я продолжал следить за специальной литературой, был членом НТС и членом редколлегии по картам при НТС КТГУ и таким образом принимал участие в подготовке к изданию государственных геологических и гравиметрических карт и составлении всех региональных, особенно тектонических, карт по Камчатской области. Этой деятельности помогала не только моя тектоническая схема Западной Камчатки и связанная с нею

слава, но и новая получаемая геофизическая информация.

Ещё продолжая работу над темой, я составил рабочую схему тектонического районирования всей Камчатки, издать которую не успел из-за нового назначения, но использовал её при разработках и обсуждениях направлений работ, а главное – привязывал к ней интерпретацию наших региональных работ (само собой, все работы, которые мы проводили на Западе, привязывал к своей изданной тектонической схеме).

При составлении отчётов главу «Результаты работ» в большинстве случаев я писал сам, – это было проще, чем редактировать тексты геологически слабоэрудированных геофизиков. Таким образом обеспечивалось методическое единообразие интерпретации и создание по сути единой сразу по производственным отчётам тектонической схемы полуострова.

Но включать себя в соавторы отчётов я официально не имел права по должности, как их руководитель, «издатель». Поэтому единственным «следом для истории» является выражение авторами отчётов благодарности мне. В тех отчётах, где такая ссылка есть, главу «Результаты работ» наверняка писал я. Чтобы это делать, мне приходилось знакомиться со всеми новыми геологическими материалами всех экспедиций КТГУ.

В конечном счёте, я стал одним из ведущих знатоков геологии Камчатки, так что могу смело сказать, что студенческая мечта стать исследователем Камчатки сбылась.

В декабре 1976 года умер Валя (Воротников), в Москве. Я

попытался успеть на похороны, долетел до Хабаровска, там началась пурга, застрял, дозвонился Юре (Князатову), он сказал, что уже похоронили, собираются на поминки у Ольги Баженовой. Пришлось вернуться домой.

И второго своего друга я не видел мёртвым. Может быть, поэтому и он, как Боря, не раз являлся мне во сне много лет спустя, и с ним я выяснял, сон это или явь, и долго не мог поверить, что это сон, уже проснувшись. Хотя на Валиной могиле я был не раз.

Но, видно, камни не убеждают. Ему было 53 года.

Последние два года с ним случались кратковременные, но всё более учащающиеся и удлиняющиеся обмороки. Это могло произойти и на кухне, и за рабочим столом, и за рулём машины. Причину долго не могли найти, но когда приступы стали уж слишком частыми, пришлось лечь в областную больницу и там определили опухоль головного мозга (может быть, последствия того удара бутылкой). Опухоль уже не только отключала сознание, но изменяла его: Валя потерял обычную чёткость мышления, юмор. Он разговаривал глазами. Смотрел на Лину взглядом, который трудно и описать: и безмерная любовь, и собачья преданность, и детская надежда – он смотрел на неё, а пронзал мою душу. Так смотрела на меня мама, когда я видел её в последний раз.

Сказали, что нужна операция, и Лина повезла его в Москву. Он умер во время операции.

По воле случая там же и в то же время такую операцию сделали Вале Бондаренко – известному камчатскому геологу. Он выжил и даже продолжил работу научного сотрудника какого-то института. Но остался с перекошенным лицом, косноязычной речью и мышлением, может быть, и здоровым, но не таким блестящим, каким оно было, к тому же он потерял потенцию.

Когда я случайно в Москве встретил жалующуюся на всё это Эмму (его жену), подумал, что, может, и лучше, что Валя умер: он мог стать ещё большим калекой, не тем человеком, которого все знали и любили. А его любили не только в нашей экспедиции, но и во всех других, особенно в Геологосъемочной экспедиции, потому что он был очень добрым, весёлым человеком, у него не было врагов.

За год до этого умер П.И. Ширейко, не вернулся из отпуска Карл Вальян (нырнул и напоролся черепом на металлический штырь), ещё раньше умер В.В. Крылов, а немногим позже М.А. Березин, потом А.Л. Вошинский, сгинул (замёрз на охоте) Вася.

Эти потери, конечно, трогали меня. Но без Вали жизнь стала поистине беднее. Оставался один друг и тот в Москве.

Приятелей много, а душу некому открыть.

К. Р. Вальян

П. И. Ширейко

М. А. Берзин

В конце 70-х – начале 80-х годов социалистический «застой» достиг, наверное, своего расцвета. Страна играла ведущую роль на мировой арене, её уважали, а кто нет – боялись. Народ жил не роскошно, но безбедно: у всех было что поесть, во что одеться и где жить в таких размерах, что не надо было об этом постоянно думать. Не хватало жилья, но оно строилось и бесплатно раздавалось государством, не всем желающим хватало автомашин, но их становилось всё больше, бесплатными были образование и здравоохранение и, как сейчас выясняется, не такими уж плохими. Одним словом, у людей была уверенность в завтрашнем дне, что позволяло заниматься не только «хлебом», но и «зрелищами».

В порядке вещей были коллективные вылазки на лоно природы, в театры и на концерты, постоянно нарезалась лыжня для всех желающих, дети ходили в спортсекции и кружки, постоянно проводились спортивные состязания, как на предприятиях, так и между ними, отдых людей уже сравнительно массово обеспечивался санаториями и профилакториями. Люди с иронией относились к праздничным демонстрациям, субботникам, выездам на сельхозработы, но участвовали в них с удовольствием, так как совместный труд, песня и выпивка их сближали.

Экономика развивалась, конечно, неуклюже, но она непрерывно росла. У нас наглядно это можно было наблюдать на примере строителей. Иннин Камчатсельстрой из СМУ

превратился в Трест, потом – Управление и затем – Объединение. Они превратили село Елизово в город, построили вокруг него, а также в Мильково, Апаче, Коряках, Усть-Большерецке, Соболево, Каменске массу совхозов и других сельхозобъектов.

Деятельность геологов была скрыта от глаз, так как осуществлялась в тундре, горах, тайге, но тоже была заметна как визуально (немало земли исковыряли), так и по сути. КТГУ было преобразовано в ПГО (производственное геологическое объединение), в его составе работали теперь уже десять предприятий (структурных единиц) – восемь экспедиций, а также СМУ и УПТОК – предприятий современных, мощных, с хорошо развитыми базами. В геологии работали более 5 000 человек, она стала заметной отраслью области. Экспедиции занимались основным производством, т.е. геологоразведкой, а СМУ и УПТОК обеспечивали их строительством и материально-техническим снабжением.

Экспедиции организовывались в основном по территориальному принципу, но с учётом специализации, иногда второе становилось главным.

Пенжинская экспедиция располагалась в Первореченске, близ Манил, и специализировалась на россыпном золоте, ища его на северо-западе области. Экспедиция то объединялась, то разъединялась с Северо-Камчатской ГРЭ.

Северо-Камчатская геологоразведочная экспедиция (СКГРЭ) базировалась в Корфе и проводила ГРР на территории Корякского округа. В составе работ была и геологическая съёмка, но основные объёмы концентрировались на поисках и разведке. Главными объектами стали Аметистовое и Сергеевское золоторудные месторождения, Малетойваямское месторождение серы, группа оловянных месторождений, а в последние годы ещё и россыпи золота и платины.

Центрально-Камчатская геологоразведочная экспедиция (ЦКГРЭ, п. Мильково) выделилась из состава ЮКГРЭ и занималась в основном разведкой Агинского золоторудного месторождения, поисками вокруг него, разведкой Родникового и Асачинского золоторудных месторождений, а также

медноникелевым месторождением Шануч и некоторыми более мелкими месторождениями и проявлениями.

Западно-Камчатская нефтеразведочная экспедиция (ЗКНРЭ, п. Ича) отпочковалась в своё время от нашей и выполняла глубокое параметрическое и поисковое бурение на нефть на западной Камчатке. В 1980 году был открыт газ.

Гидрогеологическая экспедиция (Паратунская ГГЭ, п. Термальный) образовалась при разделении ЮКГРЭ и вела гидрогеологические съёмки, поиски и разведку вод в основном на юге Камчатки. Главными её объектами были Мутновское и Нижне-Кошелевское месторождения парогидротерм, Паратунское, Кеткинское месторождения термальных вод, Малкинские месторождения термальных и минеральных вод, более мелкие источники водоснабжения населённых пунктов.

Геологосъёмочная экспедиция (ГСЭ) располагалась в Петропавловске и занималась, главным образом, геологическим картированием разных масштабов территории полуострова (до перешейка), но проводила также и поиски, вплоть до детальных, на некоторых своих объектах – Озерновском, Эруваямском золоторудных и других районах и полях.

Тематическая экспедиция сидела в одном здании с конторой Камчатгеологии и создавалась по инициативе Ю.И. Харченко с целью сконцентрировать все тематические работы в одних руках. Однако разнородность работ, их большая территориальная разбросанность, проблемы с жильём для сотрудников делали достижение такой цели трудновыполнимым и нецелесообразным, поэтому многие темы выполнялись на местах (в т. ч. и в нашей экспедиции). Главным достоинством экспедиции была Центральная лаборатория, которая обеспечивала анализами все геологоразведочные работы.

Геофизическая экспедиция (ГФЭ) выполняла все геофизические исследования на всех стадиях геологоразведочного процесса по всей территории Камчатской области, включая Корякию. Как и другие экспедиции, она бурно развивалась. Там, где мы начинали, для наших работников вырос жилой массив из современных домов, ставший микрорайоном г. Елизово. Были построены ещё два больших дома в центре Елизова. Теперь мы размещались в трёхэтажной

конторе, имели, кроме того, здания геофизической лаборатории, гравиметрической партии, ядерной геофизики, общежития, детсада, гараж с сотней единиц техники, мастерские, столярку, склады, котельную, базы в Термальном, Мильково, Корфе. Подвалы многих жилых домов были тоже завалены нашей аппаратурой. Общая численность достигала 600-700 человек.

В процессе развития видоизменялась внутренняя структура экспедиции, в сторону увеличения веса того или иного направления работ. Почти всё время главными оставались нефтепоисковые работы, а среди них сейсморазведка. Две сеймопартии готовили к глубокому бурению структуры на Западной Камчатке, а третья изучала другие районы: сначала искала и готовила структуры на севере (Ильпинский прогиб), потом вела региональные работы КМПВ по изучению Пенжинского и Центрально-Камчатского прогибов. Эти работы были наиболее сложными технологически (с бурением, взрывчаткой), дорогостоящими, многочисленными и являлись основной заботой аппарата экспедиции. Но для меня, как главного геолога, они были наиболее просты: доля ИТР в сеймопартиях небольшая и все они чрезвычайно послушны.

Б. А. Шапиро

В. А. Иванов

Р. И. Шиленко

А. А. Котов

Мой отчёт по Западной Камчатке стал для них талмудом, «цитатником Мао Дзедуна», а по другим районам такую же роль выполнял мой язык. У меня практически не было споров с авторами отчётов – как скажу, так и делают. Лучше всех в «сейсмике» разбирался Яков Борисович Шварц, воспитавший многих интерпретаторов: В. и Р. Шиленко, В. и Л. Ивановых, А. Котова и др. Ну и в «сейсмике» лучше всего проявили себя мои

друзья Боря Шапиро и Юра Князятв.

На поприще нефтепоисков в значительной мере развивалась и гравика. Для поисков структур, т.е. подготовки площадей к сейсмическим работам, выполнялась гравиметрическая съёмка масштаба 1:50 000, на стадии подготовки структур к бурению применялась в комплексе со сейсмикой съёмка масштаба 1:10 000, а для изучения новых нефтеперспективных районов – съёмка масштаба 1:200 000. Но «гравика» широко использовалась также для общего геологического картирования территории с целью создания основы для поисков любых других полезных ископаемых. Сначала вся территория области была закрыта гравиметрической съёмкой м-ба 1:100 000, а затем планомерно выполнялась съёмка м-ба 1:200 000. В результате «гравики» расплодилось в таких размерах, что для них пришлось выделять половину двухэтажного здания общежития и, кроме того, оборудовать специальную лабораторию и полигоны для ремонта и метрологических поверок приборов.

Е.П. Декин

Г.И. Декина

А.Г. Декин

Б.В. Лопатин

У истоков гравиметрических работ стоял Михаил Александрович Березин, а для дальнейшего их развития много сделал «клан» Декиных. Старший из них, Геннадий Петрович, вышел из нашей экспедиции на должность главного геофизика Камчатгеологии и активно «пробивал» «гравикку», поскольку специализировался в ней. Его младший брат Женя был начальником нашей специализированной гравиметрической партии (СП-17), а его жена Галя выпустила больше всех гравиметрических отчётов. Два сына Г.П. Декина стали тоже

геофизиками и работали у нас, но специализировались в других областях.

У меня гравиметрические материалы вызывали наибольшее любопытство, поскольку, во-первых, за время работы с Березиным я поднаторел в их анализе, а во-вторых, они касались региональной геологии, а это было моим «хобби», главным профессиональным интересом. Но навязывать свои идеи «гравикам» было гораздо труднее, чем «сейсикам». Потому что к составлению некоторых отчётов привлекались не меньше меня известные геологи (М.М. Лебедев, С.Е. Апрельков, Б.В. Лопатин и др.), а «сколько геологов, столько и мнений». Да и авторы-геофизики были с амбициями, некоторые из них прямо с непомерными (В.В. Мишин). Всё же многие отчёты выпущены с моей интерпретацией (фактически в соавторстве), в других – своим упрямством я значительно «обламывал» авторов. Но крупные обобщающие работы Апрелькова и Мишина я вообще не трогал – знал цену творческим мукам.

Почти половину здания конторы занимали камералки «рудников» – партий и отрядов, работавших на все другие (кроме нефти) полезные ископаемые. Наиболее крупные из них работали на гидрогеологию: выявляли, детализировали и готовили к разбуриванию перспективные на парагидротермы площади, искали места водозаборов вблизи населённых пунктов, готовили к мелиорации возможные совхозные поля. Здесь использовался наиболее широкий по набору методов и глубине исследований комплекс работ. Не уступали им по размерам и партии, опосредованные крупные золоторудные, оловоносные, медноникелевые районы и поля либо бассейны, перспективные на россыпи золота. Но большая часть партий и отрядов проводила мелкие, сопутствующие геологической съёмке масштаба 1:50 000, поисковые работы.

В целом «рудный блок» занимал скромное место в ассигнованиях экспедиции, но, наверное, ведущее в «головной боли» её руководства, в том числе и меня. Многочисленность подразделений, сложность их экипировки, заброски и вывоза с полевых работ, большое число отчётов заставляли крутиться вокруг них и снабженцев, и механиков, и оформителей. К тому же публика там работала разношёрстная: кто «пришиблен», кто

с апломбом, кто демагог, кто диссидент. Короче, шуму много, толку мало. Мелочь «пузатая».

А.В. Задирей

В.Л. Шмелёв

Ю.Л. Корякин

Но большинство моих друзей и приятелей были как раз из их среды: Витя Шмелёв, Юра Корякин, Юра Лащинский, Саша Задирей, Ваня Евтихов и др.

Наиболее обособленными от других являлись «каротажники». Они обслуживали все скважины, от мелких в штольнях и на поверхности рудных месторождений до высокотемпературных и относительно глубоких на термальных месторождениях и глубоких нефтяных. База их располагалась в п. Термальном. Но десятки отрядов были рассыпаны по полевым базам разведчиков, так что они больше общались с работниками других экспедиций, чем нашей. Они практически не писали отчётов, ограничиваясь заключениями для заказчиков на местах, поэтому и в спорах на техсоветах и в коридорах не участвовали. Общались с ними на собраниях, конференциях и т.п., а также во время спартакиад Камчатгеологии, когда наши пропотевшие спортсмены отмывались в их баньке, бассейне и обмывали победы и поражения.

Но я с «каротажниками» был тесно связан. И потому что картаж со студенчества был моей любовью, и потому что там работали хорошие люди – Миша и Ваня Воробцы, Володя Денисики, Женя Хавротин, Коля Халипа, Лёша Кобылкин, Саша Кротов, Ю.Н. Асьминин, В. Медведев и многие другие, нормальные и надёжные парни.

Когда разведочные работы на Камчатке достигли такого размаха, что Центральная лаборатория перестала успевать их

обслуживать, мы создали у себя и быстро поставили на ноги партию ядерной геофизики с главной целью обеспечить разведку и поиски экспресс-анализами на местах, а возможно, и заменить дорогостоящие химанализы, если достигнем соответствующей точности. Для партии был построен отдельный корпус и приглашены соответствующие специалисты: Петрухин, А.А. Крашенин, Ю.В. Зенченко, А. Головин и др. Ядерные методы освоила и часть наших «каротажников», так что эти две группы стали наиболее взаимопроницаемыми «родственниками» – технарями.

Появились и новые виды региональных работ. Кому-то вверху взбрело в голову заняться прогнозом землетрясений, а поскольку в советское время всё делалось с размахом, то такие работы выделили в бюджете страны и поручили их Министерству геологии. На Камчатке вся строчка бюджета попала в нашу экспедицию. Была организована специальная партия, первым начальником которой стал Андрей Портнов. Работы делились на две части: региональную, изучающую глубинное строение коры геофизическими профилями II класса, и режимную, ведущую мониторинг на выделенных, наиболее активных, зонах. Большой вклад в эти работы внесли Жора Пак, Петя Пономарёв, Сергей Белоусов, Олег Карпенко, В.В. Мишин.

С. К. Поликарпов

Е. М. Кукушкин

В. А. Воронин

В составе экспедиции была организована также Аэрогеофизическая партия. Она выполняла совершенно необходимые для геологического картирования аэрогаммаспектрометрическую и аэромагнитную съёмки. Раньше эти работы проводил Западный Геофизический трест.

При организации партии мы переманили часть их сотрудников – В.А. Воронина, С. Поликарпова, С. Буланова, Е. Кукушкина и др. Из этих работ наиболее экстремальной, по крайней мере, для меня, была аэрогаммасьёмка. Вертолёт летит с обтеканием рельефа и его вздыбы перед скалой и падения с той её стороны были ничуть не лучше болтанки моего жупановско-богачёвского катера. Но я повторил мучения раза два – для самоутверждения.

В составе экспедиции неожиданно оказалась и специфичная, «чужеродная» вообще для геологии, тем более для геофизики, торфяная партия. Она работала на Камчатке самостоятельно, подчиняясь Управлению то ли в Хабаровске, то ли в Москве.

Руководил ею прекрасный, добрый (но могущий быть и жёстким), крупный, приветливый Виталий Григорьевич Подгурский. С ним не раз встречались в «полях» наши «рудники», и он помогал то запчастью к вездеходу, то самим вездеходом. Но объёмы их работ росли, партии уже не по силам стало развивать собственную базу, и они попросились к нам.

У нас они ещё больше выросли. Это, наверное, была единственная отрасль в экспедиции, куда я не совал свой нос. И потому что там действовали свои стандарты, в которые не хотелось вникать, и потому что геологически они слишком просты, ещё проще, чем поиски стройматериалов.

Но места работ партии были очень привлекательны с точки зрения рыбалок, лесных даров, лагери её были стационарными, люди – доброжелательными, так что мы с удовольствием и часто их посещали. И пользовались гостеприимством Григорича, Саши Валдая, Лёши Кузнецова, Стаса Кублицкого и др. Из них вырос и моя последняя надежда и опора Серёжа Станкевич.

Во всех наших партиях работали топографы, но они не терялись в них, а объединялись в самостоятельную службу, которую создали, воспитывали, лелеяли Валя и Пётр Иванович Ширейко. Они так отладили традиции, что и пришедшие им на смену Лёня Шмыков, Саша Столбун и другие их трепетно сохраняли.

В.Г. Подгурский

С.Т. Станкевич

А.Н. Кириллов

Мощным по численности, но «попроще» по составу (в основном рабочий класс) был наш хозяйственный блок – гараж, мехцех, котельная, столярка, склады. Всем этим командовал бессменный заместитель начальника экспедиции Александр Николаевич Кириллов, а по цехам: гаражом – М.Р. Чакиров, снабжением – В.А. Перешивкин, столяркой – П.Н. Шамотиенко, котельной – В.Д. Захаров.

Так что, в целом коллектив экспедиции был уже не таким монолитным, как в первые годы. Обособлялись группы («цеха», касты) по производственной специализации, интересам. Это хорошо заметно было, когда люди «кучковались» за столиками на праздниках. Но уже то, что весь коллектив собирался на таких праздниках (День геолога, 7 ноября и др.), занимая весь зал ресторана или клуб строителей, или районный дом культуры, говорит о том, что он был единым и дружным.

Я неоднократно бывал во всех экспедициях Камчатгеологии и был знаком со многими их работниками, прежде всего, из числа руководства и геологического персонала. Решал с ними не только вопросы проведения совместных работ, но зачастую пользовался их гостеприимством, дожидаясь транспорта в свою партию. Со всеми экспедициями мы находили взаимопонимание, но трения, конечно, случались.

Наиболее дружно и слаженно шла работа с гидрогеологами, родственными мне по духу, как нефтянику: тоже ищут, что течёт, и что течёт обычно глубоко под землей; как и в нефтяной геологии, здесь шагу нельзя ступить без геофизики. Ведущие гидрогеологи Ц.Э. Ахиезер, В.Н. Попов,

Ю.А. Краевой Ю.Ф. Манухин, В.Ф. Винокур, В.Г. Охалкин понимали это и всячески поддерживали, «протаскивали» геофизику, щедро финансируя не только производственные работы, но и всякого рода тематические, обобщающие, опытно-методические исследования. Поэтому я был с ними скорее в приятельских, чем просто нормальных служебных отношениях. В результате мы перепробовали практически все существующие геофизические методы (и поодиночке, и в различных сочетаниях, и приповерхностных и исследующих большие глубины), разработали геолого-геофизические модели месторождений и геофизические комплексы по их изучению.

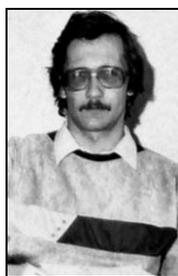
В частности, для наиболее распространённых на Камчатке геотермальных месторождений модель выглядит так: глубинный тепловой очаг (интрузия) на глубинах 10-12 км, выделяется методом МТЗ (магнитно-теллурические зондирования) – проводящий от него разрыв–теплоноситель (тот же метод) – приповерхностная (100-1500 м) зона растека, обычно в вулканогенных трещинных коллекторах, выделяется методом ЗСБЗ (зондирование становлением в ближней зоне) и детализируется ЧЗ (частотное зондирование). Модель разработана в основном при изучении Паратунского и Мутновского м-ний, а её эффективность проверена открытием Кеткинского и месторождения Сан-Хасинто в Никарагуа.

А.С. Осьмакова

А.Г. Нурмухамедов

Ю.А. Нетёсов

И.И. Алавердов

На гидрогеологии у нас попробовала себя целая плеяда геофизиков – А.С. Осьмакова, А.В. Задирей, В.Д. Бубнов, Б. Сысоев, А.Г. Нурмухамедов, Н. Баклыков, Ю.А. Нетесов, И. Алавердов, В. Серeda и др.

Всех их учил Я.Б. Шварц, он же стал автором основного обобщающего отчёта по Мутновке, содержащего вышеуказанные разработки. В целом, мне кажется, симбиоз камчатских гидрогеологов и геофизиков привёл к наилучшему в СССР, а может и в мире, опыту поисков и разведки геотермальных месторождений.

В нефтепоисковых работах наша экспедиция определяла политику, в том числе и места бурения скважин для Западно-Камчатской НРЭ. Поэтому если здесь возникали вопросы, то не с буровиками, а с аппаратом объединения.

На разведочных объектах Северо-Камчатской и Центрально-Камчатской экспедиций были наши постоянные отряды «каротажников» и «ядерщиков», у которых возникали чаще всего технические проблемы: каротаж в горизонтальных (в штольнях) скважинах, оперативность выдачи результатов экспресс-анализов, их точность и т. п. На тех же объектах и отдельных площадях работали также наши сезонные партии и отряды, выполнявшие детальные поиски. Здесь основные претензии с нашей стороны сводились к недостаточности заверки геофизических аномалий, а с их – к неоперативной обработке полевых материалов. Поскольку объекты чаще всего были большие по площади и многолетние по срокам, в конечном итоге материалы «сбивались». Особенно удачно выполнены наши работы на Айнаветкинском, Резниковском, Хрустальном оловянных месторождениях, Аметистовом, Агинском, Балхачском золоторудных полях. Но всё же с северокамчатскими геологами было легче договариваться, чем с мильковскими.

Больше всего мороки было с «гэсээшниками». Хотя в их рядах был наиболее высок процент кандидатов наук, меня всегда удивляло невежество этих «рыцарей молотка», которое они скрывали за показной пренебрежительностью к геофизике, недостойной их миссии делателей «большой геологии». Они мирились с инструктивными требованиями о необходимости выполнения геофизических съёмок, иначе их листы не принимались бы. Но никогда не заказывали эти съёмки в опережающем, как это положено, порядке. Хорошо, что

гравиметрической съёмкой мы закрывали всю территорию Камчатки планомерно, независимо от плана геолкартирования. Поэтому ко времени проведения геологической съёмки, в большинстве случаев, гравиметрическая карта уже была.

Что же касается аэромагнитной и аэрогаммаспектрометрической съёмок, то они проводились, в лучшем случае, параллельно с геологической, а чаще с большим отставанием. Поэтому эффективность их падала: материалы использовались не во время проведения геологической съёмки, и даже не в производственных отчётах о ней, а лишь при издании листов. К этому времени исполнители геологических съёмок уже «обсасывали» свои материалы, приходили к каким-то выводам, отправляли их в фонды, в архив своей памяти и опыта, думали уже о новых свершениях, а тут им подсовывают геофизические карты и говорят: «Разбирайся». Поезд ушёл, разбираться поздно, поэтому они прикладывают к своим листам уменьшенные до рисунка копии этих карт, пишут «по геофизическим данным» и несут такую ахинею, что «на голову не наденешь».

Да что они. Даже те лучшие геологи-съёмщики, которые попадали к нам в экспедицию (М.М. Лебедев, С.Е. Апрельков, В.С. Шеймович и др.), не отягощали себя желанием вникнуть в физические основы того или иного метода, понять его специфику, возможности. Они пользовались привычным «по геофизическим данным», «усиливая» этим свои идеи, которые у них уже существовали без всякой геофизики. А, например, А.И. Байков, выходец из ГСЭ, будучи завлабом Института вулканологии, выступая геологическим куратором от заказчика на бурение 1500-метровой скважины, сказал нам: «А зачем проводить в ней каротаж, он мне не нужен». Вот такой уровень геофизических знаний даже у лучших представителей «большой геологии», ученых.

Но были ещё поисковые работы, сопровождающие съёмку или выполняемые самостоятельно на выделенных ранее площадях. Применение геофизических методов при них инструкциями не регламентировалось, и это давало простор для дискуссий: использовать ли их вообще, какие именно, в каком масштабе, по какой технологии, кем и как заверять аномалии,

как организовывать и т.д. На эти темы я много спорил с Т.В. Тарасенко, с А.Е. Коновым (начальником ГСЭ) и с Е.А. Лоншаковым (главным геологом ГСЭ). Но поскольку работы выполнялись в близком контакте, между геологами-поисковиками и нашими «рудниками» было всё-таки больше взаимопонимания и даже дружбы. Почтительно относились к геофизике, например, А.А. Орлов, А.П. Козлов, Г.Н. Евсеев и другие.

Работа экспедиции по всей территории Камчатской области позволяла мне, как никому другому даже из числа геологов, посещать все новые её уголки и, несмотря на опыт, всё ещё удивляться – либо разнообразие Камчатки беспредельно, либо я – неувядаемый романтик. Благодаря тому, что экспедиция выполняла большой объём гравиметрических и аэромагнитных съёмок (мы налётывали ежегодно около 6 000 часов вертолёт), я сравнительно легко добирался до самых отдалённых наших партий и отрядов.

Часто мы использовали вертолёт и в чисто корыстных целях: для заброски на охоту, рыбалку, а уж использование машин и вездеходов с этой целью стало обычным делом, так что я уже забыл, что такое взять удочку и сходить на р. Авачу, ехали подальше – на реки Плотникову, Быструю, Островную, Начикинское озеро и т. д.

Некоторые впечатления от природы были новыми. Таким, например, явился мой полёт к вулкану Толбачик в 1976 году, когда он извергался. Это было мощнейшее в Азии за сотни лет извержение. Оно было предсказано камчатскими вулканологами, поэтому хорошо задокументировано, успели прилететь и учёные всего мира.

Я с несколькими сотрудниками экспедиции взял вертолёт в Мильково. Километров за 30 до вулкана в вертолёте стала ощущаться жара, быстро переходящая в пекло. Мы наблюдали чёрный столб пепла высотой километров восемь, в основании его из кратера вылетали раскалённые бомбы, а по склонам текла огненная лава, сжигая лес. Обычно, когда летишь высоко, всё на земле кажется мелким, ползущий трактор воспринимается букашкой, чувствуешь себя орлом, богом. А тут наоборот – и

вертолёт, и люди в нём, и всё человечество кажутся бессильными комариками перед этой всего лишь маленькой ноздрей Земли. Какой там Бог, какой Гений человека, Стихия – вот Хозяин Мира! Никогда этого не почувствуешь, глядя на подобные картинки в телевизоре или на фото. Это воспринимаешь кожей, клеткой, что-то подобное испытывает, наверное, муравей, когда над ним нависает ботинок. Именно тогда и осознаёшь, что всё суета сует.

Или зимняя охота на медведя. Её мне показал Саша Задирей. Летом медведя труднее увидеть, но легче подбираться: можно обойти, подойти, подползти, пока он пасётся. Зимой, то есть в апреле-мае, его на снегу видно далеко, но и он видит, и обычно идёт в поисках корма. Так, когда мы с Сашей, а также Ерышевым и Ефремовым сплавлились по р. Карымчиной, поднимались на хребты и ходили по следам на лыжах, хотя и видели многих, но убили всего одного – так трудно к ним подойти.

В другой раз мы с Сашей охотились на Ходутке. Там сама охота была легче, потому что у Саши уже был снегоход «Буран», и мы на нём проводили поиски. Но попотеть приходилось, так как Саша не подвозил к цели, как сейчас он подвозит иностранцев, работая при них егерем (хобби превратилось в заработок – капитализм заставил), а останавливался и говорил «иди» или «беги». Один раз я поднялся по распадку на хребет удачно – одновременно с медведем, которого обходил. Уставились друг на друга, я выстрелил – осечка, он побежал, передернул затвор – опять осечка, он уже далеко, ещё передернул, выстрелил и зацепил, но он скрылся. Как потом сказал Саша, наблюдавший снизу в бинокль, медведь оставлял на снегу кровавые пятна, но бежал резво вверх, так что, скорее всего, остался жить. Ко второму подъехали в лесу, медведь бежал и мы, бросив «Буран», бежали на лыжах, сердце выпрыгивает из груди, карабин из рук, но мы стреляем, заваливаем, и каждый из нас думает, что именно его пуля была решающей. От азарта дрожишь, но подходишь к зверю, осознаешь, что только что это мощное тело дышало, бежало и думаешь: «Ну, зачем я это сделал?» Медведь ещё

ладно, но когда подходишь к убитому тобой, но ещё живому оленю, и он смотрит на тебя печальными детскими глазами, душу переворачивает.

Однако главным на Ходутке была не охота, а место. Сейчас туда возят иностранных туристов, стоят домики. А тогда оно было абсолютно дикое. Это красивейший вулкан Ходутка, у его подножия – истоки р. Ходутки и состоят они из нескольких термальных луж, соединённых протокой. Ниже по реке – озёрки с уткой, выше – две поднимающиеся в хребты пади. Наша палатка стояла на берегу источников, и каждое утро и вечер мы в них купались, плавая и находя любую нравящуюся температуру воды. Так провели 10 дней.

Другой вид зимней охоты вообще жуткий. Заходит как-то в камералку Андрей Портнов и со следами усталости в теле и азарта в голосе рассказывает:

– Ходил за зайчиками вверх по Половинке, к Голубым озерам. Гляжу – в снегу под скалой дыра, и из неё идет пар. Подхожу – доносится храп. Точно – берлога. Давайте на завтра сколотим бригаду, пойдём завалим.

Стали обсуждать кандидатуры. Остановились на наиболее бывалых и имеющих либо ружьё, либо доступ к карабину, которые в межсезонье сдаются в оружейку. В бригаду попали Андрей, Володя Бражаев, Юра Лашинский, ещё кто-то, не помню, может Задирей. Остальным велели подготовить встречу: купить водки, подготовить жаровню, дрова, всё, что нужно для пира. Ночь прошла в томлении. Охотникам снилось ревущее разъярённое чудовище, остальным – мясо и рюмка.

Утром ушли. Около берлоги вполголоса ещё раз обсудили план. Юра становится справа от берлоги, Володя – слева, Андрей – по центру, как раз там берёзка, с неё и удобно и безопасно. Ещё раз оговорили, как держать ствол, чтобы друг друга не перестрелять. Заняли позиции. Четвёртый держит карабин в правой руке, левой суёт в берлогу палку, обе руки дрожат. Спит. Тогда сооружает факел и бросает в дыру. Спит. Стреляет туда – и опять без эффекта. А пар идет и храп слышится. Медленно все подкрадываются к дыре и исследуют. В конце концов, приходят к выводу, что это промоина, а храп

снизу – журчанье воды, и пар от неё же.

Конечно, разочарование охотников и их ждущих было глубоким. Но кто посмеет улыбнуться? Ведь эмоции были настоящими, скорее даже более сильными, чем при обычной охоте: не каждому случается поднимать медведя из берлоги. Поэтому и досада такая глубокая.

Или рыбалка на озере Двухюрточном. Это озеро расположено в центре Камчатки, севернее Анавгая. По окружающему ландшафту оно вряд ли красивее других горных озер, например Начикинского, но расположено на территории, долгое время закрытой военными, и доступно только вертолёту. Таким образом, оно было одним из наиболее «диких».

С разрешения военных территория закрывалась гравиметрической съёмкой масштаба 1:200 000. База партии располагалась в посёлке Быстром. При её посещении нас с Женей Декиным (начальником партии) выбросили на озеро на вертолёте попутно со съёмкой. Мороз стоял за 40°С. Мы едва поставили палатку, как уже околели. Не могли нарубить кедрача: топор отскакивал, как будто бьёшь не по дереву, а по камню. Пока печку с трудом растопили, руки подморозили.

Пошли рыбачить. Лунку затягивает на глазах. Сразу начался жор. Опускаешь блесну, – и вытаскиваешь голую леску, блесну как бритвой срезало. Пытаешься привязать другую блесну, пальцы не гнутся, опускаешь, рывок, тащишь, в лунке показывается голова, а пролезть не может. «Женя, помоги!» Проталкиваем палку, вытаскиваем рыбину – как полено, как кетина, такого огромного гольца не видывал. Всё повторяется снова, бегаем друг к другу помогать, половина обрывается, часть не пролазит в лунку. У меня побелели кончики пальцев, у Жени нос, но азарт не даёт остановиться. Мы тогда за полдня наловили три мешка гольца.

В декабре 1980 года погибли Андрей Портнов и Саша Вымениц, входившие в нашу общую с Валею и Юрой обширную компанию. Особенно близок мне был Андрей, с которым чаще общались и по работе, и по преферансу, и по близости взглядов. Он приехал в плодовитом на молодых специалистов 1965 году, работал долго в гравике – вёл двухсоттысячные съёмки в

качестве оператора, старшего геофизика-интерпретатора, начальника партии. Потом перешёл в сейсморазведку – проводил исследования КМПВ в Центральной Камчатке геофизиком, начальником партии, в последнее время был начальником новой крупной партии по прогнозу землетрясений. Все эти работы изучали региональную геологию, наиболее близкую мне. Андрей часто консультировался у меня, я вложил свой вклад в расширение его геологической эрудиции. Саша был «каротажником», с ним мы общались меньше, но он был близким другом наших друзей Денисика, Шмелёва, Корякина.

Мы отправляли их гробы, а Юра (*Князатов*) в Москве хоронил. Он сказал мне при очередной встрече: «Кончайте там умирать, что вы делаете из меня филиал похоронного бюро».

Обстоятельства трагедии раскрывались мне так. Я проводил техсовет, когда заглянул Андрей и попросил разрешения выйти Выменцу, я кивнул. Вечером заходит ко мне домой Слава Прошичев, бледный, с дрожащими губами, и говорит, что Андрей и Саша попали в лавину. Рассказывает обстоятельства: полетели переснять точку гравиметрической опоры в районе Тимановских источников, Андрея и Сашу высадили на хребте поохотиться на баранов, сами отлетели на точку (километрах в шести), вернулись, а там сошла лавина, и ребят нет. Темнело, мороз под 20°, поэтому вернулись в Халактырку, еле успели. На вопрос, почему пришёл ко мне, а не Скуратовскому, ответил:

– Посоветоваться, что делать.

- Слава, – говорю, – сейчас не время думать о своей шкуре.

Утром Скуратовский назначает меня командиром спасательного отряда, я отбираю человек 15 наиболее сильных ИТР, наспех собираемся (палатка, спальники), заготавливаем металлические штыри и вылетаем на место. Там я и Задирей высаживаемся на хребте, чтобы осмотреть место охоты, а остальные внизу, у основания лавины, которая забила весь полутораклометровый распадок. Мы увидели, что цирк распадка испещрён следами баранов, секущими его борта,

следов человека нет. Потом, в процессе поисков, мы нашли в лавине две туши баранов с верёвками на рогах. Исходя из этого, я лично убеждён, что происходило всё так: расстреливали стадо с вертолётa, мечущимися животными снег был подрезан, затем высадили Андрея и Сашу собирать туши и подготовить их к погрузке, а сами отлетели в сторону, потом подлетели забирать, и работающие винты стали последней каплей, чтобы лавина стонулась. Так что ребят унесло на глазах экипажа и Прошичева, может быть, даже из рук его, когда они подавали ему веревку.

Ни у меня, ни у кого другого не было опыта лавинщика. Решили истыкивать лавину щупами по сетке, двигаясь снизу вверх. Нашли ребят лишь к концу второго дня. Андрея близко к поверхности, (видимо, он пытался «плыть» в снежном потоке), а Сашу на глубине 4 метра (сразу смирился с неотвратимостью). Эти дни были тяжёлым испытанием моих моральных и физических сил.

Но испытания продолжились. Почти сразу после окончания поисков я с Я.Б. Щварцем уехал в Мильково на геологическую конференцию, продолжавшуюся 2-3 дня. По окончании её выезжали домой на вахтовке ГАЗ-66, прихватил с собой 16 человек пассажиров – членов семей геофизиков, работавших в нашей Мильковской партии. Прогнозировалась пурга, и мы едва успели проскочить мимо поста ГАИ, где уже приступала к разворачиванию транспорта бригада, запрещающая выезд. И зря это сделали, так как пурга нас всё-таки накрыла.

Шофером был Толя Олейников, с большим водительским стажем, но беспомощный в критических ситуациях. Он рано закончил попытки бороться со стихией, сидел за рулем и разводил руками. Отказала печка в салоне. Я не знал, как её можно починить, а он или тоже не знал, или не хотел мёрзнуть под порывами ветра. Большая часть пассажиров были женщины, одна – с ребёнком. Я лихорадочно соображал, как их спасти. Мы стояли на Ганальской тундре. Я вспомнил, что где-то впереди, на ручье Кедровом, стоят дорожники. Решил идти к ним за помощью.

Пошли с Борей Братулиным – взрывником. Дорога тогда

ещё не была отсыпана, то есть была вровень с тундрой, все заровняло, ориентировались по телеграфным столбам, да и тех не видно, пока в него не упрёшься. Ветер в лицо, тело держишь под углом 45° и не падаешь, висишь на нём, ноги проваливаются в снег. Если бы я был один, я бы сдался, зарылся в снег. Но я только что столкнулся со смертью, а тут новая угроза смертей, причём по моей вине, раз я старший. Поэтому, несмотря на то, что силы мои были уже не те, что в молодости, да и те подорваны лавинными поисками, мы всё-таки доползли до дорожников. До них оказалось три километра, мы шли три часа.

Я целый час умолял дорожников отправить ротор за нашей вахтовкой. Притащили уже ночью. Домик дорожников был забит подобными нам страдальцами, негде было не только лечь, но и сесть, но я успокоился: в тепле не замерзнём, отоспимся потом. Через связь дорожников дозвонился Скуратовскому, обрисовал картину, попросил выслать вездеход. На следующий день ГТТ к нам пробился, вытащил до Малок, а дальше дорога уже была расчищена.

В том же плодovitом на печальные события 1980 году мне пришлось пережить ещё одну неприятность: нефтепоисковые работы были переданы Сахалингеологии. Ремизов не справлялся с темпами роста объёмов геологоразведочных работ, власть его развращала, он терял самооценку и оценку ситуации. Вместо того чтобы гнать некоторых руководителей-подхалимов, он окружал себя ими, пил, гулял, «плыл по воле волн». Обидно было видеть, что тот рост объёмов, который достигался хорошими результатами работы геологов, не обеспечивался выполнением по чисто хозяйственным причинам.

На Сахалине, наоборот, объёмы работ падали: новых месторождений нефти уже и выявлять негде стало, а кроме нефти там почти ничего нет.

И когда один дурак (Министр) спросил по телефону другого (Ремизова), что, не лучше ли передать нефтепоиски в более специализированные руки, тот ответил: «Может, и лучше». Причём состоялось это без всяких обсуждений и подготовки. Министр учинял очередной разнос за

бесхозьяйственность, и просто хотел больше задеть, а у Ремизова трещала башка с похмелья, и он стремился быстрее отвязаться. Но слова вылетели, и колесо завертелось.

То, что годами создавалось массой людей, за что боролись, разрушилось в минуту. *(Вот так и делается история личностями: если повезёт и личность умная – мы развиваемся, а если попадается дурак – следуют реформы).*

Передавались полностью ЗКНРЭ и нефтепоисковая часть нашей экспедиции: сейсмопартии, часть каротажной партии – из которых образовалась их (Камчатская) геофизическая экспедиция, а наша получила приставку «Елизовская» (ЕГФЭ). Таким образом, за свою всего 15-летнюю историю мы родили (отпочковали) ещё одну экспедицию (раньше была ЗКНРЭ).

Принимать приехал начальник Сахалинской геологии И.И. Тютрин со свитой. Он вёл себя не просто Хозяином, но нагло и разнузданно. Видно было, что человек давно привык к раболепию окружения. Он напомнил мне магаданского Драбкина.

Тютрин предложил нам: Скуратовскому, мне и Нетесову (которого на должность главного геофизика вызвали ещё в 1977 году Декин и Скуратовский) перейти в своих должностях в его экспедицию. Причём говорил это так, как будто одолжение делал.

Одно это оттолкнуло меня от каких-либо переговоров с ним: я терпеть не мог сатрапов и подхалимов. Хотя глубоко переживал ситуацию: уходило дело моей жизни, дело, в котором я добился успехов – по моему плану велись нефтепоиски, был уже получен газоконденсат на Лиманской площади, бурилась Кшукская скважина, которая откроет газ. С другой стороны, моим «коньком», любовью была региональная геология, а она оставалась на Камчатке – гравика, аэромагнитка, региональные профили. Оставалась и возможность летать по всей Камчатке, то есть романтика. Кроме того, оставался коллектив, с которым я сжился почти как с семьёй (в сеймике доля ИТР незначительна).

Мы с Нетесовым отказались, а Скуратовский согласился. Приехал Сазонов, предложил мне должность начальника ЕГФЭ,

я согласился. Старательно поддерживал меня в этом А.А. Соколовский, начальник планового отдела, которого я считал человеком Скуратовского.

Прошло дня 3-4. Скуратовский понял, что кроме малозначащих подхалимов типа секретарши или начальника отдела кадров никого за собой не перетянет, поехал к Ремизову, упал на колени и попросился обратно. Приехал ко мне Сазонов с извинениями, а Соколовский тут же перешёл к сахалинцам (это доказывает, что моя неприязнь к Скуратовскому носила объективный характер).

История показала то, что было ясно изначально: разделение было ошибкой, принесло больше вреда, чем пользы. Легче было закрыть Сахалингеологию, чем искать ей работу в далеких краях (ей были переданы нефтепоиски также и на Чукотке). Никакого кадрового усиления работ не произошло. Наоборот, остались только камчатские кадры, но рангом пониже: В ЗКНРЭ начальником стал геолог Шайморданов, а в геофизической экспедиции – электроразведчик Ю.Ф. Мороз, склонный к запоям, главным геологом – Коля Краснопевцев с общительным характером, но специалист так себе.

Но, главное, новых исполнителей – буровиков или геофизиков, на которых валили все беды, не появилось, то есть никакой «специализации» не произошло. Структура стала такой, какая во времена РайГРУ была с Магаданом: за или с любой бумажкой надо лететь на Сахалин, с которым не было регулярной связи.

И даже в высшем руководстве стали появляться «неспециализированные» камчадалы – после ухода Тютрина, начальником стал наш Шайморданов.

Естественно, работы шли ничуть не лучше, чем в составе Камчатгеологии, а из-за того, что моё влияние на них ослабло, часть их проведена впустую – на площадях, которые я относил к бесперспективным.

Общий рост геологоразведочных работ, однако, продолжался так бурно, что вскоре наша экспедиция на более «лёгких», чем сейсмика, методах почти достигла прежнего уровня ассигнований и восстановилась в численности, причём

за счет ИТР, так что стала ещё более интеллектуальной.

Но театр абсурда продолжился. Наш Ремизов всё больше расписывался в своем неумении и терял вес в Министерстве, а Тютрин его набирал.

И в 1983 году произошло новое отщепление: под предлогом специализации сахалинцев на глубоком бурении Гидрогеологическая экспедиция в посёлке Термальном была разделена пополам – разведка Мутновского месторождения отдана сахалинцам, а остальное оставлено камчатцам. Один организм разрезали по живому, как раньше нашу экспедицию, но мы имели возможность разойтись хотя бы на разные улицы, а они остались в маленьком посёлке чуть ли не в одном доме. Вот это и есть маразм, до которого доходили управленцы советского государства. Мы от этого отщепления потеряли часть коротажной партии.

Скуратовскому не сиделось, ему стало у нас скучно и он «пошёл за орденом» – попросился к Тютрину начальником организуемой гидрогеологической экспедиции, «делать очередную конфетку». Но их коллектив был не таким крепким, как наш, не выдержал его интриг и самодурства, и где-то к 1985 или 1986 году Тютрин сказал: «Чтобы я больше не слышал фамилию Скуратовский».

В связи с уходом Скуратовского опять приехал Сазонов, теперь вместе с Декиным, и предложили руководить экспедицией не мне, а Нетесову. Мне такую переориентацию не объяснили, хотя за прошедшее время я ничем свою репутацию не подмочил.

Чуть позже разделения гидрогеологов, но в том же 1983 году, сняли и Ремизова, наконец-то. Интересна (или паскудна?) всё-таки жизнь: как только прошёл слух о снятии, все «прихлебатели» шарахнулись от Ремизова как от чумы, готовясь «лизать новую жопу», которая даже ещё не прибыла. Да так, что он не мог найти в Петропавловске машину, чтобы съездить в Мильково по своим делам, и обратился с этой просьбой ко мне, и близко не подходившему к кругу его приближённых. Всё так же как у Скуратовского. Отсюда вывод: окружай себя соратниками, а не поклонниками.

Вместо Ремизова назначили В.И. Лаштабега²³, бывшего начальника геологоразведочной экспедиции в Певеке. Этот человек сочетал в себе черты Никольского и Ремизова: не лез, как Никольский, слишком дотошно в чисто геологические вопросы, но вникал в их суть. В то же время чётко, как «ранний» Ремизов, держал в руках пульс хозяйственной жизни объединения, был жёстким и требовательным, заменил много кадров, но не был самодуром, не терпел панибратства и, кажется, подхалимажа. Единственным, наверное, недостатком была его неважная дикция, – не всегда разбираешь, что он говорит, немногим лучше, чем была у Карла Вальяна. Из всех «генералов» камчатской геологии лучшими, на мой взгляд, были Усков и он.

Не успели мы с Инной оглянуться, как наш сын, наш Жека вырос, уже оканчивал школу, и надо было думать, куда ему идти учиться дальше. Редко кто из них, детей, к окончанию школы определяется в выборе профессии. Обычно это происходит случайно, как было у меня, под грузом обстоятельств, как у Инны, но чаще всего – под влиянием родителей, почему и распространены «семейные» профессии.

Я в гениальности своего сына был уверен ещё до его рождения: Инна окончила школу с золотой медалью и в жизни была общепризнанной умницей, у меня тоже отличный аттестат, перемножаем и получаем... Это только потом я узнал, что от умников природа отдыхает на их детях. Слава богу, природа на нас не очень перетрудилась, так что и Жене достались как

²³**Лаштабег Виктор Иванович**, заслуженный геолог РФ. Родился 18 февраля 1939 г. в АССР. В 1966 г. окончил Московский геологоразведочный институт. До 1983 года работал в Чаунской комплексной ГРЭ в должностях от старшего техника-геолога до начальника экспедиции. Первооткрыватель Первоначального месторождения олова в Магаданской области (1977 г.).

В 1983-1993 гг. – генеральный директор ПГО «Камчатгеология». Последний руководитель государственного геологического предприятия на Камчатке в советский период.

В 1993-99 гг. – директор Московского геологоразведочного техникума. В 1999-2006 годы работал заместителем генерального директора в ООО «Феникс» и ООО «Грядя». В 2009-2010 гг. – руководитель проекта в ООО «Золото Камчатки эксплорейшн».

минимум средние способности. Во всяком случае, аттестат у него был хоть и без медали, но почти отличный.

Наиболее выраженной у него была тяга к технике: вдохновенно возился с мопедами, любил машины и уже в школе получил водительские права. Но я видел своих гаражных механиков, вечно грязных, промасленных, и такой судьбы ему не желал. Примерно так же относилась Инна к строителям. Своей профессии я ему тоже не желал: таких идиотов-романтиков, как я, вообще мало, к Жениному времени их почти не осталось. Да и не факт, что ему повезёт, как мне, и он не станет вечным полевиком, а полевая жизнь была не для него, он больше пошёл в маму – «городской».

Из таких «городских» направлений, о которых я имел представление и в которых мог содействовать в будущем устройстве на работу, были радиоэлектроника или «большая», то есть, планетарная геофизика. Так что выбрал Жене специальность я, а не Случай, или Случаем был я.

И в 1982 году он полетел поступать, а вместе с ним Инна – помогать (кормить, «болеть», нанимать репетитора). *(Вот очевидный рост благосостояния, если сравнить с моим тамбуром в вагоне, матрасом на полу школы, телогрейкой до второго курса или Инниной работой лаборанткой)*. Я подлетел в отпуск, когда они уже справились с задачей, и Женя стал студентом МГУ, где когда-то хотела видеть меня мама. С тех пор Женя стал гостем, всё более редким. Мы остались одни. Птичка вылетела, гнездо опустело, там единственным птенцом, над которым кудахтали Инна, остался я.

Похоже, студентом Женя был примерно таким же, как и я – гулякой. После первого же семестра на встрече выпускников в школе, когда все плакали, как трудно им в институтах, как много приходится заниматься, но как это интересно, один Женя разразился тирадой, как легка и прекрасна стала его жизнь, как много в ней удовольствий, как прекрасна столица по сравнению с этой зачуханной деревней Елизово. Кажется, на третьем курсе он так оброс «хвостами», что спастись от них смог только переломом ног и оформлением академического отпуска (ноги, может, и не специально ломал, но таким образом бог помог). К тому времени мы уже смирились, что сын не гений, и

переживали больше за его ноги, чем голову.

Не полюбил он, в отличие от меня, и свою профессию, но виноват в том не он, а тот бардак, в который страну ввергли правители.

В 1985 году я снова попал к хирургам. Последнюю пару лет, выезжая в поле и передвигаясь там пешком, я стал довольно быстро уставать и чувствовать боль в ногах. При моей обычной выносливости это настораживало, но всё объяснял для себя растренированностью тела от кабинетной работы. Однако в 1984 году, когда мы отдыхали в Финляндии, стала «отстёгиваться» (т. е. неметь, деревенеть) правая нога даже от танцев.

Главный хирург областной больницы, знаменитая Хомченко сказала, что в ноге нет пульса и её надо спасать, положила к себе в отделение с диагнозом «облетирирующий эндартерит» (такой же был у папы уже много лет).

Палата, в которой я лежал, была на 12 человек. Некоторые кровати стояли вплотную, половина больных – послеоперационных (порезанных), другая – готовится к операциям, резанные стонут, ещё нерезанные ухаживают, судна, утки, вонь, вопли. По коридору ползают и в туалете курят мои коллеги по диагнозу: кто без ноги, кто без двух, кто с почерневшим пальцем – кандидат на обезноживание. Можно себе представить, какой психологический удар обрушивается на человека, попадающего в такую обстановку с воли.

Выяснил у «коллег», что схема лечения одна: дают в рот и вливают через капельницу сосудорасширяющие средства, если не помогает и начинается гангрена пальца, ампутируют ногу по бедро. Поскольку у меня улучшений не было, такая перспектива казалась самой вероятной. Я сказал Инне:

– Если ногу отрежут, застрелюсь.

– А меня на кого оставишь, вечно ты только о себе думаешь.

– Не хочу, чтобы ты видела меня калекой.

– Подумаешь, нога. Люди и с большими потерями живут.

Меня спас опять Случай. Оказалось, что у нашего работника Г.С. Бондаря родной брат работает в Хабаровской

краевой клинической больнице заведующим отделением сосудистой хирургии, единственным на весь Дальний Восток. Братья созвонились, договорились, выхлопотали мне направление через облздрав, и вскоре я предстал пред очами Юрия Степановича Бондаря. Контраст разительный: здание больницы огромное, девятиэтажное, современное, отделение дышит чистотой, в палатах не более 4-5 человек, но есть на одного и двух – для ветеранов войны и блатных. Я попал в число последних и был помещён в одноместную палату. Как и в последующие неоднократные поездки туда. На вопросы любопытствующих отвечал, что был сыном полка во время войны.

Внешние условия подняли моё настроение, но окончательный диагноз – неспецифический аорто-артерит и ишемия – ухудшил его. Обнаружились закупорки и стенозы аорты и практически всех артерий. Юрий Степанович сказал, что для операции созрели подключичная, сонные и бедренная артерии:

- С какой начнём?
- А все сразу нельзя?
- Нет.
- Тогда с ноги.
- Правильно, лучше иметь, чем ходить, чем чем думать.

Я помнил подтрунивания Инны после операции на лёгких, поэтому сейчас тщательно скрывал от неё сам факт операции и дату её проведения. Но не успел, как следует отойти от наркоза и поползти по стенке в туалет, то есть на другой день после операции, как она оказалась в палате: оказывается, всю информацию имела по телефону от Юрия Степановича. Бедная моя жена, сколько же нервов и здоровья я отнял у неё своими болезнями.

Операцию (шунтирование бедренной артерии и симпатэктомию, то есть иссечение позвоночного нерва) делал сам Юрий Степанович. Велел через полгода приехать на следующую операцию, потом – на следующую и т. д. Под воздействием Инны я этот график аккуратно исполнял, но каждый раз Юрий Степанович говорил:

– Повременим, какие Ваши годы, успеем.

Он ограничивался всесторонним обследованием и интенсивным консервативным курсом лечения. Очевидно, это, а также то, что я бросил курить (драма – я боролся с собой два года, а сигареты снились и через 6 лет), помогало, я был вполне дееспособным. Но силы всё-таки постепенно таяли.

Вернувшись после операции, я обнаружил дом пустым, кухню, туалет и ванную – отремонтированными, а на столе записку: «Умерла мама, надеюсь, как-нибудь справишься без меня». Сердце сжалось от жалости. Я знал, как Инна любила Марию Павловну, какой это удар для неё.

А в ноябре, уже отправляясь в аэропорт для поездки в Хабаровск, я получил телеграмму, что умер мой папа, последний раз тогда я видел и маму, она умерла через полгода. Тяжёлый год выпал нам с Инной, вскорости и Женя со своими поломанными ногами подоспел.

Операция спасла мою ногу, сил для работы хватало, всё так же активно участвовал в поездках по полям, рыбалкам, всё ещё выступал на собраниях, но горения, задора уже не было, творчество (через карты, отчёты) забросил, всё делал по привычке, без интереса. Видимо, нельзя так долго оставаться в одной должности, надоедает.

Да и в восприятиях всё больше проявлялся «философский» взгляд – признак старения. Если раньше свои эмоции выражал одним словом – «красота!», «ну надо же!», «твою мать!» – то теперь возникали обобщения.

Например, занесло меня в те годы в северный поселок Ачайваям, из которого вели съёмки наши «гравики» и «аэромагнитчики». На вертолёт я пересёк тогда всю Корякию, до границ с Чукоткой. И опять преклонился перед Природой: бескрайнее среднегорье, расчленённое широкими долами, горы лысые, без растительности, серые, мрачные, несмотря на солнечную погоду – холодно. Суровость и величественность картины давит, вселяется тревога, а что если вертолёт не прилетит: не выживешь – нечем развести костёр, ничего живого не видно. Приходят мысли о мироздании, и место человека в нём – ничто. То же, что и любая другая жизнь. Комаров,

например.

В Ачайваяме посетил общественную баню и там стал свидетелем горячего спора между группами коряков и чукчей: коряки доказывали, что они их (чукчей) разбили 200 лет назад в битве при устье реки Энгмывамваям, а чукчи – что, зато мы вас поколотили там-то. Я был поражён, что, оказывается, и история северных народов замешана на крови, что и им, имеющим десятки квадратных километров на человека, чего-то не хватало. Поистине, зверь метит территорию, неандерталец натывается на собрата, племена расселяются, государства передвигают границы – и все пускают в ход клыки, дубинки, стрелы, пушки, ракеты.

Таков, получается, Закон Природы. Жратву, борьбу за выживание, религию, политические интересы и т. д. придумывают после, в оправдание Закона и своих поступков. Это всё равно, что встречаются на тропе двое, вполне могут чуть-чуть отклониться и разойтись, но нет, – сталкиваются лбами (как я и Боря с шеренгой коллег на сероглазкинской дороге).

Поскольку общий мой тонус оставался ещё высоким, то снижение интереса к работе должно было вызвать повышение его к чему-то другому, и этим другим стал быт. Походы с Инной на лыжах или в лес, занятия автоспортом (я был чемпионом Елизовского района и членом сборной области), спартакиады Камчатгеологии, ухаживание за машиной, дружеские сборища интересовали меня больше, чем состояние дел в экспедиции. Но главным увлечением стала дача.

Вместе со мной в хроническую болезнь вступала и страна. Расцвет «застоя» заканчивался, начиналось увядание. Первые признаки заболевания появились со словом «перестройка», запущенным в обиход новыми правителями, сменившими старых марзматики. Новые (Горбачёв, Яковлев) по возрасту были моложе марзматики, но по уму недалеко от них ушли. Потому что, придумав слово, понятия не имели, что с ним делать. Бросили лозунг: «Строить коммунизм с человеческим лицом». Партия засучила рукава, а лица-то не видит, что лепить – не знает. Высокий министерский чиновник,

посещая нашу экспедицию, спрашивает у меня:

– Как Вы перестраиваетесь, что конкретно предпринимаете? – а в глазах растерянность и надежда – вдруг подскажу что-нибудь стоящее.

– Да у нас и так всё в порядке, мы первые в объединении, но вообще-то обновляем технику, технологии.

– Нет, не то, – читаю на его лице.

В райкоме почти каждую неделю собирают руководителей предприятий и читают им с помощью приглашённых учёных лекции об обществе потребителей (оказывается, нас – тунеядцев) и создателей (их, свободных) и о том, как надо зарабатывать деньги. Думаю про себя: «Что ж ты, бедолага, их не зарабатываешь, а льёшь нам воду и ходишь в заласанном пиджачке?» Первый секретарь Санталов понимает, что лекциями не спасёшься, и жалуется приближённым:

– Наверное, скоро попрут – перестройка.

Второй лозунг: «Каждый должен перестроиться, изменить мышление». Опять думаю про себя и влух: «Зачем и на кого меняться честному человеку?».

И тут поспевают лекторы-разъяснители. Сначала и долго всё валят на «серого» – Сталина. Он извратил идеи Ленина, построил не то, что задумывалось, сволочь жестокая. Забывая, что уже более 30 лет живём без него, отца родного, что же не исправлялись? Потом добираются и до святыни – Ленина. Оказывается, всё построили по заветам, да заветы не те, коммунизм вообще не имеет права на существование – утопия. За дело взялись наиболее рьяные, продвинутые коммунисты. Закрыли все свои военные зарубежные базы, бросили собственность по всему миру, открыли все секреты, даже КГБ отдал свою «сеть». Страна из мощной мировой державы на глазах превращалась в мировую помойку. Помои всё заполонили: на экраны телевизоров вылезли кашпировские, чумаки, колдуны, ведьмы, астрологи, ворожеи, триллеры, бандиты, порнуха; на улицах казаки с шашками, попы, рэкетеры. Страна меняла мышление, пока ещё под руководством партии.

С особым удовольствием народ стал «выдавливаться из себя

раба». Считалось неприличным не обляять начальника. Руководителей, бригадиров хотели выбирать, «нанимать» сами (забывая, что нанимаемым надо платить, а не с них требовать зарплату). От рабства освободились, – толпа и раньше плохо работала, теперь вообще остановилась, одни разговоры и демагогия.

Одна за другой пошли катастрофы – Спитакское землетрясение, Чернобыль, крушение «Нахимова» и т. д. К концу 80-х годов страна пришла к талонам. Правда, к талонам пришли, по-моему, не из-за бедности, а из-за нарастающей тревоги, ожидания худшего. Талонов хватало «затариться» с большим избытком: я ещё лет через 6 очищал балкон от круп, а Я. Шварц до сих пор (через 15 лет) вытаскивает на праздник и магарыч – бутылку советской «Пшеничной».

Как только в Конституции вычеркнули пункт о руководящей роли КПСС, все стали выбрасывать партбилеты, и чем активнее был коммунист, тем демонстративнее он это делал. Действительно, в партии собрались наиболее беспринципные люди, карьеристы. Переориентировались делать карьеру на антикоммунизме: внук Егор «обсерает» деда (Аркадия Гайдара), комсомольский вожак Немцов говорит о ГУЛАГе, член ЦК Яковлев о репрессиях, генсеки идут в церковь целовать крест, молиться – креститься. В общем, перестроились.

Мы продолжали вести привычный образ жизни, но окружающая обстановка привносила всё больше печальных нот. Умерла тетя Лариса, тетя Аня (кстати, репрессированная) в письмах костерила Мишку Меченого (Горбачева), серьёзно заболела Неля (сестра Инны), её сын-оболтус Саша бичевал у нас на Камчатке под заборами. Женя женился, окончил университет, родил сына, стал работать в НИИ. И при сильной власти во всех НИИ царили рутинка, интриги, безделье, а в наступившем бардаке всякая работа прекратилась, так что Жене негде было увлечься профессией, лучшие годы становления личности были потеряны.

Все это добавляло смятение в душу Инны и, с одной стороны ещё больше спланивало нас, с другой – вызывало всё более настойчивое желание уехать поближе к Жене. Я

чувствовал, что, наверное, скоро сдамся, и при встречах уже всерьёз обсуждал с Юрой варианты приобретения квартиры в Москве или под Москвой и варианты налаживания с ним общего бизнеса. Он даже купил для меня дом в «своей» деревне Дуплево. Там мы собирались купить трактор, засеять гречиху, завести пасаку, приобрести лошадей, стать фермерами. Так что и Инна будет наслаждаться театрами и внуком, и мне будет занятие по душе. Уверен, у нас бы всё получилось, потому что я умею работать, а Юра, кроме того, хороший менеджер, и нашёл бы рынок сбыта. Если бы не судьба, которую нельзя спланировать.

НАЧАЛЬНИК

Осенью 1990 года Нетесов уволился. Он уже года три, как ни с того, ни с сего обеспокоился своим здоровьем, стал ежегодно, а то и дважды в год ездить в отпуск, продлевая его отпуском без содержания или блатными больничными, так что время его присутствия на работе почти не превышало времени отсутствия. В конце концов, у Лаштабега лопнуло терпение, он отказал ему в очередной просьбе продлить отпуск и Саша прислал телеграмму на увольнение. *(Я думаю, его поведение объяснялось не столько самочувствием, сколько боязнью принимать решения в обстановке «перестройки». По характеру он был мягким человеком, при отлаженном «застое» справлялся с представительскими функциями, производство тащили мы, его замы, но теперь отлаженность нарушалась).*

Начальником экспедиции назначили меня с третьего, получается, захода. «Гибкости» я не проявил и в этот раз, наоборот Лаштабег меня уговаривал. Страна уже была доведена до беспокойства, были очевидны ещё большие трудности. Экспедиция хотя и была еще почти такой, как в пору «застойного» расцвета (все её подразделения работали, общая численность достигала 500 человек), но ассигнования уже начали уменьшаться, тревога висела в воздухе, так что я с большой неохотой дал согласие – в основном из-за фразы Инны: «Будешь работать так же, но за кого-то». А на поздравления с назначением отвечал, что уместнее было бы посочувствовать.

Года три мы проработали ещё почти по-советски:

сохраняя все направления работ, структуру экспедиции и, главное, ещё интересуясь геологическими результатами своей деятельности. «Почти» потому, что государство (МинГео) стало снижать ассигнования, их было уже не столько, что не могли «освоить», а не хватало.

Первым пострадало строительство. По этой статье для нас СМУ строило малосемейное общежитие и 64-х квартирный жилой дом. Общежитие с горем пополам довели до сдачи, а жилой дом бросили на половине кладки четвёртого, последнего этажа. Впоследствии полтора этажа растащили «добрые люди», а оставшиеся два мы продали АО «Малкинское».

Затем пришёл черёд и основного производства. Надо учесть, что Геофизическая экспедиция находилась в худшем положении по сравнению с другими, потому что только около половины работ включались непосредственно в её пообъектный план, а остальные, как имеющие вспомогательное значение, проводились в виде субподряда через договора с экспедициями-титuladoдержателями. При дефиците денег на всевозможных советах директоров, научно-технических советах, конференциях, собраниях я добивался максимального результата. Но при кренделях Министерства с оплатой (её задержкой или вообще отказом) экспедиции-заказчики, прежде всего и полностью, снимали с финансирования «чужие» геофизические работы, мы оставались с носом, причём неясно – навсегда или временно. Быстро, правда, убедились, что если до конца года оплата не произведена, то навсегда.

Стали пропагандировать идею конверсии (перепрофилирования) производства. И тогда было ясно, а с высоты сегодняшнего дня – тем более, потому что она была надумана, неосуществима в принципе. Если конверсию, скажем, танка в кастрюлю или пылесос ещё как-то можно представить, хотя и это не произошло, то куда конвертировать учителя, врача, геолога, строителя? В упадок приходила не только геология, а вся экономика страны, все отрасли, у всех источник был один – бюджет государства. Так что более или менее успешно по всей стране конвертировались только в спекуляцию, в торговлю.

Но мы пробовали. В бюджете Камчатгеологии появилась

строчка «на конверсию». И всю эту строчку мне удалось забрать в экспедицию и организовать партию по развитию геологического туризма. Хотели подготовить маршруты через Родниковое и Асачинское золоторудные, Мутновское геотермальное месторождения, вулкан Опала, подготовить экспонаты (геологические разрезы, коллекции пород и т. д.), оборудовать подбазы для туристов (из балков), сделать и разослать буклеты. Для приёма туристов в Елизово я просил Лаштабега разрешить мне использовать достраивающееся здание общежития – «малосемейки» под гостиницу.

Затея не удалась. Потому что была слишком ранней. На геологические экскурсии людей могли направить только организации, а они разваливались. Для просто туризма время тоже не созрело, так как простые люди нищали, им было не до туризма, «новые русские» ещё не наворовались, думали пока, где и как продолжать воровать, а не куда тратить, а для иностранцев наши условия были слишком дикие (я вёл переговоры с японской делегацией). Насчёт гостиницы Лаштабег мне сказал:

- Если народ не будет шуметь.

А народ, конечно, шумел, потому что хотел улучшить жилищные условия.

Ну и, может быть, главное – я поручил заниматься этим делом В.П. Маркину – вёрткому, но ненадёжному мужику, думающему только о своем благе. На выделенные деньги (200 тыс. рублей – советских) он лето прокатался на двух вездеходах, оформил отвод под маршруты, сделал буклеты и пришёл просить ещё денег. Я ему сказал: «Я назначил Вас, чтобы Вы кормили людей, приносили доход, а не у них отбирали».

Моя большая ошибка. *(Но, с другой стороны, туризм, кроме элитного охотничьего, на Камчатке не налажен даже сейчас, спустя 15 лет, несмотря на то, что в него вкладывают уже солидные деньги нувориши и власти).*

Интуиция помогла мне избежать другой авантюры. Главный инженер Камчатгеологии Л.Х. Эркенов мне, как земляку (он из Черкесска, карачаевец), настоятельно советовал заняться изготовлением телефонных аппаратов, для чего нужно было купить у его знакомых на материке агрегат для штамповки

пластмасс. Слава интуиции, а то представляю, как бы мы выглядели на фоне современных мобильных.

Были варианты попробовать разрабатывать торфяные месторождения, благо вся документация по ним была в наших руках. Но все попытки, связанные с созданием нового производства, и не могли увенчаться успехом. Даже если бы мы что-то и создали, то это занятие – всего для нескольких человек, а не всего коллектива. Все, кто сейчас что-то имеет и производит, тогда выжили за счёт торговли, а это не моё.

Лучше дело пошло у нашего ядерщика Ю.В. Зенченко. Он сам нашёл заказчиков – рыболовные базы – и делал для них влагомеры, необходимые при выработке и хранении туковой муки.

Некоторую пользу поначалу принёс и магазин. Он был сделан в нашем жилом здании и передан Райпо ещё Скуратовским, причём экспедиция отчисляла на его содержание. Когда Райпо повысило ставку этих отчислений, я сказал: «Нет, а если не хотите, отдавайте магазин мне». Туда рвался Олег Карпенко, и я пошел навстречу. Какое-то время мы не только не тратились на содержание магазина, но и от его аренды получали доход, пока Карпенко не спутался с мафией и не прогорел, а магазин отобрали муниципальные власти (по законам «прихватизации», почему-то котельную и электросети они не хотели брать).

Наиболее крупной удачей в поисках новых заказчиков было то, что мне удалось вклиниться в зарубежный заказ: Союзбургаз заключил договор на разведку геотермального поля Сан-Хасинто в Никарагуа, а мы подрядились к нему на выполнение геофизических работ – каротажа скважин и полевую поисковую геофизику. На этом заказе у нас не один год работали 8-10 человек (и открыли, кстати, месторождение парогидротерм).

Однако новые источники финансирования не компенсировали потерь от уменьшения привычного бюджета, и пришлось снижать численность. Я, наверное, первым среди всех экспедиций Камчатгеологии стал заниматься сокращениями, и это помогло экспедиции выжить.

Тогда этот процесс был ещё не так болезненен. Во-первых,

объём работ был ещё большой и наших прибылей хватало на расчёт с сокращаемыми (выходные пособия, выезд на материк). Во-вторых, штаты, как и везде, были раздуты, их сокращение не снижало качества работ. В-третьих, многие, осознавая ситуацию, увольнялись по собственному желанию. И в четвёртых, люди видели, надеюсь, объективность моих действий: я сократил, прежде всего, аппарат управления. Функции главного геолога взял на себя, убрал отдел труда и зарплаты, проектно-сметную группу, отделы – геологический, плановый и кадров резко сократил, оставив там по одному человеку, и т. д. А среди производственного персонала кандидатов на сокращение выбирал по необходимости для дела, а не личным привязанностям.

В целом, повторю, несмотря на появившиеся трудности, первые три года мы работали по-старому, и я ещё испытывал моральное удовлетворение от деятельности. Можно сказать, даже «горел» по сравнению со спячкой, в которой находился на прежней должности. Но уже в 1992 году произошёл ряд событий в личной жизни, по сравнению с которым общий негативный фон был ничто.

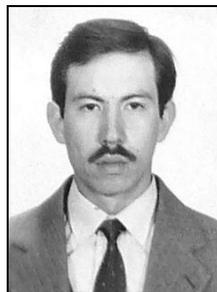
Заболела и не просто, а онкологией, Инна. Борьба с болезнью занимала все мои мысли и чувства. Умерла Неля, очень болен раком был Вилик. Это подрывало, прежде всего, силы и уверенность Инны.

С. В. Захаров

А.Г. Дорошенко, С.Л. Буланов

И.Н. Кушербаев

Осенью (12.09.1992 г.) вблизи пос. Козыревска в авиационной катастрофе вертолёта МИ-8 погиб практически

весь лётный состав нашей аэропартии – Сергей Буланов, Сергей Захаров, Идрис Кушербаев.

Погибла и геофизическая аппаратура, в том числе дорогостоящая АГСМ-станция. Помимо душевных переживаний, это привело к потере целого направления в нашей деятельности – аэромагнитной съемки.

А потом произошла катастрофа, лишившая меня смысла жизни, – умерла Инна. Я не знаю, как я умудряюсь жить без неё до сих пор.

Через полгода после Инны неожиданно, скоропостижно, от инфаркта, умер Юра (*Князатов*). Есть выражение «из-под ног уходит почва». С ним из-под моих ног ушла последняя кочка надежд и колебаний.

После смерти Инны весной 1993 года я находился в коматозном состоянии, но, будучи в Москве по делам, согласился съездить с Юрой в Собинку, чтобы оформить договор на квартиру и оплатить её. Прощаясь тогда с ним, чуть не расплакался, было чувство, что видимся последний раз, что я вот-вот умру. Через два месяца умер он, мой последний друг. С ним умерли и все размышления насчёт переезда.

Тем временем в кому впала и страна. Власти закончили перестройку мышления (по пути развалив Советский Союз), построили «социализм с человеческим лицом» (обосрав его так, что не осталось и морды) и приступили к строительству «демократии и капитализма». К моему и так плохому состоянию это добавило тревог за судьбу Жени и за дела в экспедиции.

Начались административно-структурные перетасовки и «прихватизация». Был создан новый федеральный орган – Камчатгеолком, позже переименованный в Камчатприродресурс – представительство Министерства на местах, выполняющее функции заказчика. Как поделился со мной В.И. Лаштабег, предполагалось, что он станет председателем геолкома, а В.В. Кноль (его главный инженер) – гендиректором Камчатгеологии. Но по новой моде руководство геолкома не назначалось, а избиралось. И выбрали в основном усилиями делегаций Геологосъёмочной и Северо-Камчатской экспедиций,

председателем М.Г. Патоку²⁴, главным геологом – А.Ф. Литвинова. Оба являлись начальниками геологосъёмочных партий. (Патока, правда, успел недолго поработать начальником Тематической экспедиции и несколько месяцев прочислился и. о. главного геолога Камчатгеологии). М.Г. Патоку выбрали за мягкость и покладистость. Думали, что легче будет трясти из него деньги, а А.Ф. Литвинова – за бурную «демократическую» демагогию, застывшую многим глаза настолько, что поверили в него как в Робин Гуда, расправлявшегося с коррупционерами и ворами. По моим меркам, оба они были зелёными выскочками.

В.И. Лаштабег

М.Г. Патока

А.Ф. Литвинов

В.И. Лаштабег вынужден был уехать. *(Впрочем, не думаю, что какой-то другой руководитель мог бы удержать свою лодочку-предприятие на плаву, когда корабль-страна погружается в бездну. Чуть лучше, чуть хуже).*

Началась борьба за выживание. У государства не было никакого плана реорганизации экономики: что развивать, что

²⁴ *От редакции:* Патока Михаил Григорьевич (1941-1999 гг.) Родился в г. Перми. В 1966 году окончил Пермский госуниверситет им. А. М. Горького, инженер-геолог. На Камчатке начал работать после окончания университета. Трудился в должностях техника-геолога, прораба, геолога, старшего геолога и начальника различных партий на геологосъёмочных работах. Один из первооткрывателей Асачинского золоторудного месторождения (1973 г.). Автор 20 научных статей. Кандидат геолого-минералогических наук.

В 1989-90 гг. – начальник ЦКТЭ, в 1990-92 гг. – главный геолог ПГО «Камчатгеология». В 1992-99 гг. – председатель Комитета по геологии и использованию недр Камчатской области, председатель Комитета природных ресурсов по Камчатской области и Корякскому автономному округу.

М. Г. Патока скоропостижно скончался в феврале 1999 года.

сократить. Его аппарат стремительно рос, а функции уменьшились до одной – сокращать финансирование везде и всюду: будь то металлургия, строительство и другие отрасли, чей продукт виден сразу, или геология, образование, здравоохранение, армия и т.д., чей результат рассчитан на годы.

Вторая функция государства – придумывать и собирать налоги, делая невозможной, неприбыльной любую работу. Иными словами, экономика была брошена на самотёк, на законы не просто дикого, бандитского капитализма.

Государев человек, министр геологии РФ В.П. Орлов, приезжавший к нам в середине 90-х, так и говорил:

- Не знаю, что будет, пытайтесь выжить, сохранить коллективы. На те деньги, что мы выделяем, хотите – работайте, хотите – закрывайтесь, сокращайтесь.

Министра (!) уже ничего не интересует, ни качество, ни цели работ, – лишь бы усидеть.

В таком же неведении находились и все другие представители власти. Я встречался с губернатором Камчатки В.А. Бирюковым, выбивая деньги на работы для Газпрома, с его замом Б.П. Синченко, хлопоча об общем состоянии экспедиции, с главами Елизовской администрации А.Б. Вавровским и Н.М. Пискуном, пытаясь передать жилой фонд, котельную и электросети, с чиновниками Министерства разного уровня, с руководителями Камчатприродресурса и везде наткнулся на беспомощность, желание уйти от любых решений, лишь бы его не трогали. Казалось, я лучше их понимал, что нужно делать.

Мне удалось добиться включения Геофизической экспедиции в список организаций, которые Указом Президента не подлежали приватизации. Таких из всех геологических организаций на Камчатке остались две – Геологосъёмочная экспедиция и наша (в большинстве регионов России оставляли по одной такой организации). Причём, когда я этого добивался, было далеко не ясно, что лучше: оставаться в списке государственных или акционироваться.

Интуиция мне помогла, так как акционировавшиеся или просто не попавшие в Указ Президента экспедиции уже к середине 90-х годов ликвидировались: Тематическая, ЦКГРЭ,

Пенжинская и Геофизическая сахалинская – без следа, на костях Северо-Камчатской ГРЭ выросло ЗАО «Корякгеолдобыча» (повезло), от Гидрогеологической остались Центр мониторинга и ООО, живущие на эксплуатации Малкинского месторождения минеральных вод («Аква», «Аквариус»).

Камчатгеология осталась только на бумаге – как юридическое лицо, на счётах которого скапливались долги обанкротившихся экспедиций, а из остатков создали Камчатнедра – бурение, взрывные работы, механизация и т.д. Формально надо мной на Камчатке не осталось начальства, я стал подчиняться непосредственно Министру.

И государственные предприятия (ГСЭ и ГФЭ), и разваливающиеся экспедиции, и мелкие фирмы, образующиеся на их остатках, жили за счёт денег, выделяемых Министерством и распределяемых Камчатприродресурсом. За эти деньги шла борьба, так что мы, руководители, из бывших коллег превратились в лютых конкурентов. Конечно, никто уже не думал о геологических результатах, только бы поменьше сокращать, да вовремя и нормально платить остающимся работникам.

Наиболее резко сокращалось финансирование разведочных и поисковых работ – тех, при которых мы играли вспомогательную роль. Так что вскоре мы не только перестали получать новые деньги на эти цели, но и потеряли их по всем уже выполненным договорам, – они пропали вместе с ликвидированными экспедициями.

По собственным видам работ мы конкурировали с ГСЭ, но нам было тяжелее, потому что Камчатприродресурсом руководили её «воспитанники». К тому же неблагоприятно складывались обстоятельства: помимо того, что мы потеряли аэромагнитную съёмку (из-за гибели людей и аппаратуры), к концу подходила гравиметрическая съёмка 1:200 000 масштаба, которой мы покрыли всю территорию Камчатской области. Так что из собственных работ осталось немного – региональные геофизические профили II класса для изучения глубинного строения недр и камеральные работы по ранее выполненным региональным съёмкам.

Я удивлялся, что нам не закрывают финансирование и этих работ. Частично это объяснялось благосклонностью к нам А.С. Фисюка – главного финансиста Камчатприродресурса, бывшего начальника планового отдела ПГО «Камчатгеология». Он имел большое влияние на молодых своих руководителей. С Анатолием Степановичем мы имели примерно одинаковый стаж в геологии, но общались мало, так как сначала он работал на севере в Пенжинской экспедиции, а потом по своим должностным обязанностям мало пересекались. Но однажды, в 80-х годах, мы провели несколько дней в тесном общении. Поступила коллективная жалоба сотрудников нашей Мильковской партии на начальника этой партии М.М. Задорнова (кстати, отца будущего министра финансов России и депутата Госдумы) и руководство ГФЭ. Фисюк был направлен руководством ПГО в качестве инквизитора по этой жалобе, а я своим руководством – в качестве представителя экспедиции, то есть жертвы, над которой он мог совершать экзекуцию. Во время разбирательств жили мы в одном номере гостиницы, в то время он ещё выпивал (сейчас абсолютный трезвенник), это помогало взаимопониманию, так что как-то незаметно в качестве ответчиков оказались сами жалобщики, а не я. Возвращались мы с разборок, можно сказать, друзьями. С тех пор дружеские отношения сохранились, и его покровительство оказалось как нельзя кстати в условиях дикого капитализма.

О другой причине я узнал неожиданно и случайно где-то около 2000 года. Мы летели из Москвы в соседних креслах с начальником ГСЭ С.С. Шевченко и А.Ф. Литвиновым (к тому времени М.Г. Патока умер, и он заправлял геологией в Камчатприродресурсе, был уже матёрым чиновником). Литвинов пожаловался, что вот при советской власти боялись рот открыть, мельтешили перед начальством, а теперь вроде и всех можешь послать куда хочешь, а толку всё равно нет (денег не дают). Я ответил:

- А кто Вам мешал при советской власти? Я, например, говорил всегда, что хотел, и не чувствовал притеснений.

- Ну, Вы! Вы были зубром, мастодонтом чёрт-те с каких времен. С Вами считались!

То есть многое мне перепадало, получается, за «мастодонство». *(Патока приехал на Камчатку всего-то на 7 лет позже меня, Литвинов – на 16 лет, и я считал, что у всех более молодых свободомыслия должно быть больше, а оказывается, что нет – старшее поколение было и демократичнее и свободнее – вот тебе и «дети сталинизма»).*

Из сторонних работ наиболее существенными были продолжавшиеся работы в Никарагуа, аналогичные поисковые и каротажные работы на о. Парамушир (Курилы), детальные гравиметрические съёмки на Западной Камчатке под обеспечение строящегося газопровода запасами и несколько более мелких объектов. Договора на эти работы заключались уже с частными предприятиями (ООО, АО и т. д.), но все они питались из бюджета страны, так что также задерживали оплату. Приходилось и ругаться, и даже судиться.

Резкое падение объёмов работ усугублялось тем, что и остающиеся невыгодно было выполнять из-за непомерных налогов. Учитывая, что задержки финансирования происходили в условиях дикой инфляции, любая деятельность практически сводилась к нулю (почему экономика страны и рухнула или ушла в тень).

Полный крах наглядно продемонстрировали в 1999 году празднества, устроенные Камчатприродресурсом по поводу 50-летия (дата, по-моему, надумана) создания геологической службы на Камчатке. Непосвящённому они могли показаться помпезными: издание книг воспоминаний, торжественное заседание в здании администрации области с раздачей наград, выставка в краевом музее, концерт самодеятельности в Доме офицеров, банкет, приезд бывших руководителей и заслуженных людей Камчатгеологии В.М. Никольского, Р.А. Ремизова, В.И. Лаштабега, Т.В. Тарасенко, Ю.П. Рожкова и др. Вроде соблюдены все атрибуты советских мероприятий, но это не вызывало никакого душевного подъёма, наоборот, росло чувство тревоги, убогости происходящего. Из Министерства никто не прилетел (зачитали телеграммы), из местных властей забежал на 5 минут вице-губернатор Б.П. Синченко произнести дежурный спич. Выступавшие на трибуне вспоминали дела

давно минувших дней, называя текущие тяжелыми, зал полупустой и в нём в основном «гэсээшники» да немного представителей нашей экспедиции. Срамота по сравнению даже с рядовым партхозактивом или Днём геолога советских времён. Никольский остался краснобаем и произнёс с трибуны:

- Вот получил ваше приглашение, думаю, съезжу, гляну последний раз на родные места и можно помирать. А у вас тут разворачиваются интересные дела (?), вырастили даже своего талантливого журналиста (А. Смышляева). Нет, рано помирать, интересно посмотреть, что получится.

Я ему говорю в перерыве:

- Вадим Михайлович, какие дела, какие перспективы? Вы гляньте в зал! Ведь ни одного не только юного, но моложе 50-летнего лица не видно, одни старперы.

- Да, Вы, наверное, правы.

Только банкет и запомнился. Но пить мы всегда умели – и белогвардейцы, и красные, и по поводу побед и по поводу разгрома, и в радости, и в тоске.

Почему мы всё-таки выжили? Если выживанием можно назвать просто сохранение вывески «Елизовская геофизическая экспедиция», а не её суть. Потому что, во-первых, я в унисон сокращению финансирования, не дожидаясь «лучших времён», и не накапливая долги, сокращал численность. В конечном счёте, за 10 лет в 10 раз против той, с которой начинал свое начальствование – до 45-50 человек. Весь АУП состоял из меня, моего зама, двух бухгалтеров, работника спецчасти, делопроизводителя-кадровика и начальника базы. На полевые работы, кроме имевшихся по штату, приглашали по трудовым соглашениям тех людей, которых сократили ранее, платить старались хорошо, но и они работали «и за того парня» – на региональных профилях, например, 10 человек делали больше, чем раньше 30. Сокращения были, конечно, болезненными, но люди как-то устраивались, большой обиды не держали и приходили в экспедицию на все праздники как в отчий дом.

Потому что, во-вторых, накопленное в советские времена имущество мы не разворовали (как почти повсеместно) в процессе «прихватизации», а работали на нём, приобретая

только самое необходимое – компьютеры, оргтехнику и т.п. Трудность заключалась в том, чтобы имущество и списать, и умудриться сохранить.

Ну, и третье, – в коллективе не было брожения, потому что практически на протяжении всего времени зарплата выплачивалась вовремя и была достойной. Для этих целей использовались и те средства, которые мы получали от продажи части имущества, сдачи его в аренду и от автостоянки, организованной на территории гаража. Я проработал начальником экспедиции дольше любого из своих предшественников, но общественно значимых деяний совершил немного (из-за эпохи реформ). Главной своей заботой и заслугой считаю своевременную выплату зарплаты и ещё, может быть, сохранение базы, которая может пригодиться, если геология начнет возрождаться.

Общественно полезные деяния мы совершили в СССР. Я захватил весь период наиболее бурного расцвета геологоразведочных работ на Камчатке, был одним из главных действующих лиц в нефтепоисках, приведших к открытию месторождений газа, и одним из сотен геологов, причастных в той или иной мере, прямо или опосредовано, к созданию её минерально-сырьевой базы. Сейчас эти месторождения – золоторудные Агинское, Асачинское, Аметистовое, геотермальное Мутновское, Малкинское и Быстринское минеральных и питьевых вод, Шанучское медноникелевое и масса других только начинают заинтересовывать, но будущие поколения, копаясь в наших отчётах, наверняка вспомнят нас. Может быть, этим стоит оправдать смысл своего существования. А может, наоборот, разработки месторождений угрожают экологию Камчатки и тогда потомки нас проклянут.

Так или иначе, мы свой след оставили. Как оставили его тысячи геологов по всей стране. Благодаря этим следам – месторождениям – страна и выжила и живёт сейчас, только наследивших выбросила за борт. Это дураки-депутаты могут утверждать, что богатство недр даны нам богом. Нет, они даны советскими геологами, советской

геологией, когда она была государственной политикой.

После ухода Инны моя жизнь оскудела. Семьи нет, друзей нет, приятели тают: кто умер, кто уехал, кто уволился и отдалился. И всё это в атмосфере изматывающих страну реформ, порождающих всеобщую душевную неустойчивость. Домом для меня стала экспедиция. Там я старался быть старшим братом или отцом. Но братья и дети были новые – люди, с которыми раньше почти не общался. Все они видели во мне, прежде всего, начальника, и я не заблуждался относительно искренности многих.

На этом фоне светлым пятном стал Сергей Станкевич²⁵. Он был начальником торфяной партии. Я его назначил сначала главным экономистом, потом замом. Увидел в нём продолжение себя, последователя или приверженца нашего девиза «пить так пить, работать так работать». Он был моей правой рукой, а в конце моей деятельности – и обеими руками, так как тащил всю работу: я физически превратился в развалюху, а духовно потерял остатки оптимизма по поводу реформ и целесообразности своей работы. Его можно было бы назвать моим четвертым другом, если бы не возраст: он скорее ближе к сыну.

По мере возможностей, которые с течением времени все быстрее таяли, мы организовывали, конечно, привычные вылазки на природу, в основном на рыбалку. Чаше узкой компанией (я, Сергей, Задирей, Перешивкин, Ефремов), но

²⁵ *От редакции:* Станкевич Сергей Терентьевич родился 06.09. 1961 г. в д. Свиращане Витебской области. В 1984 году окончил Калининский политехнический институт по специальности «геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых», горный инженер-геолог.

В 1984-99 гг. работал геологом, начальником отряда, начальником партии, начальником ПЭО, заместителем начальника экспедиции по экономике Елизовской геофизической экспедиции ПГО (АО) «Камчатгеология». В 2000-2015 гг. – заместитель гендиректора по экономике и планированию, директор по производству АО «Камчатгеология». В 2015-2017 гг. – исполнительный директор АО «Камчатгеология», с 2017 г. – заместитель директора, директор ОСП «Камчатская группа партий» АО «Северо-Восточное ПГО».

иногда и всем «рыбалкоспособным» населением экспедиции.

Пока была возможность, летали вертолётом на Курильское озеро и Ходутку, «пурговали» на р. Жупановой, ловили корюшку на р. Островной и озере Калагирь, гольца на озере Двухюрточном, на машинах добирались до Перевесной, Карамая, озера Начикинское и Сокочинское, сплавливались по р. Быстрой и т.д. Эти поездки изобиловали выпивкой, приключениями, рассказами и, конечно, расслабляли душу.

С. Станкевич, А. Задирей, Л. Смирнов

Слева - Л. Смирнов, справа - С. Станкевич.

Но для меня уже не существовало прежней радости возвращения домой: там меня никто не ждал, не кормил, не купал, не восхищался.

Учёные (Бехтерева, например) говорят, что мозг и сердце как органы, вероятно, связаны. Пока мой разум был раздавлен потрясением от смерти Инны, мое сердце болело, ныло, так продолжалось лет пять. Потом явная боль притупилась, но я постоянно чувствовал своё сердце, – видимо, продолжали поступать мозговые импульсы от общего разочарования в жизни, стрессов на работе, переживаний за сына.

И так я пришёл к своему инфаркту. Вероятность тяжёлой болезни можно было ожидать и по статистике – я болел редко, но тяжело: воспаление лёгких в 1945-м, плеврит в 1954-м, операция легкого в 1966-м, операция бедренной артерии в 1985 году. Так что 2001 год наступил даже с некоторой задержкой.

Инфаркт настиг меня в феврале 2001 года дома вечером, на диване. Я едва успел позвонить Сергею и знакомой врачихе, они вызвали скорую и отвезли в реанимацию. Тогда я ощутил,

что поддерживаемая мной «семейная» атмосфера на работе не показная. Люди постоянно ходили ко мне, кормили, носили лекарства и т.д. И тогда, когда я лежал в реанимации, и когда в больнице в Елизово, и потом, когда перевезли в больницу Петропавловска. Особенно старались Сергей, Таня Белоусова, Валя Протасова, Саша Задирей, спасибо им. Они «вытащили» меня и переправили в Москву, к Жене.

Там «вытаскивал» уже он. В мае 2001 года мне сделали операцию шунтирования. Она прошла с осложнениями: скапливалась жидкость в легких, которую трижды откачивали; случился также приступ аритмии до 170 ударов в минуту, от которого меня смогли избавить только электрошоком (отключением сердца и его запуском вновь элетроразрядом). Так что пришлось натерпеться и мне, и Жене.

Я вышел на работу, но физически чувствовал себя плохо и понимал, что надо было уже давно уйти на пенсию. Однако трудно было заставить себя лишиться даже того общения, которое имел на работе, и страшно оставаться без зарплаты. Но на новый, 2002 год, план финансирования ещё уменьшился, ещё сокращать людей и видеть их слёзы у меня больше не оставалось сил, и я послал Министру заявление с таким смыслом, что или думай о своих государственных предприятиях, или адью, увольняюсь.

Зачем ему думать, конечно, подписал. *(Министром тогда был автодорожник Артюхов, в какой стране до таких «реформ» могли додуматься?).*

Так, войдя в камчатскую геологию в пору её становления и развития, я покинул её в пору полного развала.

На «заслуженном» отдыхе я оказался одиноким, больным стариком. Единственным делом осталась дача. Сядешь на лавочке – солнышко светит, деревья растут, цветочки цветут, птички чирикают, бабочки порхают...

Всё. Жизнь прожита. Отсуетился. Остались последние конвульсии...

2006 г.

Послесловие к воспоминаниям Л. М. Смирнова

С Леонидом Михайловичем Смирновым я познакомился 30 лет назад, когда молодым специалистом приехал на Камчатку и устроился работать в Елизовскую ГФЭ. Леонид Михайлович был тогда главным геологом экспедиции. А в 1990 году, после ухода А.П. Нетесова, его назначили начальником экспедиции. В этой должности он отработал 12 лет.

Наиболее близко я сошёлся с Леонидом Михайловичем в 1992 году, когда был назначен начальником ПЭО экспедиции. Бывший начальник ПЭО В.К. Улевич, уходя на должность руководителя районного пенсионного фонда, предложил мне занять его место. В то время я как раз завершил работы по торфу в должности начальника партии, поэтому дал своё согласие. Хотя честно высказал сомнение в том, что справлюсь с экономикой экспедиции. На что Леонид Михайлович, похлопав меня по плечу, сказал: «Не с..ы, справишься!».

С тех пор, вместе работая, а часто и отдыхая, я постепенно стал, как говорят, его правой рукой, и поэтому могу написать несколько слов о Человеке, который оставил заметный след в геологии Камчатки, построил дом (и не один!), посадил дерево (не одно - сад!), вырастил сына и... написал книгу.

Леонид Михайлович был большим профессионалом, очень грамотным специалистом. Он являлся фанатом геофизики, что для геолога редкость. Он всегда внимательно читал все геологические проекты и отчёты, исправлял ошибки, убирал лишнее, выхватывая суть, добавлял недостающее; всё потом рассматривалось на НТС, обсуждалось, утверждалось. Он глубоко и всесторонне вникал в суть проблем и требовал этого от своих подчинённых. Это была хорошая школа для молодых специалистов. К сожалению, в последние годы от этого отошли и качество проектов и отчётов молодых (и не очень) специалистов упало, мягко говоря, низко.

Как начальник, он был прямым и справедливым, говорил правду в глаза, не прощал предательства. Не один раз бывало, что удерживал из зарплаты своих подчинённых, в т. ч. и своих друзей-приятелей, стоимость вертолёт, вездехода, когда они с их помощью браконьерили, летали за агатами на мыс Тэви и т.п.

Он отстаивал интересы экспедиции в партийно-хозяйственных органах (сам был беспартийным), когда принуждали к сельхозработам, призывали на военные сборы и требовали выполнения других, не свойственных геологии, задач. Добился выхода из ПГО «Камчатгеология», когда оно перестало выполнять свои функции в 90-е годы, после чего экспедиция под его руководством самостоятельно проработала ещё 10 лет.

Но когда министром геологии РФ стал дорожник Артюхов и дела дошли до абсурда (можно вспомнить анекдоты про гравий и гравий, временные разрезы, бредятину-планы и т. д.), Леонид Михайлович не выдержал и в 2002 году написал ему заявление на увольнение с припиской: «в таком бардаке не хочу и не могу работать». Уволили.

По жизни Леонид Михайлович был целеустремленным максималистом – во всём пытался достичь вершин (и достигал!): геологом – так главным, знающим всё или почти всё; начальником экспедиции – обязательно с лучшими показателями в ПГО; водителем – так лучшей машины, победителем в автогонках; лучшим шахматистом, рыбаком, охотником, грибником, ягодником, дачником; отцом – так вундеркинда (обязательно отдать во все кружки, секции, школы, ... МГУ... («замучил», как вспоминает сын Женя). Если что-то не удавалось, сильно переживал.

В лесу у костра

На шахматном турнире

В гараже

Его максимализм (любимая поговорка – «работать так работать, пить так пить...») сказался и на его здоровье: он перенёс многочисленные операции, в т. ч. аортокоронарное

шунтирование. С трудом перенёс ранний уход из жизни жены (она тяжело умирала у него на руках), как говорят, почернел.

Когда он понял, что сам безнадежно болен, пытался уйти из жизни, чтобы не быть никому обузой: лёг спать в машине с включённым двигателем в закрытом гараже. Но его случайно обнаружил, проходя мимо, и вытащил из машины его друг.... Очнувшись после реанимации и узнав, что ему помешал друг, расстроился до слёз: «Пи..дрон! Зачем? Кто тебя просил? Неужели не понятно...?». И не простил его до конца своих дней.... Умер через четыре месяца в Москве на руках у сына.

Похоронен он на Камчатке, как и завещал, рядом с женой, с памятником из авачита. Несколько глыб авачита он привёз (с тем самым другом) со склона Авачинского вулкана на памятник жене, а один камень оставил себе: «Когда помру, похороните рядом с Инной и сделаете из него памятник».

Вот таким остался в моей памяти Леонид Михайлович Смирнов – мой Начальник, Друг и Учитель.

Сергей Станкевич

СОДЕРЖАНИЕ:

Краткая биография Л.М. Смирнова	2
<i>Б. Шеунов. Предисловие</i>	3
Главы книги «Зигзаги жизни»	
Мечта	4
Сезоны	16
Богачёвка	78
Тема	92
Главный геолог	127
Начальник	182
<i>С. Станкевич. Послесловие</i>	198

НП «Горнопромышленная ассоциация Камчатки»

Оформление и макет – *Б.А. Шеунов*

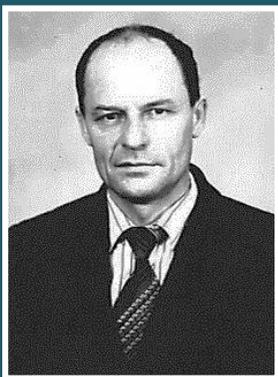
Редактор – *Б.А. Шеунов*

Подписано к печати – *15.10.2020*

Тираж – *120 экз.*

Отпечатано в ООО «Вуокса»

683000 г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинградская, 100

«Общественно полезные деяния мы совершили в СССР. Я захватил весь период наиболее бурного расцвета геологоразведочных работ на Камчатке, был одним из главных действующих лиц в нефтепоисках, приведших к открытию месторождений газа, и одним из сотен геологов, причастных в той или иной мере, прямо или опосредовано, к созданию её минерально-сырьевой базы.

Сейчас эти месторождения – золоторудные Агинское, Асачинское, Аметистовое, геотермальное Мутновское, Малкинское и Быстринское минеральных и питьевых вод, Шанучское медноникелевое и масса других только начинают заинтересовывать, но будущие поколения, копаясь в наших отчётах, наверняка вспомнят нас. Может быть, этим стоит оправдать смысл своего существования. А может, наоборот, разработки месторождений угробят экологию Камчатки и тогда потомки нас проклянут.

Так или иначе, мы свой след оставили. Как оставили его тысячи геологов по всей стране. Благодаря этим следам – месторождениям – страна и выжила и живёт сейчас, только наследивших выбросила за борт. Это дураки-депутаты могут утверждать, что богатство недр даны нам богом. Нет, они даны советскими геологами, советской геологией, когда она была государственной политикой.»

Л. Смирнов «Зигзаги жизни», 2006 г.